

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1982

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
 С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
 М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
 И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
 Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

ских
 фикс
 местн
 ный
 ная н
 зима
 аязл
 ный
 С
 леко
 су -л
 носит
 памят
 покр
 языко
 ском,
 агыры
 даглы
 чул-т
 нат-т
 Е
 гурско
 некото
 превра
 лик, йа
 лось и
 зульт
 В коне
 (ср. со
 языке:
 ное неб
 ке; ср.
 балыкт
 аффико
 бую фо
 вавши
 сыыр 'г

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ АФФИКСОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Из истории аффикса относительных прилагательных *-лы* в тюркских языках. В некоторых тюркских языках широко распространен аффикс относительных прилагательных *-лы*; ср. ног. *тавлы ер* 'гористая местность', канлы *согыс* 'кровавый бой', кум. *булутлу гюн* 'облачный день', *тебелли ер* 'холмистая местность', башк. *йондозло тон* 'звездная ночь', туркм. *гарлы гыш* 'снежная зима', азерб. *гарлы гыш* 'снежная зима', тат. *айлы тон* 'лунная ночь', каз. *аязды кун* 'морозный день' из *аязлы кун*, ккалп. *балалы киси* 'семейный человек', тур. *telli saz* 'струнный инструмент', чув. *вайла лаша* 'сильная лошадь' и т. д.

Однако аффикс относительных прилагательных *-лы* свойствен далеко не всем тюркским языкам. Есть тюркские языки, в которых аффиксу *-лы* соответствует аффикс относительных прилагательных *-лыг*. Относительные прилагательные с аффиксом *-лыг* были представлены в памятниках древнетюркской письменности; ср. др.-тюрк. *qarlıy tay* 'гора, покрытая снегом', *jaŋlı aŋ* 'жирная пища'. Из современных тюркских языков прилагательные на *-лыг* сохраняются только в хакасском, шорском, тувинском, тофаларском и чулымско-тюркском языках; ср. хакас. *агырыг пола* 'больной ребенок', *азырыг ағас* 'ветвистое дерево', тув. *дагыг чер* 'гористая местность', *адырыг терек* 'ветвистый тополь', чул.-тюрк. *та:дыг* 'вкусный', тоф. *маллыг* 'имеющий скот', шорск. *канат-тыг* из *канатлыг* 'крылатый' и т. д.

Есть все основания предполагать, что аффикс *-лыг* был также в уйгурском, киргизском, алтайском и якутском языках, но он подвергся некоторым фонетическим изменениям. В уйгурском языке конечное *г* превратилось в *к*; ср. ново-уйг. *путиқлик яғач* 'ветвистое дерево', *ташлиқ йәр* 'каменистая почва'. В киргизском языке конечное *г* подверглось известной вокализации, которая привела к образованию *й*. В результате влияния конечного *й* произошло огубление предшествующего *ы*. В конечном счете из полудифтонга *оу* образовался долгий гласный *у* (ср. современные формы относительных прилагательных в киргизском языке: *балалуу киши* 'человек, имеющий детей', *жылдыздуу көк* 'звездное небо'). Нечто подобное, по-видимому, произошло и в алтайском языке; ср. алт. *салкын-ду кун* 'ветреный день' (*салкынду* из *салкынлу*), *балыкту суу* 'богатая рыбой река' (*балыкту* из *балыклу*). Конечное *у* аффикса относительных прилагательных *-лу*, *-ту* является долгим. Особую форму приобрел аффикс *-лыг* и в якутском языке, трансформировавшись в *-лаах* (*-таах*, *-наах*); ср. *сыырдаах сир* 'гористая местность' от *сыыр* 'горка', *тыаллах сир* 'лесистая местность' от *тыа* 'тайга' и т. д.

Возникает вопрос: тождествен ли аффикс относительных прилагательных *-лы* аффиксу относительных прилагательных *-лығ*, и мог ли аффикс *-лы* произойти от аффикса *-лығ*?

Некоторые тюркологи отвечают на этот вопрос положительно. В. Котвич аффиксы *-лығ* и *-лы* объединяет в одну группу, предполагая их общее происхождение. «Конечный согласный $-y \sim -g$, — замечает он, — сохраняют только немногочисленные диалекты (язык орхонских надписей, сибирские и тувинский); другие заменяют его глухим взрывным $-q \sim -k$ (*-liq*, говоры Восточного Туркестана) или фрикативным $-x$ (*-lah*, якутский язык), однако чаще всего $-y \sim -g$ полностью утрачиваются, вызывая удлинение предшествующего гласного в тех диалектах, которые имеют долгие гласные: $-l\bar{y} \sim -l\bar{i}$ (кирг., якут.), $-l\bar{u} \sim -l\bar{i}$ (диалекты алтайских тюрков), *-лы̄ ~ -лӣ* (казах., кумык., башк.) и т. д.»¹.

В примечаниях к книге Г. И. Рамштедта «Введение в алтайское языкознание. Морфология», Н. А. Баскаков указывает, что аффиксы *-лы* и *-лығ* восходят к единой древней форме *-лығ/-луғ*, хотя существует мнение о различном их происхождении².

Н. З. Гаджиева возводит аффикс *-лы* к первоначальному *-лығ*³.

Есть точки зрения, отрицающие генетическую связь аффиксов *-лы* и *-лығ*. П. М. Мелиоранскому казалось невероятным, чтобы из одного и того же орхонского *-лығ*, *-лиғ* развились впоследствии в «южнотурецком» *-лык*, *-лик* для существительных и *-лы*, *-ли* для прилагательных⁴.

Есть также работы, в которых о происхождении аффиксов *-лы* и *-лығ* вообще не высказывается достаточно определенных взглядов; ср., например, работу М. Р. Рясенена «Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen»⁵. Ничего определенного о происхождении этих аффиксов не высказывает и А. М. Щербак⁶.

Какая же из перечисленных точек зрения ближе всего к истине? Ответить на этот вопрос довольно трудно, ибо ни одно из высказанных предположений достаточно образом не аргументировано.

Допустим, что аффикс относительных прилагательных *-лы* произошел из аффикса *-лығ*. Но тогда мы сталкиваемся с серьезным противоречием. Аффикс *-лығ* содержит изменяющийся элемент *ығ*, благодаря чему он может преобразовываться в *-лы*, или в *-лык*, и, наконец, просто в *-луу*, как в алтайском и киргизском.

Если мы возьмем такое древнетюркское слово как *сатығ* 'торговля', которое также содержит элемент *ығ*, то легко заметим, что результаты изменения этого *ығ* здесь будут совершенно иными; ср. тат. *сату* 'торговля' из *сатығ*, каз. *бару* 'хождение' из *барығ*, кум. *языв* 'надпись' из *языығ*, кирг. *жазуу* 'писание' из *языығ*, алт. *саду* 'торговля' из *садығ*, якутск. *бары* 'уход' из *барығ* и т. д.

Как же объясняются такие различия в отражении этого элемента?

Некоторый ответ на этот вопрос дает якутский язык. В якутском языке гласный в аффиксе *-лаах* долгий. Отсюда можно сделать вывод, что *ы* в аффиксе *-лығ* было когда-то также долгим. Однако хорошо известно, что долгие гласные в тюркских языках довольно рано подверг-

¹ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 111.

² См.: Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Примечания. М., 1957, стр. 230.

³ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 79.

⁴ П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль Текина. — Записки восточного отделения Русского археологического общества, СПб., 1899, II, 2—3, стр. 95—97.

⁵ M. Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 105.

⁶ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 109—112.

лись сокращению. В результате этого сокращения аффикс *-лы:ғ* должен был принять форму *-лығ* и конечный элемент *ығ* мог бы дать те же результаты изменения, что и элемент *ығ* в слове *сатығ* 'торговля'.

Решение этого вопроса осложняется тем обстоятельством, что аффикс *-лы:ғ* в разных тюркских языках изменялся по-разному. В одних тюркских языках конечное *ғ* дало неслоговое *й*, в результате чего элемент *ығ* получил форму *йы*. В киргизском и алтайском языках произошло дальнейшее изменение дифтонга *йы* в направлении к *оу*. Стяжение дифтонга *оу* и дало долгое *у* (ср. алт. *салкынду*: 'ветренный' из *салкын-лу*; кирг. *жылдызду*: 'звездный' из *жылдызлу*).

В других тюркских языках происходило оглушение конечного *ғ* в элементе *ығ*, в результате чего образовалось задненёбное *ң*. Эта стадия развития до сих пор сохраняется в современном уйгурском языке; ср. ново-уйг. *пугаң-лиқ* 'ветвистый'.

В дальнейшем конечное *ң* во многих тюркских языках отпало; ср. *сары* 'желтый' < *сарың* < *сарығ*; *ала* 'пестрый' из *алаң* < *алағ* и т. д.

После отпадения конечного *ң* аффикс *-лың* во многих тюркских языках принял форму *-лы*.

Есть все основания предполагать, что аффикс *-лы:ғ* по происхождению является аффиксом совместного падежа или комитатива, существовавшего в тюркском праязыке. Этот аффикс имел форму *-лы:ғ*. В пользу этого предположения могут быть приведены нижеследующие доводы.

1) Возможность использования аффикса совместного падежа для образования относительных прилагательных подтверждает история образования относительных прилагательных в монгольском языке. Эти прилагательные в монгольском имеют аффикс *-тай*. Ср. монг. *нөлөөтэй* 'влиятельный' от *нөлөө* 'влияние', *угалзатай* 'узорчатый' от *угалз* 'узор', *дүйтэй* 'умелый' от *дүй* 'способность' и т. д. Аффикс относительных прилагательных *-тай*, *-тэй* совпадает с аффиксом совместного падежа *-тай*, *-тэй*; ср. монг. *туг* 'знамя', *тугтай* 'со знаменем', *нэр* 'имя', *нэртэй* 'с именем' и т. д.

2) Особенность форманта *-лы*, *-ли* (из *-лығ*, *-лиғ*) была подмечена еще Г. Рамstedтом: «В древних тюркских (уйг., ср.-тюркск., чаг.) имелось некое *-li*, которое встречалось обыкновенно при двух стоящих рядом именах и должно переводиться, как „и“, „как, так и . . .“, „и . . . и . . .“: др.-тюркск. *inili*, *āili* 'как младшие, так и старшие братья'; уйг. *tünli künli* 'ночь и день', *tāñrili jirli* 'небо и земля'»⁷.

3) В некоторых современных тюркских языках аффикс *-лы* (из *-лы:ғ*) часто имеет скорее значение совместного падежа, нежели относительного прилагательного; ср. турк. *Саятлы Хемра* (название романа Шабенде) «Саят и Хемра» (или точнее «Хемра с Саят»⁸), тат. *сыерлы кеше* не 'коровий человек', а 'человек, имеющий корову', 'человек с коровой', каз. *бақшалы кісі* не 'садовый человек', а 'человек, имеющий сад', 'человек с садом', ұйлы адам 'человек имеющий дом', як. *кыыстаах уол* 'мальчик и девочка', 'мальчик с девочкой' (от *кыыс* 'девочка'), *үтүлүкгээх бэрэңхэтин ыйатта* 'он повесил шапку с рукавицами'⁹. Особенно 'показательны в этом отношении в якутском такие примеры, как *киһилээх кэллэ* 'пришел с человеком'¹⁰.

⁷ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 46.

⁸ А. П. Поцелуевский. Некоторые рудиментарные формы в туркменском языке. — А. П. Поцелуевский. Избранные труды. Ашхабад, 1957, стр. 127.

⁹ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Часть первая. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 134.

¹⁰ «Якутско-русский словарь». М., 1972, стр. 164.

На возможную связь тюркского аффикса *-лығ* с аффиксом комитатива *-луға* в старомонгольском указывал Н. Н. Поппе¹¹.

2. О происхождении дательного-направительного падежа *-қа*, *-ға* в тюркских языках. Основным предметом спора тюркологов является вопрос: может ли данный аффикс делиться на составные элементы? Д. Синор, Б. А. Серебренников и К. Г. Менгес рассматривают его элемент *-а* как древнейший показатель дательного (дательного-направительного) падежа, который в сочетании с *-қ*, также являвшимся, по их мнению, аффиксом дательного падежа, образовал аффикс *-қа*¹².

А. М. Щербак, солидаризуясь в этом отношении с О. Бётлингом, высказывает предположение, что аффикс дательного-направительного падежа *-а* в огузских языках восходит к *-ға*. По-видимому, преобразование *-ға* в *-а*, происходившее в начале только в пределах личных местоимений (ср. гаг. *бана* 'мне', *сана* 'тебе', *она* 'ему'; кирг. *маға*, *саға*, *аға*), позднее распространилось на существительные с конечным звонким согласным, а затем, по аналогии, в ряде тюркских языков стало всеобщим¹³.

Однако представить все эти процессы довольно трудно. Можно все-таки привести различные доводы в пользу того, что элемент *-а* в аффиксе дательного-направительного падежа *-қа* представлял собой наиболее древний аффикс дательного-направительного падежа в тюркских языках.

Аффикс *-қа* мог бы упроститься в *-а*, если бы он был трудно произносимым, или какие-нибудь фонетические процессы в самих тюркских языках вели бы к его упрощению. Однако, в действительности оба эти обстоятельства отсутствовали. Нельзя абстрагироваться и от того бесспорного факта, что даже в тех тюркских языках, где сохранился, по А. М. Щербаку, аффикс древнего дательного-направительного падежа *-қа*, наряду с ним существует и вариант *-а*; ср. тат. *кызым-а* 'моей дочери', *кызын-а* 'его дочери', но *урман-га* 'в лес', *тавык-ка* 'курице' и т. д. Так почему же древний аффикс дательного-направительного падежа *-қа* в формах притяжательного склонения упростился в *-а*?

Проблема происхождения первого составного элемента аффикса дательного-направительного падежа *-қа* остается актуальной. Нам представляется, что в свое время В. Банг в поисках ее решения напал на правильный след. Он сопоставил элемент *к* с начальным согласным в аффиксе *-кы*; ср. *ташкы* 'внешний' (предположительно падеж положения, покоя)¹⁴. Такой аффикс в тюркских языках действительно существует; ср. тат. *югары-гы* 'верхний', *алда-гы* 'передний', *түбәнге* 'нижний', *ес-ке* 'верхний', туркм. *уч-кы* 'крайний', 'конечный', узб. *ич-ки* 'внутренний', каз. *ал-ғы* 'передний', ккалп. *дүз-ги* 'находящийся в поле', ног. *иш-ки* 'внутренний' и т. д.

Следует также иметь в виду еще одно важное обстоятельство. В языках действует тенденция укрепления суффиксов, состоящих только из одного звука или из одного слога. Это осуществляется обычно путем соединения этих формативов с так называемыми коаффиксами. Суффик-

¹¹ N. Poppe. Introduction to mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 203.

¹² Б. А. Серебренников. К вопросу о происхождении элемента *к* (g, q, γ) в окончаниях дательного-направительного падежа в тюркских языках. — «Краткие сообщения Института народов Азии. 83. Монголоведение и тюркология», М., 1964, стр. 69—71; K. H. Menges. The Turkic languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — «Ural-Altische Bibliothek», Wiesbaden, 1968, XV, стр. 110.

¹³ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 37.

¹⁴ W. Bang. Vom Koktürkischen zum Osmanischen. I, Berlin, 1917, стр. 52.

сом
менн
финс
менн
-ssa

ным
чение

Н

языко

показ

да ок

дател

в эпо

3.

тив -т

чув. м

внизу'

'наход

ство в

Н

курент

от кай

от инд

Ге

интерв

ные ст

тавра

нейшем

ции; ср

Чу

пролит

падежа

Ка

ности, а

дения, л

тюрк. с

ятно, бы

различ

Есл

кой-то с

падеж в

го падеж

динено с

Тру

они совп

Афф

и может

так и с

дящийся

Не п

ср. чув.

языке со

рый имее

яз-гы 'ве

сом аблатива в финском языке был когда-то суффикс *-ta*, но в современном финском языке этот суффикс имеет форму *-sta*. В ненецком и финском языках местный падеж имел когда-то суффикс *-на*, но в современном ненецком языке он имеет форму *-кана*, а в финском — форму *-ssa* из *-sna*.

Коаффикс не должен обязательно совпадать по значению с основным суффиксом. Важно, чтобы он имел какое-нибудь локальное значение.

Не исключена возможность того, что и в некоторой части тюркских языков, в языках кыпчакских, также происходило соединение древнего показателя дательно-направительного падежа *-а* с коаффиксом *к*, откуда окончание *-қа*. В этом нет ничего невозможного. Вариант аффикса дательно-направительного падежа *-қа*, по-видимому, уже существовал в эпоху тюркского праязыка.

3. О чем свидетельствует форматив *-ти* в чувашском языке? Форматив *-ти* в чувашском языке обычно указывает на местонахождение; ср. чув. *мал-ти* 'передний' от *мал* 'перед', *аял-ти* 'нижний', 'находящийся внизу' от *аял* 'низ', *сиел-ти* 'находящийся наверху' от *сиел* 'верх', *сул-ти* 'находящийся сверху' от *сул* 'высота', *тул-ти* 'внешний' от *тул* 'пространство вне помещения', *хысал-ти* 'находящийся сзади' от *хысал* 'зад' и т. д.

Нужно сказать, что в чувашском языке у этого аффикса есть конкурент — аффикс *-ри*, имеющий то же значение; ср. чув. *кай-ри* 'задний' от *кай* 'зад', *айш-ри* 'внутренний' от *айш* 'внутренность', *инсет-ри* 'дальний' от *инсет* 'даль' и т. д.

Генетически эти аффиксы тождественны. Начальное *т* аффикса в интервокальном положении могло превратиться в *р* через промежуточные ступени $\delta > \delta > r$; ср. *таврари* 'окрестный' от *тавра* 'окрестность' (из *таврати*), *хушари* 'промежуточный' от *хуш* 'промежуток' и т. д. В дальнейшем это *-ри* механически могло распространиться и на другие позиции; ср. *инсет-ри* 'дальний'.

Чувашский форматив *-ти* интересен в том отношении, что он может пролить некоторый свет на историю происхождения аффикса местного падежа *-та* в тюркских языках.

Как показывают наиболее древние памятники тюркской письменности, аффикс *-та* имел некогда два значения: 1) значение местонахождения, 2) обозначение движения от чего-либо, или из чего-либо. Др.-тюрк. *суғ-да* могло означать 'в воде', а *каган-та* 'от императора'. Вероятно, было время, когда в тюркских языках местный и исходный падежи различались по форме.

Если учесть, что в аффиксе *-ти* конечное *и* представляет собой какой-то особый аффикс, то можно предполагать, что древний местный падеж в тюркских языках имел окончание *т*. При образовании исходного падежа *-т* был использован как коаффикс, к которому было присоединено окончание древнего дательно-направительного падежа *-а*.

Трудно объяснить последующий синкретизм этих падежей. Почему они совпали по форме и формально перестали различаться?

Аффикс *-ти* в чувашском языке не подчиняется гармонии гласных и может употребляться в одинаковой степени как с переднерядными, так и с заднерядными основами; ср. *мал-ти* 'передний' и *сиел-ти* 'находящийся наверху'.

Не подчиняется гармонии гласных и другой чувашский аффикс *-хи*; ср. чув. *сур-хи* 'весенний', *кёр-хи* 'осенний'. Аффикс *-хи* в чувашском языке соответствует аффиксу *-қы/-ки* в других тюркских языках, который имеет то же значение, но подчиняется гармонии гласных; ср. тат. *из-гы* 'весенний', но *көз-ге* 'осенний' (из *күз-ги*). Отсюда можно сделать

вывод, что чувашский аффикс *-ти* также некогда подчинялся гармонии гласных и имел формы *-ты* и *-ти*.

В чувашском языке наблюдается и другое интересное явление. Форме *сул-ти* 'верхний' может соответствовать по значению форма с обычным аффиксом местного падежа *-та*, *-те*; ср. чув. *султа* 'наверху' и чув. *сул-ти* 'находящийся наверху'. Значения очень близкие. Отсюда можно сделать вывод, что древнейшей формой аффикса местного падежа было *-ты*, *-ти*.

В тюркских аффиксах очень часто наблюдается аблаут *а: ы*; ср. тур. *utan-gaç* 'стыдливый' и ккалп. *авыр-гыш* 'болезненный' из *авыргыч*, азерб. *гудур-ган* 'бешеный' и тур. *kir-gin* 'сломанный', каз. *ал-ар-мын* 'я возьму', тат. *ал-ыр-мын* 'я возьму' и т. д. Не исключена возможность того, что аффикс местного падежа *-ты* имел аблаутную форму *-та*, которая, по-видимому, еще в эпоху пратюркского языка распространилась на все тюркские языки, в результате чего в древних тюркских языках возникла омонимия местного и исходного падежей. Оба значения стали обозначаться одним аффиксом *-та*. В связи с появлением новой формы исходного падежа на *-тан*, *-дан* эта омонимия в дальнейшем была устранена.

4. О двух тюркских аффиксах *-са* разного происхождения. В тюркских языках есть аффикс *-са*, который обычно служит показателем условного наклонения; ср. кирг. *Директор кел-се, заводго экскурсияга барабыз* 'Если придет директор, мы пойдем на экскурсию на завод', тат. *Ишеткэн булса, миңа эйтер иде инде ул* 'Если бы он слышал, то сказал бы уж мне', узб. *Планни бажарсаң, ёмон булмас* 'Если выполним план, плохо не будет'.

Аффикс *-са* как показатель условного наклонения по своему происхождению является показателем древнего тюркского желательного наклонения.

В реликтовом виде древнее значение оптатива встречается и в современных тюркских языках; ср. азерб. *Москваја кетсәјдим, ону көрсәјдим* 'Поехать бы мне в Москву, повидать бы ее', тат. *Эх, шул тойгыларны китап итеп язсалар иде* 'Эх, об этих чувствах написали бы книги'¹⁵.

Однако в тюркских языках есть другой аффикс *-са*, выражающий временное значение; ср. тат. *артына борылып караса, Харун уң яктарак икенче бер трактор күрөп алды* 'Как-то повернувшись назад, Харун правее себя увидел еще один трактор'¹⁶.

Аффикс *-са* в этом случае совершенно не связан по происхождению с оптативным показателем *-са*. Скорее он связан с причастием на *-са* в чувашском языке; ср. *Лав, айлама ан са, пёр сехет хушии пек такәр сулла пычә*. 'Спустившись в низину, подвода около часу двигалась по ровной дороге'¹⁷.

Деепричастие на *-са*, по-видимому, входит в одну серию с деепричастием на *-а*; ср. тат. *бара* 'идя', чув. *вёстере (пар)* 'улетая', *чупа-чупа* 'бегая' и т. д. Происхождение элемента *с* неизвестно.

5. Об отождествлении тюркского аффикса отглагольных существительных *-ыш/-иш* с аффиксом отглагольных существительных *-л* в монгольском языке. Н. А. Баскаков в своей работе «Алтайская семья языков и ее изучение» отождествляет тюркский аффикс отглагольных имен

¹⁵ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 329.

¹⁶ Там же, стр. 353.

¹⁷ «Материалы по грамматике современного чувашского языка». Чебоксары, 1957, стр. 244.

сущес
пола
терек
ш в
тюрк
тэмц
ности

л. В
-дл.

нился
'захо
сатьс
'свид
'жить
тожд

6

ского

«Вве,

всех

ского

торог

дится

из-м

К

t'eng

Н

Г

тюрк

не-м

ст қс

тельс

7

ских

инфи

алма

сикм

Р

тельн

дует

имен

значе

лотул

лок'

жаты

существительных *-ыш/-иш* с монгольским аффиксом *-л*, очевидно предполагая, что для монгольского языка, как и для чувашского, был характерен так называемый ламбдаизм, то есть соответствие звука *л* звуку *ш* в других тюркских языках. При этом он приводит такие примеры: тюрк. *кел-иш* 'приход', *ал-ыш* 'взятие', ккалп. *ат-ыш* 'стрельба', монг. *эмцэ-л* 'борьба', *бодо-л* 'дума', 'рассуждение', *зана-л* 'угроза', 'опасность'¹⁸. Подобное сопоставление, безусловно, неправомерно.

Допустим, что *ш* в аффиксе *-ыш/-иш* действительно произошел из *л*. В таком случае аффикс *-ыш* в чувашском языке приобрел бы форму *-ӓл*. Однако такого аффикса в чувашском языке нет.

Древнетюркский аффикс *-ыш/-иш* в чувашском почти исчез и сохранился только в некоторых словах; ср. чув. *анӓс* 'закат солнца' от *ан-* 'заходить' (о солнце), 'спускаться', *сӓлӓнӓс* 'спасение' от *сӓлӓн-* 'спасаться', *тавӓрӓнӓс* 'возвращение' от *тавӓрӓн-* 'возвращаться', *курӓнӓс* 'свидание' от *курӓн-* 'становиться видным', *пурӓс* 'жизнь' от *пурӓн-* 'жить', 'проживать'. Эти данные опровергают гипотезу о генетическом тождестве тюркского аффикса *-ыш/-иш* и монгольского *-л*.

6. О правомерности предположения о генетической общности тюркского аффикса *-ма* с монгольским аффиксом *-ма*, *-м*? В своей книге «Введение в алтайское языкознание» Г. И. Рамstedт отмечает, что во всех алтайских языках мы встречаем много примеров некоего архаического отглагольного имени с суффиксом *-т*, различные производные которого должны быть также весьма древними¹⁹. Им, в частности, приводится аффикс *-ма* в тюркских языках, например: *бас-ма* 'напечатанный', *яз-ма* 'написанный' и т. д.

Все это сопоставляется с монгольским аффиксом *-ма*; ср. ордос. *t'engeride t'ulma* 'высокий до неба', халх. *xudxu-ma* 'густой' и т. д.²⁰

Некритически повторяет Г. И. Рамstedт и Н. А. Баскаков²¹.

Генетическое родство этих аффиксов сомнительно, поскольку в тюркских языках первичной формой этого аффикса была форма *-ба*, а не *-ма*; ср. каз. *түн-ба* 'осадок' от *түну-* 'отстаиваться', *қос-па* 'смесь' от *қосу-* 'примешивать', ср. ккалп. *қос-па* 'объединенный', *бас-па* 'издательство', каз. *бас-па* 'издательство', ср. тат. *бас-ма* 'печатный' и т. д.

7. О происхождении аффикса инфинитива *-мақ*. В целом ряде тюркских языков, прежде всего в южных, особое распространение получил инфинитив на *-мақ*; ср. тур. *başlamak* 'начинать', *vermek* 'давать', азерб. *алмағ* 'брать', *тапмағ* 'находить', *ичмәк* 'пить', узб. *ёзмоқ* 'писать', уйг. *сикмақ* 'давить', бэ(р)мәк 'давать', кирмәк 'входить' и т. д.

Ранее мы рассматривали этот инфинитив как форму древнего дательного-направительного падежа на *-қ*²², однако такое объяснение следует признать ошибочным. В тюркских языках существует целый ряд имен существительных с этим аффиксом, придающим им определенное значение; ср. каз. *ілек* 'крючок', 'петля' от *ілу-* 'зацеплять', *тоқпақ* 'колотушка' от *тоқылдау-* 'издавать стук', *сылдырмақ* 'погремушка', 'брелок' от *сылдырау-* 'звенеть', *батпақ* 'болото' от *бату-* 'тонуть', 'погружаться'²³.

¹⁸ Н. А. Баскаков. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981, стр. 85.

¹⁹ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 100.

²⁰ Там же, стр. 102.

²¹ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 69.

²² Б. А., Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 80, 238.

²³ «Современный казахский язык». Алма-Ата, 1962, стр. 144.

По всей видимости, аффикс *-мақ* сложный, состоящий из двух аффиксов *-ма* и *-қ*. В основе это отглагольные существительные на *-ма*; ср. каз. *шығарма* 'сочинение' от *шығару* 'сочинять', тат. *булма* 'комната' от *бул-* 'делить', узб. *бирлашма* 'объединение' от *бирлаш-* 'объединять', туркм. *алма* 'взятие' от *ал-* 'брать', азерб. *бэркитмэ* 'укрепление' от *бэркит-* 'укреплять' и т. д.

Аффикс *-қ* здесь имеет модальное значение. Каз. *илмек* 'крючок', то есть 'то, на что можно что-то повесить'. По существу это тот же аффикс, что в слове *ора-қ* 'серп' от *ор-* 'жать'. Орак — это 'то, чем можно жать'.

Это модальное значение в ряде тюркских языков и было использовано для создания инфинитивов на *-мақ* типа *алмақ*. Эти инфинитивы, по-видимому, первоначально были супинами или инфинитивами цели. Развитие значения шло в направлении — 'то, чем можно взять' > 'чтобы взять'. И только позднее возникло значение 'брать вообще'.

8. О тюркских аффиксах *-ж*, *-с*, *-ч*, *-р*, *-ын*, *-л* с модальным значением. Аффикс *-қ*. Модальное значение аффикса *-қ* в тюркских языках обнаруживается всюду. Особенно наглядно первоначальное модальное значение выступает в названиях орудий; ср. ног. *шал-гы* 'коса' от *шал-* 'резать', 'ударять', тув. *хар-гы* 'скребок' от *хар-* 'скрести', гаг. *сар-гы* 'портянка' от *сар-* 'обертывать', тат. *пыч-кы* 'пила' и т. д. Ног. *шалгы*, тат. *чалгы* означало некогда — 'то, чем можно косить'.

Другой формой данного аффикса является аффикс *-ж*; ср. каз. *ора-ж* 'серп' от *ор-* 'жать', туркм. *гап-ак* 'крышка' от *гап-* 'покрывать', тат. *ята-к* 'постель' от *ят-* 'лежать'. Идея здесь та же. Орак — это 'то, чем можно жать'.

Иногда аффиксы *-ж* и *-ақ* выступают в соединенном виде; ср. тат. *иш-как* 'весло' от *иш-* 'гребти', узб. *илгак* 'крючок' от *ил-* 'зацеплять', башк. *кайрак* 'точило' от *кайра-* 'точить'. Иногда аффикс *-ж* (*-қы*) выступает в соединении с другим аффиксом *-ч*; ср. тат. *ачкыч* 'ключ', то есть 'то, чем можно открыть', *сызгыч* 'линейка', то есть 'то, с помощью чего можно чертить', кирг. *кескич* 'зубило', то есть 'то, чем можно резать' и т. п.

Тот же модальный аффикс *-ж* (*-қы*) выступает и в выражениях типа башкирского *барғым килэ* 'мне хочется пойти'.

Ученые отмечают, что в языках древней тюркской письменности существовало причастие абсолютного будущего времени с модальным значением должествования или возможности, например, *турғу јер* 'место, где можно остановиться'.

В чагатайском и староузбекском языках было употребительно будущее время с показателем *ғу*; ср. ст.-узб. *алғум* 'я возьму' или 'я должен взять', *алғун* 'ты возьмешь', *алғусы* 'он возьмет' и т. д.

Структурно близкими являются модели будущего времени в чулымско-тюркском и саларском языках; ср. чулым. *парго:м* 'я пойду', салар. *таңго* 'я пойду'.

Не исключена возможность того, что тот же модальный аффикс *-ж* (*-ақ*) содержится и в показателях будущих времен *-ач-ақ*, ног. *ай-ақ* и в показателе якутского будущего времени *-ых* из *а:ж*.

Основное значение данного аффикса — выражение возможности или желания.

Генетически аффикс *-ж* (*-ақ*) тесно связан с аффиксом уменьшительных имен существительных *-ж* (*-ақ*); ср. тат. *баш-ак* 'колос' (маленькая голова), алт. *сал-кын-ак* 'ветерок', туркм. *ата-кы* 'папочка'.

Аффикс *-с*. Наиболее наглядно этот аффикс представлен в показателе условного наклонения; ср. тат. *бар-са-м* 'если я пойду'. Первоначальное значение — 'пойти бы мне'.

Хорошо представлен этот аффикс также в выражениях типа тат. *барасым килэ* 'мне хочется пойти', а также в окончании *-сын* 3-его лица повелительного наклонения; ср. тат. *ал-сын* 'пусть он берет', тур. *ol-sun* 'пусть будет'.

Тот же аффикс *-с* содержится в аффиксе причастия будущего времени на *-асы*; ср. тат. *бар-асы* 'тот который пойдет', а также в отрицательной форме будущего времени на *-мас*; ср. тат. *бар-мас* 'он не пойдет'. Основное значение аффикса — выражение желания. Генетически этот аффикс связан с уменьшительным аффиксом *-с*; ср. тат. *ал-су* 'розоватый', тат. *күк-сел* 'голубоватый', алт. *бијик-сымал* 'высоковатый' и т. д.

Аффикс *-ч*. Чаше всего аффикс *-ч* выражает склонность к чему-либо; ср. шорск. *урушчы* 'драчливый', *терчи* 'потливый', азерб. *инадчы* 'упрямый' и т. д. Наряду с этим во всех тюркских языках этот аффикс стал употребляться при названиях профессии; ср. тат. *балыкчы* 'рыбак', тув. *анчы* 'охотник', тур. *işçi* 'рабочий' и т. д.

С помощью аффикса *-ч*, *-ыч*, *-ич* в тюркских языках образуются абстрактные имена существительные; ср. туркм. *даянч* 'опора' от *даян* 'опираться', кум. *сүјүнч* 'радость' от *сүјүн* 'радоваться', кирг. *отунуч* 'просьба' от *отун* 'просить', азерб. *газанч* 'заработок' от *газан* 'зарабатывать' и т. д.

По-видимому, элемент *ч* первоначально выражал модальное значение возможности, например, *таянч* или *таяныч* — это 'то, на что можно опираться'.

Можно предполагать, что аффикс *-ч* содержится также в показателе будущего времени на *-ачак*, например, тат. *булачак* 'он будет'.

Модальный аффикс *-чы* часто выступает как составной элемент других аффиксов; ср. узб. *иш-чан* 'работающий', шор. *ашу-шан* 'сердитый', *тер-шен* 'потливый', тат. *сугыш-чан* 'драчливый', 'воинственный', кирг. *оорук-чан* 'болезненный', тат. *уйын-чак* 'шутливый', шор. *уруш-чак* 'драчливый', азерб. *иш-чил* 'склонный к работе', туркм. *гайгы-чыл* 'печальный', тат. *кунак-чыл* 'гостеприимный', алт. *сөз-шил* 'словоохотливый' и т. д.

Модальное значение данного аффикса, по-видимому, возникло в результате переосмысления первоначального значения уменьшительности, поскольку он часто входит в состав уменьшительных аффиксов; ср. азерб. *баг-ча* 'садик' от *баг* 'сад', туркм. *өкүз-че* 'бычок' от *өкүз* 'бык', каз. *бутақ-ша* 'веточка' от *бутақ* 'ветка', алт. *бала-чак* 'ребенок' от *бала* 'ребенок', тюр. *куш-чак* 'птичка' от *куш* 'птица', ст. уйг. *қолы-чак* 'ручка' от *қол* 'рука', тур. *куш-сік* 'птичка' ст *куш* 'птица'.

Аффикс *-ар*, *-ыр*. Модальное значение аффикса *-ар*, *-ыр* совершенно очевидно. Этот аффикс является аффиксом причастия настоящего времени на *-ар*, *-ыр*, от которого во многих тюркских языках образовано будущее время; ср. тат. *ал-ыр-мын* 'я буду брать'. В тюркском праязыке учар *куш* означало не 'летающая в данный момент птица', а скорее 'птица, способная летать'.

Аффикс *-р* выступает в составе показателя условного наклонения *-сар* в некоторых тюркских языках; ср. *ал-сар-ман* 'если я возьму'. Форма условного наклонения на *-сар* встречается в орхонских и древнеуйгурских памятниках, а также в тюркских текстах X—XIII веков из восточного Туркестана.

Аффикс *-ыр*, по всей видимости, содержится в составе аффикса прилагательных *-қыр*, *-кир*, *-ғыр*, *-гир*; ср. туркм. *алгыр* 'хваткий', 'способный хватать' от *ал* 'брать', узб. *сезгир* 'чуткий' от *сез* 'чувствовать', кирг. *тапкыр* 'находчивый' от *тап* 'находить', алт. *билгир* 'понятливый' от *бил* 'знать'.

Аффикс *-р* обнаруживает связь с некоторыми уменьшительными аффиксами, например, с аффиксом *(-ы)рак*; ср. ног. *кызылырак* 'красноватый', *агырак* 'беловатый', гаг. *дарарак* 'узковатый', карач.-балк. *узунурак* 'длинноватый'. Возможно, он также связан с аффиксом собирательной множественности *-р*; ср. окончание множественного числа *-лар*, где второй составной элемент *-ар* представляет собой остаток древнего собирательного множественного числа.

Аффикс *-ын*. Модальный аффикс *-ын* встречается только в соединении с другими аффиксами; ср. окончание 3-го лица повелительного наклонения *-сан*, например, тат. *ал-сын* 'пусть он идет' и т. д.

Этот же аффикс выступает как показатель условного наклонения в форме *-сан* в чувашском языке, ср. чув. *Пуша пулсан, курнаçăнăр* 'Если будем свободны, встретимся'.

Возможно, что аффикс *-ын* содержится в чувашском языке в формах усгупительного и желательного наклонения; ср. чув. *калăп-ин* 'пусть я скажу', *калăп-ин-чĕ* 'сказать бы мне'. Правда, чувашское *-ин* не соответствует фонетически аффиксу *-ын/-ин* в тюркских языках. Рефлексами *-ын/-ин* в чувашском языке должны были бы быть *-ăн* и *-ĕн*. Однако в чувашском языке нередко происходит нарушение фонетических соответствий и гармонии гласных; ср. чув. *кĕр-хи* 'осенний' и кирг. *ич-ки* 'внутренний'. Рефлексом общетюркского аффикса *-ки* должно было бы быть *-кĕ*, но в данном случае это соответствие нарушено.

Обнаруживается связь аффикса *-ын* с уменьшительным аффиксом *-(а)н, -(э)н*; ср. тур. *oğlan* 'мальчик', *oğul* 'сын', тур. *boyun* 'шея' (перв. 'шейка'); ср. чув. *мăй* 'шея' (из *бой*). Элемент *-н* обнаруживается также в составе аффиксов прилагательных; ср. тат. *сигыш-чан* 'воинственный'.

Аффикс *-л*. Модальное значение аффикса *-л* встречается нечасто. Прежде всего здесь следует отметить показатель *-малы* должествовательного наклонения; ср. туркм. *мен язмалы* 'я должен писать', чув. *каймалла сын* 'человек, который должен ехать'. Вероятнее всего аффикс *-лы* первоначально придавал глаголу значение возможности; ср. тат. *алымалы* 'съемный', то есть 'такой, что его можно снять'. Показательны в этом отношении также узбекские формы типа *шунарли* 'понятный', 'тот, которого можно понять'. Аффикс *-лы* выступает в составе аффикса *-лык*, который также может иметь модальное значение; ср. тат. *барырлык урын* 'место, куда можно пойти'.

Генетически аффикс *-лы* связан с аффиксом уменьшительных прилагательных *-л*; ср. тат. *кызыл* 'красный' (перв. 'красненький'). Кроме того, аффикс *-л* входит в состав многих сложных уменьшительных аффиксов; ср. карач.-балк. *кыз-гыл* 'красноватый', кирг. *сары-чыл* 'желтоватый', кирг. *кара-лчым* 'черноватый'. Все это свидетельствует о том, что в тюркских языках модальное значение часто развивалось на базе первоначального уменьшительного значения.

9. О происхождении аффиксов прилагательных *-лык* и *лык*.

В тюркских языках можно встретить аффикс прилагательных *-лык*, образующий прилагательные от имен существительных; ср. тат. *айлык журнал* 'ежемесячный журнал', *еллык план* 'годовой план', кирг. *айыл-дык* 'аульный', каз. *күндүк жумыс* 'подневная работа', *аудандык бөлім* 'районный отдел', тур. *ormanlık bir bölge* 'лесистый район', *dağlık orazi* 'гористая местность', калп. *далалык жер* 'степное место', кум. *гюнлюк иш* 'ежедневная работа', чув. *суллах план* 'годовой план', азерб. *язлык* (произносится *язлыx*) *палто* 'летнее пальто' и т. д.

От аффикса *-лык* происходит аффикс относительных прилагательных *-лык* в современном уйгурском языке; ср. уйг. *путаклык* 'ветвистый' из *путаклы:ғ*, *ташлик* 'каменистый' из *ташлы:ғ*. Когда-то такой аффикс

существовал во многих тюркских языках, но он упростился в *-лы*. Что же касается ныне сохранившегося аффикса относительных прилагательных *-лық*, то он имеет совершенно другое происхождение. Он восходит к древнему аффиксу собирательной множественности *-лық*, значение которого отчасти сохранилось и в современных тюркских языках; ср. тат. *нарат-лык* 'сосняк' от *нарат* 'сосна', азерб. *палыдлыг* 'дубняк' от *палыд* 'дуб', чув. *чуллăх* 'каменистое место', туркм. *агачлык* 'лесистое место', 'место, где много деревьев' и т. д. Первоначальное значение собирательной множественности могло развиваться в направлении указания на количество предметов. Отсюда такие значения, как тур. *daglık* 'гористый', то есть 'изобилующий горами', ккалп. *далалық* 'степной' и т. д. Этим объясняется также, почему аффикс *-лық* довольно часто присоединяется к именам существительным, обозначающим какой-либо отрезок времени; ср. каз. *жылдық* (из *жыллық*) 'годовой'.

Аффикс *-лық* может также иметь значение 'предназначенный для чего-либо'; ср. чув. *айлаһ материал* 'материал на подкладку', тат. *киемлек* 'материал (на пальто, костюм и платье)', *башлык* 'башлык', то есть 'то, что предназначается для головы', тур. *sabunluk* 'мыльница', то есть 'предназначенная для мыла' и т. д.

Данный аффикс, по-видимому, имеет другое происхождение. Генетически он связан с модальным аффиксом *-лық*, который можно также обнаружить в татарском *барырлык урын* 'место, куда можно пойти'.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ордос.* — ордосский язык,
тюр. — тюркский в смысле общетюркский,
халх. — халха монгольский язык.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. А. БАСКАКОВ

ТЮРКИЗМЫ-ЭТНОНИМЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Среди тюркизмов «Слова о полку Игореве», относящихся к этнонимам, внимание исследователей [1, 3] привлекают такие названия народов и родовых подразделений (с соответствующими производными от них прилагательными), как: 1) *хинова, хинови, хиновская*; 2) *тльковинъ, тълковинъ, тлъковинъ*; 3) *оварьская*; 4) *угорский*; 5) *могуты*; 6) *татраны*; 7) *шельбиры*; 8) *топчаки*; 9) *ревугы*; 10) *ольберы*.

К предмету нашего исследования не относятся этнонимы нетюркского происхождения, такие, например, как: *немцы, венецици, греци, морава, литва, ятвязи, деремела* и производные от этнонимов прилагательные: *русский, касожский, латинский, ляцкий, готский* и т. д., также встречающиеся в «Слове», но не вызывающие разногласий в идентификации их с соответствующими историческими [деремела, ятвязи, касожский, латинский, ляцкий (польский), готский и др.], а отчасти и существующими ныне (немцы, греки, Морава, Литва) названиями [2].

В «Слове о полку Игореве» наряду с вполне ясными и общепризнанными этнонимами встречаются и совершенно загадочные, весьма спорные, относимые к этнонимам лишь гипотетически.

Неоднородны этнонимы и по объему охватываемого значения. Если названия *хынови, тълковины, авары, угры* относятся к макроэтнонимам, то есть к названиям целых народов и крупных племен, то названия *могуты, татраны, шельбиры, топчаки, ревугы, ольберы* — к микроэтнонимам, и представляют собой названия мелких родовых подразделений; по мнению же некоторых исследователей [3] последние являются названиями титулов крупных вельмож и племенных вождей черных клобуков — огузских племен, пришедших в Восточную Европу раньше половцев.

В связи с этим все этнонимы тюркского происхождения, а также производные от них прилагательные, встречающиеся в «Слове», могут быть разделены на две группы. Первую группу составляют макроэтнонимы — названия народов, к которым относятся: 1) *хынови (хинова, хиновская)*; 2) *тълковины*; 3) *оварьская*; 4) *угорский (угорскими)*; во вторую группу входят родовые подразделения, в основе названий которых лежат собственные имена глав родов или родовых подразделений. К последним относятся: 5) *могуты*; 6) *татраны*; 7) *шельбиры*; 8) *топчаки*; 9) *ревугы* и 10) *ольберы*.

Нельзя не отметить, что тюркское происхождение некоторых этнонимов является сомнительным. Этнонимы *авары (оварьская)* и *угры*

(угорскими) несомненно являются тюркскими по своему происхождению, что же касается этнонимов *хынъ* (*хынови*, *хинова*, *хиновская*) и *тълковины*, то их происхождение не является столь же прозрачным.

2.

Из этнонимов первой группы — 1) *хынози*; 2) *тълковины*; 3) *авары*; 4) *угры* этимология первых двух названий пока еще спорна, тогда как вторые два названия — *авары* и *угры* — по общему признанию относятся к этнонимам тюркского происхождения.

1. Хынови, хинова, хиновская

Данный этноним встречается в «Слове» в следующих контекстах [4]:

1) *хынови*: «Темно бо бЕ въ третій день: два солнца помЕркоста, оба багряная стълпа погасоста и съ нима молодая мЕсяца, Олегъ и Святъславъ, тъмоу ся поволооста и в морЕ[ся] погрузиста, и великое буйство подаста хынови» [5]* 2) *хинова*: «Тѣми тресну земля, и многы (|| многи) страны, Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша (|| повръгоща), а главы своя подклониша (|| поклониша) под тыи мечи харалужныи»; 3) *хиновская*: «Чему мычещи хиновская стрѣлки, на своею негрудною крилицю на моя лады вой?».

Прежде всего необходимо иметь в виду то, что в первом контексте по первому изданию списка «Слова о полку Игореве» 1800 года фраза «и в морЕ Хинови» в позднейших изданиях была произвольно разделена и одна ее часть «и в морЕ» присоединена как дополнение к глаголу «погрузиста», для чего было добавлено местоимение «ся», отсутствующее в списке вообще, а слово *Хинови* присоединено к фразе «и великое буйство подаста Хинови».

Конечно, со всем этим согласиться нельзя.

Прежде всего внесенные изменения не сделали текст более ясным, нарушили ритмику текста, к тому же, если описание «знамения» не было только метафорой, а отражало реальное явление природы, то вряд ли такое событие могло придать смелости и отваги половцам, несомненно, видевшим в этом зловещее предзнаменование. Вместе с тем нерасчлененное сочетание «и в морЕ Хинови» в его первоначальной позиции образует контекст более осмысленный и ритмически цельный:

«Темно бо бЕ въ третій день:
Два солнца помЕркоста,
Оба багряная стълпа погасоста,
И съ нима молодая мЕсяца
Олегъ и Святъславъ,
Тъмоу ся поволооста
И въ морЕ Хынози погрузиста
И великое буйство подаста».

В данном случае строка «и великое буйство подаста» может быть переведена как «и великое смятение возбудило», а строка «и въ морЕ Хинови погрузиста» как «и в море Хиново погрузились».

Если принять такое прочтение данного отрывка, сохраняя нерасчлененным сочетание «и въ морЕ Хинови», то тогда следует рассматривать слово *Хинови* как название моря.

* Здесь и далее буква «ять» передается через заглавное «Е». (Примечание редакции).

Локализации же моря *Хинови* способствует второй контекст, в котором страна *Хинова* стоит в ряду названий, относящихся к Прибалтике: «Теми тресну земли, и многы (|| многи) страны, Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша (|| повръгоща), а главы своя подклониша (|| поклониша) под тии мечи харалужныи».

В «Слове» встречаются две группы названий стран и племен. В одном случае перечисляются названия: «...Нѣмцы и Венедици ту Греци и Морава...», относящиеся к западным странам. Страна же *Хинова*, наряду с Половцами, упоминается в сочетании с названиями северных стран и народов: Литвы, Ятвязи, Деремела, что позволяет сделать вывод о сопредельности стран *Хинова* и Литвы. А тогда весьма вероятной становится гипотеза В. Миллера, который в этнониме *хинови* и *хинова* видел старое название финнов [6], а следовательно, и в первом контексте речь шла о «море финнов» — Балтийском, куда погрузились «оба багрная стѣпа», то есть где-то далеко на севере.

Третий контекст: «Чему мычети Хиновъския стрѣлки на своею нетрудною крилицю на моя лады зои?» — также не противоречит гипотезе В. Миллера, так как финны — жители северных лесов, естественно, были опытными деревообделочниками или мастерами («хиновъския стрѣлки»).

Предположение В. Миллера о соответствии названия *Хинови* ~ *Хинова* — финнам подтверждается также закономерным соответствием звуков *х* ~ *ф*: *Хинова* ~ *Финова*, часто встречающимся в славянских языках, где звук *ф* отсутствовал.

Вместе с тем достаточно убедительно звучит также и гипотеза о происхождении этнонима *Хинови* ~ *Хинова* из *хынъ* — названия древнего народа *хунну* ~ *гуннов* < китайск. *hiung-nu* [7, 64], в состав которого входили тюркские, монгольские, финские и прочие племена. Потомки *хунну* — племена огузов, сарагуров, оногуров ~ кутургуров, утургуров, суваров, аваров и другие в IV—V веках основали два больших государства в Восточной Европе — хазаров и болгаров.

Возможно, что и топонимы *Хынов* — в Чехословакии, и *Хинаглава* — в Югославии, приведенные К. Менгесом [8], также имеют какую-то связь с этнонимом *хунну*.

Некоторые исследователи, например Д. А. Расовский [9], допускали соответствие названия *Хинова* названию народности, жившей где-то на северном побережье Азовского моря, ссылаясь при этом на арабского географа XII века Идриси, который упоминал о большом городе в Приазовье *Kiniow* ~ *Kiniw* ~ *Kiniu* قينيو. Название его жителей Д. А. Расовский и идентифицирует с названием племени *Хинова*.

Другие исследователи предполагают совпадение основы *хынъ* с названием половецкого племени *qun*, которое Ю. Немет однако возводит к этнониму *quman* (*qun* < *qu:n* < *quwan* < *quban* < *quman* < *quy* ~ *qu:* ~ *quv* ~ *quba* < *quma* 'желтый, бледный, белесый' + -*an* — аффикс коллективного множества), то есть к общему названию половцев — *quman*, которым именовали их соседние тюркские племена, а именно: болгары, венгры и узы (~ огузы) южно-русских степей [10].

Следует отметить, что самоназванием половцев (так называли их только русские) было *qurṣaq* ~ *quwṣaq*, но, как известно, различные народы называли их по-разному. Так, кроме русского названия «половцы», в источниках встречаются и другие: венгры их называли *qun* (< *quwman*) или *palocz* [11], чехи — *plavci*, ~ *plowci*; поляки — *plauci* [12]; немцы — *falones* ~ *phalagi* ~ *valvi* ~ *valben* ~ *valeven* ~ *valven* [13]; в армянских источниках встречаются названия *hardjaš*, *hardišahēr*, *xartēš* [14]. Все эти этнонимы имели общее значение «бледный, блондин, бело-

куры
ными
назва
ный,

Е
зывает
это ж
отдел
тельн
qun <
Литва
назва

И
нима
ное В
проис
Не ис
ренес
племе
(<hiu

Э
в след
горах
крова
нуть
негук
Л

тлько
верци
поя

С
отмеч
и для
ссыла
карха
прове
а если
мешки
славл
до XI

Н
тлько
нанно

М
вод-ка
тлэк,
нает
'язык'

С
лио [2
ществ

2 «Со

курый; половый, желтоватый, бледно-желтый» [15] и были даны различными народами по внешнему виду кыпчаков, в том числе и русское название *половец* от *половый* ~ *половой* 'палевый, изабеловый или бледный, белесовато-соломенного цвета, как ползв' (В. Даль, III, 263).

Если *qip* ~ *qıtap* было общим именем половцев [65], которым называли этот народ венгры (угры) и огузы, то трудно предполагать, что это же название служило отличительным обозначением какого-либо отдельного половецкого рода или родового подразделения, а, следовательно, гипотеза о происхождении названия *хынъ* (*Хинова* ~ *Хынови*) из *qip* < *qıtap* отпадает, тем более что в перечислении народов: «Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци...» речь идет о разных народах, и названия *Хинова* и *Половци* здесь противопоставлены.

Итак, более вероятными предположениями о происхождении этнонима *хынъ* (*Хинова* ~ *Хынови* ~ *хыновьскыя*) являются либо высказанное Вс. Миллером о *хынъ* < «финн», либо общепринятое, возводящее его происхождение к названию древнего народа *хунну* < китайск. *hiung-nu*. Не исключена здесь и возможность семантической контаминации — перенесения названия *хынъ* — < *hiung-nu* на название народа финнов, племена которого были составной частью кочевой империи Хунну (< *hiung-nu*).

2. Тлъковинъ ~ Тлъковинъ ~ Тлъковинъ

Этноним *тлъковинъ* ~ *тлъковинъ* ~ *тлъковинъ* встречается в «Слове» в следующем контексте: «А Святъславъ мутенъ сонъ видЕ въ КіевЕ на горахъ. Си ночь съ вечера одЕвахуть мя, рече чръною паполомоу на кровати тисовЕ, чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смЕшено, сыпахнуть ми тѣщими тулы поганыхъ тлъковинъ великый женчюгъ на лоно и нЕгують мя».

Любопытно, что в Лаврентьевской летописи название народа *тлъковинъ* ~ *тлъковинъ* ~ *тлъковинъ* идентифицируется с этнонимом *тиверци* ~ *тЕверци*, ср. контекст: «Въ лето в 6415 иде Олегъ на Греки ... поя ... и хорваты и дулЕбы и тиверци яже суть толковины...» [16].

Обычай, нашедший отражение в сне Святослава, относится, как отмечает Н. Толь, к древнейшим, общим для скифов, а следовательно, и для гуннов, объединявших, как и скифы, различные племена. Н. Толь, ссылаясь на сведения историка второй половины III века до н. э. Фикарха, писал: «Скифы перед отходом ко сну берут колчан, и если провели данный день беспечно, опускают в колчан белый камешек, а если неудачно — черный. После кончины высыпали из колчанов камешки и считали. Если белых оказывалось больше, то покойника прославляли как счастливца» [17]. Возможно, что этот обычай сохранялся до XII века и был общим как для славян, так и для половцев.

Несмотря на многочисленные исследования, этноним *тлъковинъ* ~ *тлъковинъ* ~ *тлъковинъ* до настоящего времени не получил общепризнанного истолкования.

М. Фасмер предполагает, что этноним этот представляет собой перевод-кальку тюркского *tylmaç* 'толмач, переводчик' и происходит от *тлък*, *тлъковати* 'толк, толковать' [18]. Вместе с тем это слово напоминает тюркское слово *tylmaç*, связанное с тюркским же *tyl* ~ *til* 'язык' [19].

Слово *tyl* ~ *til* 'язык', по мнению финского тюрколога П. Иркинкали [20] и венгерского — Ю. Немега [21], входит в этноним *тлъковинъ*. Существует предположение, что *тлъковинъ*, как сложное, производное

слово, состоит из основы *tyl~til* 'язык' + уменьшительный суффикс *-qa~*-ка, при этом ссылаются на чувашск. *ĕĕхе* 'язык' [63].

Д. Расовский считает возможными две этимологии *тълковинъ*. Первую он выводит из старославянского *тлъкъ* 'толк', *тлъковать* 'толковать', а вторую — из старославянского *тлъка* 'толока, помощь'. По первой этимологии *тълковинъ* 'истолкователь, переводчик', а по второй — 'помощник', но не из «поганных-половцев», а из тюрков, печенегов, берендеев, ковуев; «поганные же пособники» — те, которые остались не крещеными, язычниками, большинство же ковуев и берендеев были христианами [22].

Большинство перечисленных выше этимологий этнонима *тълковинъ* сближает это слово с тюркским *tyl~til* 'язык', что представляется весьма вероятным.

Затруднительно истолкование второй части этнонима. Если *тъл~тлъ* < тюркск. *tyl~til* 'язык', то что означает *-ковинъ*? По всей вероятности, и вторая часть этого этнонима может быть объяснена только на тюркской основе. Действительно, если обратиться к огузским (тюркским) языкам, а *тълковинъ*, как это отмечено в русских летописях — синоним названия племени *тиверцы*, племени огузов (печенегов), то можно найти, например, в огузском — туркменском языке, аналитический глагол *til qaġ* — 'давать сигнал, давать понять, истолковать' (бука. 'бить, стучать языком') [23]. Этому глаголу в казахском языке соответствует *dġaŋ ıŋ*-, ср. также каракалпакское *ajtqandy tez qaŋur al* — 'быстро понять, уловить сказанное'. Производное от глагола *til qaġ* + аффикс действующего лица *-уу~*-уу > *til qaŋ-уу* 'тот, кто дает понять, истолковывает' > 'истолкователь, переводчик'. В кыпчакских же, а, возможно, и в огузских тюркских языках, интервокальный гуттуральный *γ* часто переходит в губно-губной *w*, и слово *til qaŋ-уу* может параллельно произноситься как *til qaŋu~til qawu*, то есть вполне соответствовать в произношении *til qawu* > *тълкавинъ*, тем более, что и в слове *til* (тувинское *tyl*) является в тюркских языках более задним и открытым, чем русское *и* [i].

Итак, этноним *тълковинъ~тълковинъ* соответствует тюркскому (огузскому) *til qaŋu~til qawu* 'истолкователь, переводчик'.

Весьма возможно, что этноним *тълковинъ~тълковинъ* представляет собой синоним названия печенежского рода *tylmaġ*. Слово же *tylmaġ*, также огузское по происхождению, состоит из тех же элементов, то есть *til~tyl* 'язык' и *-maġ* — словообразовательный элемент, соответствующий элементу *-qaw-уу* в слове *til qaw-уу* с тем же значением 'истолкователь, переводчик'. Однако и *til qawu*, и *tylmaġ* были, вероятно, прозвищами-синонимами действительного названия печенежского рода *Djiber~Djiwer* 'тиверец' (ср. с «...тиверцы яже суть толковины...» Лаврентьевской летописи).

Этноним *тиверцы* также имеет несколько истолкований.

К. Менгес [8] и Р. Якобсон [24], сближая слово *голмач* и *тълковинъ*, приводят искусственную этимологию названия племени *тиверцы*, допуская происхождение этого этнонима из *ti~di-* 'говорить' + аффикс *масдара -w* > *tiw* 'говорение, речь' + *er* 'муж, мужчина' > *tiw er* 'человек говорения, говорящий человек' + русский аффикс *-цы*. Эта этимология как в отношении закономерностей тюркского синтаксиса, так и семантики, остается неправомочной.

И. Г. Добродомов, считающий многие тюркизмы русского языка булгаризмами, предполагает, что *тиверцы~тиверцы* происходят от этнонима *türk* < *tüürük* по аналогии с чувашским *kăvak* > *kök* 'синий', или *tăvar* > *tuz* 'соль'. Однако этноним *türk* не имеет долгого гласного ни в

одном
имеют
В
предп
Днест
корен
С
боле
ми, а
нение
таем,
(Djibe
Tirge
Djübe
щего
мени
(Tuba
этнон
исхож
мужч
djöbe
являе
Е
wer~
плем
со сл
а пот
назва
til q

ског
хазар
«...П
изгот
под

плем
не у
одно
осно
дов
золо
узбе
тата
резу
Чин
ла
явл
ним
ско
етс

одном из тюркских языков, в то время как *göök* 'синий' и *duuz* 'соль' имеют эту долготу в туркменском [63].

Вероятной представляется этимология И. Маркварта [25], который предполагает, что свое название *тиверцы* получили по названию реки Днестр из греческого *tyrag* 'Днестр' (имеющего общий индоевропейский корень *tūra ~ tivra* 'быстрый') + русское окончание *-цы ~ тивер-цы*.

Однако, как нам кажется, ближе к истине предположение А. И. Соболевского и А. А. Шахматова [62] о том, что *тиверцы* были не славянами, а тюрками из племени Талмат, и входили в черноклобуцкое объединение уличей ~ угличей. Мы также склоняемся к этому мнению и считаем, что *тиверцы* — это название огузского рода ковуев или берендеев (*Djiber ~ Djiwer ~ Tjiber ~ Tjiwer*), входящего в состав огузского племени *Tirgeš* — тиргешей. Название племени *Tirgeš* и рода *Djiber ~ Djiwer ~ Djüber ~ Djüver ~ Tjiber ~ Tjiwer ~ Tjüber ~ Tjüver* сохранилось до настоящего времени у северных алтайцев — туба-кижи и кумандинцев (племена с общим названием куманоз-половцев — *qumandy*) и тубаларов (*Tuba ~ Tuwa ~ Tuma-kiži*) [26]. Что же касается этимологии данного этнонима *Djiber ~ Djüber*, то наиболее вероятным может считаться происхождение этого слова либо из *djibe* 'горный хребет' [26] + *er* 'муж, мужчина' < *djibe er* 'горец', 'горный человек', либо же из *djebe ~ djüme ~ djöbe* 'стрела' [66] + *er* > *djebe ~ djübe er* 'люди рода, тамгой которого является стрела'.

Вполне вероятно, что представители рода тиверцев (*Djiber ~ Djiwer ~ Tjiber ~ Tjiwer*) — одного из родовых подразделений огузских племен ковуев, берендеев, каепичей и других (жившие в тесном контакте со славянами и сохранившие свой язык), хорошо знали и русский язык, а потому у других тюркских, огузских и кыпчакских родов получили название *толмач* (*tyl ~ til + mač* 'переводчик') или *тълковинъ* (< *tyl ~ til qayup ~ qawup* 'переводчик, истолкователь').

3. Оварьскыя

Прилагательное *оварьскыя* от *оваръ* < *avag* 'авары' — названия гуннского племени, входившего в племенную союз хунну, а затем булгаров, хазаров и печенегов, встречается в «Слове» в следующем контексте: «...Поскепаны саблями калеными шеломи оварьскыя...», то есть шлемы, изготовленные аварами — племенем, известным в русских летописях под именем *овъре ~ овъри*.

Происхождение названия *avag ~ awag*, равно как и других тюркских племен: *bulgar, hazar, tatar* и т. д. до настоящего времени окончательно не установлено. Существуют три различные точки зрения. Согласно одной из них, эти названия народы получили по собственному имени основателя рода, вокруг которого объединились другие родственные родовые подразделения; ср., например, *ногайцы* или *ногаи* — по имени золотоордынского темника Ногая (< монгольск. *похај* 'собака'), или *узбеки* — по имени также золотоордынского хана Узбека (*Özbek*), или *татары* (по крайней мере более позднее объединение, образовавшееся в результате распада Золотой орды) — по имени Татара — правнука Чингиз-хана, внука Джучи, сына седьмого сына Джучи Бувала ~ Мува-ла (и отца Ногая). Однако, возможно, что название современных татар является более древним. Еще в рунических орхонских памятниках этноним *tatar* встречается как название тюркского, а возможно, и монгольского племени. В Никоновской летописи, датированной 990 годом, имеется собственное имя *Tatar*, а в первой половине XIII века и в более

поздних списках русских летописей название племени «татар» употреблялось как замена названий «печенеги» и «половцы».

Согласно второй точке зрения, названия народов ведут свое происхождение от родственных или собственных отношений между племенами; ср., например, предположения о происхождении этнонима *türk* 'тюрки' из монг. *türkün* 'свояк, сват, люди племени, из которого взята невеста', или *badžanaq* (турецк. *basapak*) 'печенег' <'шурин, свояк' [27] и т. д. Согласно третьей точке зрения, племя получало название по тому или иному характерному свойству, ему приписываемому, например, *qıtaṇ* 'половцы' <*qıba* 'желтый, бледный, блондин' [10] или *bulṣar* 'булгары' <*bulṣa* 'смешивать, возмущать' + аффикс причастия на -*ar/-er, -r* 'смешивающий, возмущающий, мятежник' [28]. В отношении булгар существует и другая этимология: *bulṣar* <*pillek ~ bilek uṣr* 'пять угров' > *bılṣur* > *bulṣur* > *bulṣar* [29]. Приведем также этимологии: *abar ~ arar ~ arıṣar* <*ara ~ aba ~ awa* 'противиться, сопротивляться' + аффикс причастия на -*ar/-er, -r* > *arar ~ abar ~ awar ~ arar* 'сопротивляющийся, мятежник'; или *qazar* 'хазары' <*qaz* 'блуждать, бродяжничать' + аффикс причастия на -*ar/-er, -r* > *qaz-ar* 'блуждающий, бродяжничающий'.

Возможно, как это отмечалось выше, что и имена *авар*, *булгар* и *хазар* произошли от соответствующих собственных имен или прозвищ: *авары* от собственного имени *Авар*, восходящего, в свою очередь, как предполагает Ю. Немец, к гуннскому > древне-тюркскому ~ печенежскому *awar ~ abar ~ arar* <*aba-r ~ awa-r* 'упорствующий, противящийся, мятежник' [67]. К. Менгес [8] считает также возможным идентифицировать этноним *авар* с названием современного народа Кавказа *аварцев*; *булгары* восходит к собственному имени *Булгар*, которое в свою очередь произошло из тюркского *bulṣar* <*bulṣa-r* 'возмущающий, возмутитель'; *хазары* — к собственному имени *Хазар* <*qazar* <*qaz-ar* 'блуждающий, бродяга' и т. д.

4. Угорский, угорскими

Производное относительное имя прилагательное от этнонима *угр*, *угры* встречается в «Слове» два раза в следующих контекстах: 1. «...подперь горы Угорский своими желЕзными плѣкы» и 2. «...Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ полелЕя отца своего между угорскими иноходьцы ко святЕи Софіи къ Кіеву...».

Этноним *угр*, *угры* 'венгры' имеет своей основой название тюркского племени *оуиг ~ оуиз*, родовые подразделения которого: *огуры*, *он-огуры* и другие известны как племенные подразделения гуннов, основавшие в V—VI веках нашей эры объединение булгар и хазар [30]. Позже объединяющее название *оуиг* в фонетически измененном под влиянием закона ротацизма ~ зетацизма виде *оуиз ~ ииз* получили племена *узов*: *узы*, *торки*, *печенеги*, *ковуи*, *боуты*, *каепичи*, *берендеи* и другие, известные под названием черных клобуков южно-русских степей [31]. Название же *огуры ~ угры* осталось за племенами венгров. Само название «венгры» в русский язык пришло, по-видимому, через польский язык < *więgry*. Этимологически слово это происходит от названия племенного подразделения *оп оуиз ~ воп оуиг* > *венгр*, а по известному фонетическому закону Рамстедта-Пельо **p ~ b ~ w ~ v* > *h* > *o*: *hop оуиг* > *hop-gua* 'венгры'.

3.

Вторую группу этнонимов составляют микроэтнонимы мелких родовых подразделений, получившие свое название либо по количеству объединенных родов, либо по имени собственному основателя или ста-

рейшины рода, либо по названию родового знака — тамги (*tamya*), либо еще по каким-нибудь другим признакам.

Наименования родовых подразделений по количеству объединенных родов были весьма распространены среди тюркских племен, что получило соответствующее отражение в исторических источниках и, в частности, в русских летописях. Ср., например, названия половецких родов и племен, встречающиеся в русских летописях.

«В борьбе против Руси Кончаку удалось объединить ряд половецких племен: бурчевичей, токсобичей, елобичей, етебичей, терьтробичей, — отмечает Г. А. Федоров-Давыдов. — Подобные объединения возникали спорадически и раньше, например, во время похода Боняка и Шарука-ня в 1107 г. (ПСРЛ, т. I, стр. 281—282), но быстро распадались» [32].

Большинство из перечисленных названий связано с количеством объединенных родов.

Токсобици <toqus oba <toqus 'девять' + oba 'род, семья' [33]; ср. другие этимологии: toqus aba 'девять отцов', toq saba 'полная саба (сод)' [34].

Етебичи или *Читеевичи* <jeti ~ džeti oba <jeti ~ džeti 'семь' + oba 'род, семья', ср. другую этимологию: ýt oba из ijt 'собака' + oba [34].

Елобичи <elli oba <elli 'пятьдесят' + oba 'род, семья'.

Терьтробичи <tört uruý oba <tört uruý 'четыре рода' + oba 'род, семья'; ср. каракалпакское on tört uruw ~ on dört uruw 'четыренадцать родов' — название объединения племен [35].

Ко второй группе названий половецких племен относятся названия, данные по собственному имени или прозвищу основателя или старейшины рода. Например:

Кулобичи <quí 'раб' + oba 'род, семья'; другая этимология qutlu 'счастливый' + oba 'род' [12].

К этой же группе названий относятся: Altun oba ~ Altun apa <altun 'золото, золотой'; Arslan oba ~ Arslan apa <arslan 'лев'; Aj oba ~ Aj ara ~ Aj-epa <aj 'месяц, луна' и т. д.

Второй элемент этих названий oba ~ aba ~ apa, кроме отмеченных выше этимологий: <oba 'род, семья' <aba ~ avaya 'отец', имеет также этимологию oba ~ aba <bij ~ baj ~ bej [36].

Не менее часты были у половцев названия родовых подразделений по названию тамги (*tamya* ~ *taṃma*) — тавра, которым метили принадлежащий данному роду скот [37].

Карабиркли ~ *Карабароглы* — из Qaqa bōrk 'черная шапка' + аффикс обладания -ly/-li > gara bōrkli 'обладающий черной шапкой' — название, которое род приобрел либо по названию тамги, либо по прозвищу.

Анджоглы — из Añçaq ~ Andžaq 'лунка, ямка' + аффикс обладания -ly > andžaqly 'обладающий тамгой в виде лунки'; другая, более вероятная этимология — *Анджоглы* <oñ džaqlý 'правосторонний, находящийся по правую сторону' — термин, связанный с воинским делом. Возможно также <an džaqlý 'находящийся по ту сторону'.

Кангуоглы ~ *Кангароглы* — из qoñyraq 'колокольчик' (который вешают на животных) + аффикс обладания -ly > qoñraqly 'обладающий тамгой в виде колокольчика'.

Бурчаклы ~ *Бурджаклы* > *Бурчевичи* из burdžaq ~ burčaq 'угол' + аффикс обладания -ly > burdžaqly ~ burčaqly. К последнему роду, например, относился князь половецкий Алкан Бурчевич (Поучение Мономаха), Беглюк и его сын Гзак Билукович ~ Коза Бурнович ~ Бурчевич и другие половецкие князья.

Если принять за два названия одного и того же рода *Етебичи* и *Читеевичи* из *jeti~džeti* 'семь' + *oba* 'род' > 'семь родов' — смешение весьма возможное для русских летописцев, — то не является ли таким же двойным названием одного и того же рода *Бурчаклы~Бурджаклы* > *Бурчевичи* < *burdžaq~burčaq* 'угол' + аффикс *-ly* > *burčaqly* 'имеющий угол' < 'имеющий тамгу в форме угольника', с одной стороны, и название рода *Угличи~Уличи~Угъличи* от русского 'угол', то есть название рода по названию тамги в русском переводе слова *burčaq* 'угол' — с другой. Возможно также < *bur(a) džaqly* 'находящийся по эту сторону'.

Названия могли быть образованы и от прочих особых признаков половецких родов и племен, а также племен черных клобуков. Ср., например, названия племен черных клобуков:

Берендеи~Берендичи > *Береньдичи* ~ *Бериндичи* ~ *Берендиче* (название племени торков) < *ber-* 'давать' + аффикс возвратного залога *-in* + аффикс прошедшего времени *-dy* > *ber-in-di* 'предавшийся, сдавшийся' [38]. Более вероятным представляется *berendej* < *be-gep* 'лучшая сталь, лучший бархат' (Будагов I, 300) + *dej* — аффикс уподобления.

Каепичи — из *qaj* ара~*qaj* *oba* + русск. *-чи* < *qaj* 'название рода, встречающееся в Словаре Махмуда Кашгари' [39]. Название рода *qaju* встречается также у османских турок.

Ковуи — из *qowu~quwu~qowu~quwu~quu* 'лебедь' [40]. Некоторые исследователи сближают название этого племени с названием рода у шорцев < *Qobuj* [41], что также связано, по всей вероятности, с наименованием лебедя. Подобные названия родов, восходящие к священной птице лебедю, встречаются и у других народов, например, у монголов: сочетание *Цаган хуулар* 'Белые лебеди', *Хара хуулар* 'Черные лебеди' [42].

С названием *quw* 'лебедь' связано также родоплеменное наименование алтайцев — кумандинцы; ср. также название другого алтайского племени — лебединцев (шалканныг) [43].

Возможно, что таинственные, до сих пор окончательно не расшифрованные названия воинских соединений Ярослава Черниговского в «Слове»: *Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры*, *Топчаки*, *Ревугы* и *Ольберы* происходят также из наименований родовых подразделений или названий семей. Эти названия, в свою очередь, восходят либо к собственным именам предводителей рода или семьи, либо к названиям по другим признакам.

Существующие исследования этих названий могут быть разделены на два основных направления. Сторонники одного из них видят в этих названиях титулы [3]. Другие находят в них названия родовых подразделений черниговских черных клобуков [40]. Последнее предположение представляется нам более вероятным с той лишь поправкой, что все указанные выше названия скорее всего относятся не к родовым подразделениям, а к отдельным семьям, получившим свои названия по их старейшинам. Следы этого явления остались и в большинстве современных тюркских языков: ср., например, татарские *Алпаровлар* 'Алпаровы и все те, кто к ним относятся', *Таптыковлар* 'Таптыковы и все те, кто к ним относятся' и т. д. Все эти названия семей в «Слове» встречаются по одному разу в следующем контексте: «...А уже не вижду власти сильного и богатаго и многовои брата моего Ярослава, съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки и съ Ревугы, и съ Ольберы. Ти бо бесъ щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждають, звонячи въ прадѣдную славу».

Как видно из данного контекста, названия: *Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры*, *Топчаки*, *Ревугы* и *Ольберы* следуют в виде перечислений, относящихся к титулу *быля*. В контексте, как нам представляется, нарицательные названия черноклобуцких вассалов *былей* раскрываются их собственными именами и именами подвластных им *нукеров* — вассальных воинских объединений, возглавляемых каждым *быля*.

В этом свете названия: *Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры*, *Топчаки*, *Ревугы*, *Ольберы* следует рассматривать как образованные от собственных мужских имен основателей крупной родовой семьи вассала, именем которого называются не только члены данной семьи, но и все подчиненные данной семье люди, в том числе и воинские объединения, которые «бес щитовъ съ засапожники кликомъ плъкы побѣждають, звонячи рѣ прадЕдную славу».

5. Могуты

Сводка этимологий слова *Могуты* дана подробно в словаре-справочнике «Слова о полку Игореве» [2]. Однако с выводами автора о славянском происхождении этого слова трудно согласиться хотя бы потому, что русское *могута* и *могутный* имеют значение «сила, мощь; сильный, крепкий» и, как нам представляется, не связаны с русским корнем *мог* в его основном значении «быть в состоянии, мочь, быть способным и т. п.». Однако К. Менгес считает возможным происхождение этнонима *Могут* из основы *mog* 'мочь' + аффикс причастия настоящего времени *-ot ~ -ut* > *mog-ut* [59].

Наиболее вероятной, как нам кажется, является этимология, предложенная С. Е. Маловым [3]. Он сближает корень этого слова с тюркским *bögü ~ mögü* 'сильный, знающий, мудрый, разумный', хакасским *mögö* 'сильный', алтайским *mökö ~ rökö ~ bögö* 'сильный'. Что же касается соответствий *b ~ m* в начале слова, то это явление весьма распространено в тюркских языках. Довод В. Л. Виноградовой о том, что в одном и том же языке одно и то же слово не может встречаться с начальным *m* (*mögü* > *Могут*) и с начальным *b* (*eg bögü* > *Ревугы*) следует признать вполне справедливым. Принимая этимологию С. Е. Малова в отношении *Могуты* (<*mögü* + *t*), нельзя согласиться с его второй этимологией слова *Ревугы* (<*eg bögü*). Как это было установлено Л. Рашоньи [40] и К. Менгесом [8], *Ревугы* происходят не из *eg bögü* 'муж сильный', а из *eg boyu* 'муж-бык'.

Итак, нам представляется, что микроэтноним *Могуты* происходит от собственного имени *Bögü ~ Mögü* букв. 'сильный, герой' + *-t* — аффикс множественного числа, указывающий на собирательное значение или коллективное множество представителей родового подразделения, основателем и старейшиной которого является *Mögü ~ Bögü*.

Позже это слово было заимствовано русским языком уже в форме собирательного коллективного множества *Могут ~ Могута* в значении собственного мужского имени *Могут* 'букв. сильный, герой'; ср. имя разбойника в Никоновской летописи IX, 69 (XVI в.) и в нарицательном значении *могута* 'сила, мощь' [2].

В «Слове» *Могуты* — это слуги и воины родового старейшины черных клобуков по имени *Bögü ~ Mögü*.

Вместе с тем могла быть и другая версия происхождения микроэтнонима *могуты*. Следует отметить, что среди упоминающихся в византийских источниках и русских летописях черноклобуцких родов встречается племенное название *боуты*, фонетически весьма близкое к анализируемому нами племенному названию *могуты*. Название племени *боу-*

ты происходит либо от того же корня bögü~mögü 'сильный, герой' + аффикс множественного числа -t>bögüt>böwüt, либо из boγu~moγu 'бык, вол', с тем же аффиксом -t множественного числа>moγut~boγut>bowut>русское *боут*.

Другие этимологии этого этнонима:

- 1) *могут*<половецкое meŋi, möŋi, алтайское möŋgü 'вечный' + -t>möŋgüt>русское *могут* [12];
- 2) *могут*<название тюрко-монгольского рода Maŋγut~Maŋγat, монгольское mīŋγat из mīŋγan 'тысяча'>русское *могут* [8];
- 3) *могут*<древнеуйгурское maq 'хвала'+ut>maq-ut<maγut [40];
- 4) *могут*<Maqut, Maqlar, венг. Maklár, название булгарско-печенежско-кыпчакского рода Maq+ut по аналогии с keräi+t 'керейты' — название тюрко-монгольского рода [1]. Данная этимология представляется менее вероятной.

Итак, *Могу́ты* в «Слове» — это либо родовое подразделение черных клобуков, либо укрупненная семья вместе со своими слугами и воинами во главе с родовым старейшиной-патриархом по имени Mögü~Bögü, либо родовое подразделение Moγut~Mowut~Bowut (<bögü+t~boγu+t>русское 'боуты'.

6. Татраны

Этноним *Татраны*, как свидетельствует Л. Рашоньи [40], первоначально имел значение собственного имени, образованного причастием на -γan~-an от глагола tatyr- 'давать, пробовать', то есть от tatyr-γan~tatyr-an *букв.* 'опытный советник, старейшина'. С этой этимологией соглашается и К. Г. Менгес [59]. Л. Рашоньи приводит сведения из различных исторических и географических источников, подтверждающих, что это слово в качестве собственного мужского имени встречалось у печенегов: имя скифа (печенега) tatarvŋs упоминает Анна Комнена [44]; Tatran — название руин в Южном Тибете; название урочища и реки в Казахстане; название деревни в Трансильвании и т. д. [45].

Все эти данные могут служить подтверждением наличия имени собственного, а затем и родового подразделения *Татран*<Tatyran и у черниговских черных клобуков.

В «Слове» *Татраны* — воины и слуги, принадлежащие большой родовой семье, старейшиной и патриархом которой был *Тагыран*.

К сведениям, приведенным Л. Рашоньи, можно добавить, что в современном киргизском языке встречается слово tatran со значением «страшилище, чудовище» [46]. Возможно, что собственное мужское имя Tatran произошло от названия какого-то зверя, по аналогии с Arslan<arsyl an 'лев' (*букв.* 'хищный зверь'); tatyr an 'чудовище'.

Небесспорна также известная этимология tatran 'житель Татр'. В чешском языке слово tatran 'житель Татр' существует и в настоящее время (ср., например, «Татран» — название кафе в Праге).

Наконец, менее вероятна, но вполне возможна и этимология tatyran<tatar 'название племени татар'+аффикс коллективной множественности -an>tataran>tatran 'татары' [47].

Итак, *Татраны* в «Слове» — черноклобуцкое родовое подразделение или укрупненная семья вместе со слугами и воинами, возглавляемая родовым старейшиной по имени *Татран*. Слово это происходит либо из tatyr-γan>tatyr-(γ)an 'опытный советник, старейшина' (Л. Рашоньи), либо из tatyr an 'чудовище, страшилище' (Н. А. Баскаков), либо, что менее вероятно, из tatar-an 'татары'.

7. Шельбиры ~ Шелъбиры

Этноним *Шельбиры* ~ *Шелъбиры* этимологизируется исследователями по-разному. Некоторые видят в нем титул знатного человека *čelebi ig* ~ *čelebi eg* 'знатный, благородный муж' [3], другие — родоплеменное название по тавровому знаку — тамге, изображающей *šylbur* ~ *čylbur* ~ *čylbug* 'узда, веревка для привязывания лошадей' [60] или 'арапник, бич' [48]; третьи выводят его из чувашского *čelpeḡ* ~ *šēlpeḡ* 'подарок от свекра или свекрови' или *čälpaḡ* ~ *šälpaḡ* 'редкий, случайный'.

Л. Рашоньи и К. Менгес также допускают несколько этимологий этого этнонима, кроме перечисленных:

а) *šylbur* ~ *čylbur* 'повод коня' или б) *šalbur* 'беспечный, неосмотрительный, неряшливый' — эти слова первоначально служили основой для собственного имени, а затем и родоплеменного названия [1].

Все перечисленные гипотезы представляются вполне вероятными с небольшим уточнением: имя собственное, происходящее от одного из перечисленных значений, могло быть названием не целого племени, а только лишь знатного вельможи, имевшего вассально зависимых от него воинов и слуг.

Труднее согласиться с этимологией, предложенной К. Менгесом: *шельбиръ* < *šalbir* < *šalbi* āḡ < арабское *salīb* 'крест' + āḡ 'человек' > *salīb āḡ* ~ *salibi āḡ* 'люди креста' [59].

Итак, *Шельбиры* в «Слове» — либо черноклобуцкое родовое подразделение или укрупненная семья, возглавляемая родовым старейшиной *čelebi eg* 'знатный' или носящим имя *Šylbur*, букв. 'арапник, бич'; *šylbug* букв. 'повод коня', *šalbur* 'беспечный, неосмотрительный' — имена вполне возможные в связи с существовавшим обычаем наречения имени у кочевых тюрков; либо название родового подразделения по тамге, изображающей *šylbur* 'арапник, бич'.

8. Топчаки

Этноним *Топчак* ~ *Тобычак* еще в середине прошлого века рассматривался как название родоплеменного соединения И. Н. Березиным [49], сравнивавшим это название с *torčaq* ~ *tobučaq* 'сытая лошадь'; по В. В. Радлову — 1) 'жирная, красивая лошадь'; 2) 'клубкообразный, круглый' [50]. Этимология эта была поддержана Ф. Е. Коршем, который слово *torčaq* переводил как 'особый вид лошади' [60]. Г. Ярринг переводит слово *torčaq* 'красивый, статный' и *torčaq at* 'красивая, статная, упитанная лошадь' [61]. Возможно, что эпитет *torčaq* 'красивый, статный' относился не только к лошади, но и к человеку. В этом случае слово *torčaq* могло служить основой для собственного имени и соответственно для названия племени.

Позже Л. Рашоньи [51] и К. Менгес [8], сопоставляя это слово с названием казахского рода *Qaraqula-Tobučaq*, встречающимся на территории Кокчетавского района Акмолинской области Казахстана [52], также пришли к заключению, что *Топчаки* «Слова» представляет собой название племени по собственному имени *Torčaq* ~ *Tobučaq* букв. 'сытая лошадь, арабская лошадь', происходящему из основы *tor* 'шар' + *-čaq* — аффикс уменьшительности, *tor-čaq* 'шарик, кругленький' > 'сытый'. Сочетание *tobčaq möḡin* встречается и в монгольском языке. Оно равноценно тюркскому *tobčaq at* 'арабский конь' (*Mukaddimat al-adab* [53]).

Менее вероятно предположение О. Притцака о том, что *torčaq* < *tabučač* 'китаец, китайский' — метатезная форма от *torčaq*, а *torčaq at* > *tabučač at* 'китайская лошадь' [59].

Из других этимологий слова *топчаки* заслуживает быть упомянутой происхождение его от печенежского и болгарского **turčaq* ~ чувашского *tërčĕk* — собственное мужское имя, букв. 'наследник, младший из сыновей' [по аналогии с *badžnaq* 'шурин' > 'печенег'; *türkün* 'свояк, сват' > 'тюрк' (см. выше)].

Итак, *Топчаки* в «Слове» либо — черноклобуцкое родовое подразделение, возглавляемое родовым вождем по имени *Tobuša* (букв. 'красивый, статный' или 'сытая, породистая лошадь'); либо — название рода по собственному мужскому имени *tërčĕk* (букв. 'наследник, младший из сыновей'). Ср. название рода огузов *Kendžek* (МК, III, 43) в том же значении.

9. Ревугы

Этноним *Ревугы*, по мнению Ф. Е. Корша [60] и С. Е. Малова [3], происходит от сложного слова *eg* 'муж' и *bögü* 'богатырь, сильный, герой' > *eg bögü* 'муж-богатырь'. А. А. Зайончковский [12] идентифицировал этот этноним с протоболгарским именем хана *eg üwig*. К. Ментес предполагает в этом названии сочетание *ag bögä* 'мудрый, шаман' [59], но считает также возможной этимологию, связанную с русским глаголом «реветь». Наиболее вероятную этимологию, как нам представляется, приводит Л. Рашоньи [40], который видит в названии *Ревугы* родоплеменное название по собственному имени *Ербуга* — сложному слову, состоящему из двух основ: *eg* 'муж, герой' и *buğa* 'бык'. Собственное имя *Ербуга* ~ *Эрбуга* встречается как в древних летописных источниках, так и у некоторых современных тюркских народов. Л. Рашоньи приводит несколько примеров, подобных имен, относящихся к XII—XIV векам (1120 г. *eg-buğa* *اربوغا* — имя воина в свите Хорезмшаха; 1262 — название кыпчакского рода *eg buğa* *اربوغا*; 1387 — мамелюкское имя *eg buğa al sejjî* *اربوغا السيفي*), а также топонимов, встречающихся в Казахстане и Киргизии: *Erbuğa*, *Erbuqaj* и т. д.

Итак, *Ревугы* в «Слове» — название черноклобуцкого родового подразделения, возглавляемого родовым старейшиной по имени *Eg buğa* буквально 'муж-бык'.

10. Ольберы

Все исследователи единодушно возводят это название к собственному мужскому имени *Алп-эр* ~ *Алып ер* — сложному слову, состоящему из двух основ: *alp* ~ *alup* 'герой, богатырь' и *eg* 'муж, богатырь' из которого позже образовалось название рода или родоплеменного подразделения, а затем и целого народа; ср., например, в былинах, собранных Киршей Даниловичем — «Алыберское царство».

Однако С. Е. Малов [3] и В. А. Гордлевский [54] видят в этом названии титул *alup eg* 'воин, герой'.

Наиболее полные сведения и источники, подтверждающие происхождение этнонима *Ольберы* из собственного имени, приведены Л. Рашоньи [1], считающим это загадочное имя родоплеменным названием по собственному имени *Алпар* ~ *Алпер*, встречающемуся в венгерских хрониках 1225 года [55]. В подтверждение своей гипотезы ученый приводит также имя половецкого хана *Алпара* < *Алп-эра* (*alp* 'богатырь', *eg* 'муж'), относимого им к 1279 году. Имя *Алпар* ~ *Алп-эр* < *alp eg* упоминает и В. В. Бартольд, относя его к 1227 году [56], в то время как Л. Рашоньи датирует имена двух половецких ханов *Алпара* и *Узура* 1279 годом. От этого же собственного имени происходит и современная татарская фамилия *Алпаров*.

Собирательное этническое название *ольберы*, встречающееся в «Слове», произошло, видимо, от того же имени собственного *alp er*, ср., например, род *Олиберов* по собственному имени *Олбыря Шерошевича* — тюрка по происхождению — в русских летописях [57].

Л. Рашоньи приводит также название кыпчакского рода *Alp-erli* ~ *Alperli* и топонимические названия *Iski Alpar* и *Janga Alpar* [58], являющиеся уже более поздними образованиями от имени соответствующего родового подразделения.

С гипотезой Л. Рашоньи соглашается К. Менгес [8], который сопоставляет первый элемент сложного слова *alp er* — *alp* 'герой' с куманским словом *alp-a-yut* 'благородный' и монгольским *albaγun* 'слуга, раб'.

Таким образом, большинство исследователей приходит к единому заключению, что *Ольберы* в «Слове» — название черноклобуцкого родового подразделения, возглавляемого родовым старейшиной *Олпером* ~ *Алпаром* < *alp* 'герой' + *er* 'муж'.

Итак, микроэтнонимы: *Могуты*, *Татраны*, *Шельбиры*, *Топчаки*, *Ревугы* и *Ольберы* — представляют собой названия крупных семей или мелких родоплеменных подразделений черноклобуцких племен (ковуев, боутов, каепичей и проч.) по собственному имени их патриархов — родоначальников, старейшин соответствующего рода, по аналогии с древнерусскими названиями крупных половецких семей-династий: *Токсабичи*, *Етебичи*, *Елтуковичи*, *Читеевичи*, *Етьпермиевичи*, *Улашевичи*, *Кулобичи*, *Бурчевичи* и т. д.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *L. Rásonyi*. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве», «Seminarium Kondakovianum», VIII, Praha, 1936; *С. Е. Малов*. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия ОЛЯ АН СССР», V, 2, М., 1946; *A. Zajaczkowski*. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949; *K. Menges*. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos «The Igor's tale», Supplement to «Word», № 7, New-York, 1951.
2. См. соответствующие статьи в словаре: *В. Л. Виноградова*. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Т. I, М., 1965, т. II, М., 1967, т. III, М., 1969.
3. *С. Е. Малов*. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия ОЛЯ АН СССР», V, 2, М., 1946.
4. Здесь и далее «Слово» цитируется по изданию: *А. С. Орлов*. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946.
5. Слова «и въ морЕ» по первому печатному изданию «Слова» в 1800 году стояли перед словом «хинови», то есть в сочетании «и в морЕ Хинови».
6. См.: *Вс. Миллер*. «Хинова» Слова о полку Игореве. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. 19, в. I, СПб., 1914.
7. *A. Sobolevskij*. Alttürkisches *хынъ*. Archiv für slavische Philologie. Bd. XXX, Berlin, 1909; *G. Moravcsik*. Byzantino — Turcica, II, Budapest, 1942—1943.
8. *K. Menges*. The oriental elements in the vocabulary of the oldest Russian epos «The Igor's tale», Supplement to «Word», № 7 New-York, 1951.
9. *Д. А. Расовский*. Хынъ, хынова, хинови «Seminarium Kondakovianum», VIII, Praha, 1936.
10. *J. Németh*. Die Volksnamen *qurıan* und *qun*, Körösi Csoma Archivum, 3, 1940, стр. 95—109; *K. Grönbach*. Komanischen Wörterbuch. Kopenhagen, 1942, стр. 205; quw 'bleich, blass fahl'.
11. *B. Kossanyi*. Uzlar ve Komanların tarihine dair. — «Beleten», Ankara, 1944, стр. 29.
12. *A. Zajaczkowski*. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.
13. *J. Marquart*. Über das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914.
14. *V. Minorsky*. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Türks and India James G. Farlong Fund, vol. XXII, London, 1942, стр. 102.
15. *А. Пономарев*. Куман — половцы. — «Вестник Древней Истории», 3—4, М., 1940.
16. Лаврентьевская летопись. Издание Археографической комиссии, стр. 29.
17. *Н. Толь*. Жемчуг во сне Святослава. — «Seminarium Kondakovianum», t. VIII, Praha, 1936, стр. 300.
18. *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Русский перевод под ред. О. Н. Трубачева, т. IV, М., 1973, стр. 71.

19. J. Németh. Zur geschichte des Worts tolmács 'Dolmetscher'. Acta Orientalia Hungarica, t. VIII, fasc. I, Budapest, 1958.
20. Paul Jyrkänkallio. Zur Etymologie von russ. *tolmač* 'Dolmetscher' und seine türkischen Quelle. — «Studia Orientalia», t. XVII, Helsinki, 1952.
21. J. Németh. Die petschenegischen Stammesnamen. Ungarische Jahrbücher. Bd. 10, H. 1—2, Berlin, Leipzig, 1930.
22. Д. Расовский. Тляковины. — «Seminarium Kondakovianum», t. VIII, Praha, 1936, стр. 307—313; *его же*. Половцы. — «Seminarium Kondakovianum», t. X, Praha, 1938, t. XI, Beograd, 1940.
23. «Туркмен дилини сөзлуги» («Словарь туркменского языка»), Ашхабад, 1963, стр. 367.
24. R. Jakobson. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. t. VIII, 1945—1947.
25. J. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903; *его же*. Über das Volkstum der Komänen. Berlin, 1914.
26. Н. А. Баскаков. Дialect черневых татар (Туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, стр. 115; ср. К. Н. Menges. The oriental elements., стр. 52—53; L. Rásonyi. Les noms de tribus dans «Слово о полку Игореве». — «Seminarium Kondakovianum», t. VIII, Praha, 1936.
27. K. Menges. Etymological notes on some răcănăg names. Byzantion. XVII, 1944—1945.
28. И. Н. Березин. Первое нашествие монголов на Русь. — «Журнал министерства народного просвещения», № 79, 1853.
29. B. Munkácsi. Ethnographia, VI, Budapest, 1945.
30. René Grousset. L'empire des steppes. Attila, Gengis-Khan—Tamerlan. Paris, 1939.
31. Д. Расовский. О роли черных клобуков в истории Древней Руси. — «Seminarium Kondakovianum», t. I, Praha, 1927.
32. Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 227 (примечание).
33. Ср.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 46, обогр. 'род' > М. К. тюркск. oba 'племя'; ср.: A. Zajaczkowski. Etudes sur la langue vieille — osmanli, стр. 136; P. Pelliot. T'oung Pao, t. XXXVI, стр. 62.
34. L. Rásonyi. Contribution et l'histoire des premières cristallisation d'état des Roumains. L'origine des Besebabas. Archivum Europae — Centro — Orientalis. Budapest, 1935, стр. 234—247.
35. «Каракалпакско-русский словарь». Под редакцией Н. А. Баскакова. М., 1958, стр. 780—787.
36. P. Wittek. Das Fürstentum Mentesche. Stambuler Mitteilungen H 2, Istanbul, 1934, стр. 146.
37. Ср., например, тамги, сохранившиеся до наших дней у ногайцев (См.: Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940, стр. 132—140).
38. L. Rásonyi. Der Volksname Berendej. — «Seminarium Kondakovianum», t. VI, Praha, 1933.
39. «Девону луғот-ит түрк. Индекс — луғот», Ташкент, 1967, стр. 380. Қай — қулынг номи — имя собственное раба, III, 88—15, ар. 58—2, стр. 396, қай — халк номи — название народности, I, 66—2.
40. L. Rásonyi. Les noms de tribus dans le «Слово о полку Игореве». — «Seminarium Kondakovianum», t. VIII, Praha, 1936, стр. 193.
41. L. Polapov, K. Menges. Materialien zur Volkskunde, MSOS, XXXIV, 53, Berlin, 1934; см. рецензию: С. М. Малов. Библиография Востока, 1937, № 10.
42. Г. Д. Санжеев. Дархаты. Л., 1930, стр. 12.
43. Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 68.
44. J. Moravcsik. Byzantino — turcica. II, Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen, Budapest, 1943, стр. 255.
45. L. Rásonyi. Über die geographischen Namen Tortillon und Tatan. — «Ural-Altaische Jahrbücher», t. XXXIII, 3—4, Wiesbaden, 1961.
46. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
47. L. Rásonyi. Les noms de tribus..., стр. 49—50; ср. также Д. А. Расовский. Сведения о тюркской основе *tal*. — «Seminarium Kondakovianum», t. VI, Praha, 1933, стр. 16; P. Mutaščiev. Bulgares et Roumains dans l'histoire des pays Danubiens. Sofia, 1932.
48. П. М. Мелиоранский. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия Отделения русского языка и словесности», VII, в. 2, СПб, 1902, стр. 34.
49. И. Н. Березин. Рецензия на книгу «Игорь князь Северский» (поэма), перевод Н. Гербеля. — Журн. «Москвитянин», СПб, 1854, VI, № 22, стр. 70.
50. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905, т. III, стр. 1230.
51. L. Rásonyi. Les noms de tribus. — «Seminarium Kondakovianum», t. VIII, Praha, 1936; *его же*. L'origine du nom székely. — «Acta Linguistica», XI, 1—2, Budapest, 1961.

52. Г. Коншин. Материалы для истории Степного края. Т. VI, Записки Семипалатинского отделения Западно-Сибирского отделения Русского Географического общества, т. II, стр. 101.
53. См.: «Монгольский словарь. Мукаддимат ал-адаб», ч. I—II, — «Труды Института Востоковедения АН СССР», М.—Л., 1938, ч. III, М.—Л., 1939.
54. В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». — «Известия ОЛЯ АН СССР», VI, 4, 1947.
55. «Codex Arpadianus Contitunatus», VII, стр. 399.
56. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб, 1898—1900, стр. 444—445.
57. «Полное собрание русских летописей». Т. II, стр. 501; ср. также. В. Перетц. «Слово о полку Игореве». Л., 1926, стр. 268.
58. «Известия Общества Археологии, Этнографии и Истории Казанского Университета», т. XIX, Казань, 1903, стр. 128.
59. К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
60. Ф. Е. Корш. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве». — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. VIII, кн. 4, СПб., 1903; т. IX, кн. I, СПб., 1906.
61. G. Jarring. Täji bilä Zohra. Lund, 1930 (1967).
62. А. А. Шахмагов. Древнейшие судьбы русского племени. — «Русский исторический журнал», Петроград, 1919.
63. И. Г. Добродомов. Два болгаризма в древнерусской этнонимии. — В кн.: «Этнонимы», М., 1970.
64. V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.
65. И. Г. Добродомов. О половецких этнонимах в древнерусской литературе. — «Тюркологический сборник. 1975», М., 1978.
66. В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
67. Ю. Немец. К вопросу об аvaraх. — Сб.: «Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова», М.—Л., 1976, стр. 298—304.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. БОРОЛИНА

О ЖАНРОВОЙ ДЕФИНИЦИИ ПЬЕС ТУРЕЦКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА

В настоящей статье рассматривается жанровая специфика произведений народной драмы в традиционном турецком театре трех его видов — «Карагёз», «Ортаюну» и «Кукла оюну».

Несмотря на то, что за последнее время изучение турецкого зрелищного искусства, и прежде всего народного театра, значительно продвинулось благодаря публикации и систематизации новых материалов, в том числе пьес традиционного театра¹, обращению к новой проблематике, например, истории происхождения ранних форм драматического действия², взаимосвязи различных видов зрелищных представлений³ и т. д. — вопросы жанровой принадлежности произведений народной драмы продолжают оставаться наименее исследованными.

Различны или однородны по своей жанровой природе «пьесы» (жанровая неопределенность этого термина очевидна) теневого театра «Карагёз», площадного «Ортаюну» и театра кукол (марионеток), одинаково называемые в Турции словом *оюн* 'игра'? Словом чрезвычайно емким, обозначающим синкретичные в своей основе явления, а потому скорее соотносимым не столько со спецификой словесной формы устной народной драмы, сколько с ее сценическим, зрительно-действенным воплощением⁴.

¹ См., например: *Otto Spies. Türkisches Puppentheater. Emsdetten Westf., 1959; Cevdet Kudret. Karagöz. T. I, Ankara, 1968, (стр. 49—59 — библиография печатных публикаций пьес «Карагёза»); t. II, 1969; t. III, 1970; ego же. Ortaoyunu. T. I, Ankara, 1973 (стр. 109 — библиография публикаций пьес «Ортаюну»); t. II, 1975.*

² См., например: *Refik Ahmet Sevengil. Eski türklerde dram sanatı. Istanbul, 1959; Herbert Duda. Das türkische Volkstheater. — «Bustan», Heft 2, Wien, 1961; Metin And. Dionisos ve Anadolu köylüsü. Istanbul, 1962; ego же. A History of Theatre and Popular Entertainment in Turkey. Ankara, 1964; ego же. Türk köylü dansları. Istanbul, 1965; ego же. Oyun ve büyü. Istanbul, 1974.*

³ См., например: *Metin And. Kırk gün kırk gece. Ankara, 1959; R. A. Sevengil. Tanzimat tiyatrosu. Istanbul, 1961; ego же. Saray tiyatrosu. Istanbul, 1962; Niyazi Akı. XIX yüzyıl türk tiyatrosu tarihi. Ankara, 1963; M. And. Geleneksel Türk tiyatrosu. Ankara, 1969; ego же. 100 soruda türk tiyatrosu tarihi. Istanbul, 1970; ego же. Türk tiyatrosu. (1839—1908). Ankara, 1972.*

⁴ Подобная синкретичность отмечается и в зрелищном искусстве других народов. Так, А. К. Дживелегов писал, что «la commedia значит по-итальянски не только „комедия“ в нашем смысле этого слова, но и театр вообще, обнимющий все виды драматургии и сцену» (А. К. Дживелегов. Итальянская народная комедия. М., 1962, стр. 52, сноска).

Освещение этого вопроса, как и другого, непосредственно связанного с ним — о принципах взаимодействия народной драмы с другими видами словесности, представляется весьма существенным для понимания истории развития турецкой народной драмы.

Основным источником произведений народной драмы, игравшихся в традиционном театре, была, как известно, городская проза, и прежде всего анекдот или *lâlife*, повестушка и восходящие к романическим поэмам-дестанам фольклорного и книжного происхождения так называемые «народные рассказы». Анекдот давал сюжет одному из первейших компонентов народного зрелища, известному под названием *taklid* 'подражание', 'воспроизведение', в основе которого лежит искусство имитации. В *taklid* анекдот превращался в жанровую сценку, где использовались основные приемы раскрытия комического — комическое действие (от жеста до ситуации) и комизм слова.

Наиболее раннее упоминание о такого рода сценках относится к XII веку («Алексиада» Анны Комнены), а более развернутые сведения о театрализованных представлениях в Турции датируются XV—XVI веками⁵. В сценках, записанных знаменитым турецким ученым и путешественником XVII века Эвлией Челеби, уже легко угадываются прообразы многих характерных персонажей народной драмы, например, неверная жена (сценка «Неверная жена»), а также национальные типажи (сценка обхода сторожем из янычар Стамбула, где каждый, к которому он обращается, отвечает ему на своем родном языке)⁶. Галерея национальных типажей, создававшаяся в условиях этнически пестрой Турции и в театре «Карагёз», и в театре «Ортаюну» была, как известно, представлена очень широко. Сообщая оригинальную версию происхождения театра «Карагёз»⁷ и имена его основных персонажей, Эвлия Челеби не только приводит названия игравшихся в нем пьесок, например, «Дильсиз» («Немые»), «Бекри Мустафа ве диленджи Кёрараб» («Бекри Мустафа и нищий Кёрараб»), «Мирасйеди Челеби» («Расточитель Челеби») и других, но и пересказывает одну из них — «Хамам» («Баня») — фарс, ставший широко известным не только в традиционном турецком театре «Карагёз»⁸ и «Ортаюну»⁹, но и у арабов¹⁰.

Анализ пьес народного театра позволяет установить различные формы организации в них анекдотического материала. В пьесах теневого театра «Карагёз», имеющих фарсовую природу, анекдотическая ситуация заложена в самом сюжете. Так, анекдотическая история одуряченного жениха, которому подсунили беременную невесту, родившую ребенка сразу же после свадьбы, составляет сюжетную основу фарса «Бюйюк эвленме» («Большая женитьба»)¹¹, восходящего к распростра-

⁵ См., например: R. A. Sevengil. Eski türklerde dram sanatı, стр. 29—34; Nicolas N. Martinovitch. The Turkish Theatre. New York, 1933, стр. 13—15. M. And. Kırk gün, kırk gece, стр. 9—33; *ego же*. Geleneksel türk tiyatrosu, стр. 11—50.

⁶ Evliya Çelebi. Seyahatname. T. I, İstanbul, 1898, стр. 657; См. также: Georg Jacob. Die türkische Volksliteratur. Berlin, 1901, стр. 39.

⁷ См. Evliya Çelebi. Seyahatname, стр. 654—655, где история возникновения «Карагёза» возводится к эпохе малоазиатских сельджукидов. Традиционная версия относит его появление ко времени Орхана (1324—1362), а первое письменное упоминание о «Карагёзе» датировано 1490 г. (См.: M. And. Geleneksel türk tiyatrosu, стр. 346).

⁸ Hellmut Ritter. Karagöz. Türkische Schattenspiele. T. III, Wiesbaden, 1953, стр. 411—438; C. Kudret. Karagöz. T. II, стр. 197—232.

⁹ C. Kudret. Ortaoyunu. T. II, стр. 23—62.

¹⁰ Т. А. Путинцева. Тысяча и один год арабского театра. М., 1977, стр. 94—95.

¹¹ H. Ritter. Karagöz. T. III, стр. 237—264; C. Kudret. Karagöz. T. I, стр. 297—330; M. And. Geleneksel türk tiyatrosu, стр. 257.

ненному международному анекдоту о «ребенке-сорокоходе». В турецкой литературе этот анекдот, засвидетельствованный уже в «Собрании» Лямии (XVI в.)¹², в дальнейшем был отнесен народной традицией к Насреддину Ходже¹³. То же можно сказать и об анекдоте, который лег в основу пьесы «Карагёза» — «Сюннет» («Обрезание») ¹⁴, известной и в варианте «Ортаююну»¹⁵ и т. д.

Явление, называемое в исследованиях, посвященных репертуару народного театра, «адаптацией сюжетов», неизбежно обуславливает трансформацию жанров — прежде всего переход произведений из одного рода словесности (эпоса) в другой (драму), а в рассматриваемых нами конкретных случаях — анекдота — в фарс. Причем эта трансформация подчиняется вполне определенным закономерностям, поскольку народная драма имеет, как искусство традиционное, свои характерные жанровые признаки, устойчивые, строго закрепленные за каждым из трех видов народного театра, а точнее — за пьесами каждого из них.

Комическая ситуация, заложенная в анекдоте, составляя сюжетную основу пьесы, связывалась здесь прежде всего с определенным кругом типажей, устойчивым и для «Карагёза», и для «Ортаююну», и в первую очередь — с главной комедийной парой: маской «простачка» и маской «грамотея» (Карагёз и Хадживат в «Карагёзе», Кавуклу и Пишекяр в «Ортаююну»), а также другими типажам, из которых каждый имел свое амплуа и реплики, построенные на комбинации традиционных «общих мест».¹⁶

Анекдотическая ситуация, составляющая основу пьесы, ее действие (*fasıl*), получала и традиционное композиционное обрамление со строгим распределением элементов внутри каждой части, последовательность которых всегда четко фиксировалась.¹⁷

И, наконец, поскольку традиционное искусство имеет свой набор традиционных мотивов, из которых складывается сюжет, в пьесах народного театра использовались анекдотические истории, отвечавшие только этому кругу мотивов. Практически эти мотивы сводятся к трем¹⁸,

¹² Ал. Качоровский. Из османских анекдотов и фавлю. — «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского». М., 1914, стр. 306.

¹³ См., например: «Resimli Nasrettin Hoca». Istanbul, 1966, стр. 20; «Анекдоты о Ходже Насреддине». М., 1957, стр. 167.

¹⁴ Н. Ritter. Karagöz. T. III, стр. 3—51; С. Kudret. Karagöz. T. III, стр. 83—125.

¹⁵ С. Kudret. Ortaoyunu. T. II, стр. 358—379.

¹⁶ Согласно классификации Георга Якоба, в «Карагёзе», например, четыре группы типажей, а по мнению Сабри Эсада Сиявушгиля — две группы, Метина Анда — однанадцать групп (С. Kudret. Karagöz. T. I, стр. 32—33). Есть и другие классификации (Селима Нюзхета Герчека, Ахмета Кутси Теджера. — См. об этом: М. And. Geleneksel türk tiyatrosu, стр. 278—281).

¹⁷ При общей для пьес «Карагёза» и «Ортаююну» четырехчастной композиции, включавшей в себя вступление — *мукаддима*, диалог основных персонажей — *мухавере*, к которому иногда присоединяются другие персонажи — *ара мухавереси*, само действие — *фасыл* и концовку — *битиш*, в пьесах каждого из этих видов театра свои, свойственные только им компоненты. Например, в пьесах «Карагёза» — песня *семай*, «газель занавеси» (*perde gazeli*) и особый монолог Хадживата во вступлении, свой круг традиционных *мухавере*, свой стереотип концовки. В пьесах «Ортаююну» — иные, во многом обусловленные самой спецификой театра и техникой постановок, вступление (обращение Пишекяра к музыканту, играющему на зурне) и концовка, свой круг непременно присутствующих в диалоге Кавуклу и Пишекяра стереотипных «узнаваний» («представлений») — *арзбар* и *небылиц* — *текерлеме*, свои постоянные приемы ввода в действие других персонажей с их традиционным выходным монологом (песней, танцами), закрепленным за каждым отдельным типажем, и т. д.

¹⁸ Попытка выделить наиболее стереотипные мотивы была предпринята еще Георгом Якобом, а затем продолжена Метином Андом — (См.: G. Jacob. Die türkische Volksliteratur, стр. 46—51; М. And. Geleneksel türk tiyatrosu, стр. 246—254).

являвшимся основной пружиной многочисленных пьес «Карагёза» и «Ортаюну», удивительно ярко и многообразно отражавшим жизнь турецкого города. Это вторжение в жизнь происходило не только благодаря постоянным импровизациям на злобу дня, которые актеры «Ортаюну» и «Карагёза» вкладывали в уста своих героев и, прежде всего, Карагёза, выступавшего ниспровергателем общественных и моральных устоев. В данном случае представляется важным отметить универсальный характер основных мотивов, разрабатываемых в народной драме на конкретном жизненном материале, прочно привязанном к быту и нравам городских кварталов и освещавших все события с точки зрения интересов и восприятия простого народа.

Один из этих мотивов — стремление проникнуть в какое-либо запретное место или заняться каким-нибудь запретным делом (древнейший мотив, восходящий к мифологической сказке) — будучи пересажен в сферу комического, уже сам по себе порождает анекдотические ситуации и положения. В еще большей степени это относится к ситуациям, организующим другой мотив, связанный с тем, что герой, прежде всего Карагёз, попадал в какое-нибудь запутанное и смешное положение.

Сказочный мотив о двух сотоварищах и партнерах в общем деле реализовался в турецкой народной драме таким образом, что Карагёз и Хадживат или Кавуклу и Пишекир, действующие в конкретных условиях турецкого города и, прежде всего, Стамбула, оказывались, например, башмачниками, поварами, пирожниками, писарями, ночными сторожами, канатоходцами, а в более поздних по времени создания пьесах — фотографами, телеграфистами¹⁹ и т. д. Формировавшаяся в условиях этнически пестрой, многоязыкой и многонациональной Турции, народная драма связывала целый ряд профессий с национальной принадлежностью персонажей, что, конечно, также отражало реальную картину турецкой жизни: например, араб — кондитер, грек — лекарь или же шинкарь, албанец — садовник, курд — носильщик или сторож, перс — продавец ковров или антиквар, еврей — меняла или ювелир, френк (европеец) — доктор или аптекарь и т. д.²⁰ Заметим, однако, что в столь живо и полно на протяжении веков воспроизводивших жизнь турецкого общества и в то же время всегда современных фарсах «Карагёза» и комедиях «Ортаюну» почти не присутствуют персонажи, представляющие духовенство²¹, в отличие, например, от русского «Петрушки», «Вертепа» или «Райка». Между тем, в народных анекдотах, в том числе о Насреддине Ходже и, особенно, о дервише Бекташи, где антирелигиозная и антиклерикальная тематика занимает значительное место, эти персонажи фигурируют очень часто. Но, конечно, запрет на «кошунственные» темы нарушался и в зрелищном искусстве.

Народная драма в театре «Карагёз» по своей жанровой специфике являет собой типичный фарс: это еще не комедия, а лишь первоначал

¹⁹ См., например, пьесы «Ортаюну» — «Фотограф» и «Телеграфист» — в кн. *C. Kudret. Ortaoyunu*. Т. I, стр. 335—387; т. II, стр. 409—453.

²⁰ *Nureddin Sevdin. Türk gölge oyunu*. Istanbul, 1968; *C. Kudret. Ortaoyunu*. Т. I, стр. 74—80.

²¹ В турецком народном театре фигурирует только имам, причем как фигура эпизодическая, выступающая в одной и той же функции: он совершает обряд бракосочетания и проговаривает при этом «молитву», составленную из бессмысленного набора слов. См., например, карагёзовские фарсы «Ортактар» («Приятель») и «Терс эвленме» («Женитьба наоборот») — *C. Kudret. Karagöz*. Т. II, стр. 561; т. III, стр. 300—301. Ср. восходящий к народному фарсу образ имама Эбуллакалатюл-Энфи в комедии Ибрагима Шинаси «Шайр эвленмеси» («Женитьба поэта»), где этот образ получил более острую социальную характеристику.

ная стадия ее развития. Здесь обыгрываются только отмеченные выше мотивы, комические эпизоды и ситуации логически не связаны или почти не связаны между собой, персонажи представлены только одной характерной чертой, а не совокупностью их.

Иное дело — инсценировка в турецком театре народных легенд и так называемых «народных рассказов», восходящих к любовным дестанам («Ферхад и Ширин», «Тахир и Зухра» и др.)²². Среди пьес «Карагёза» и «Ортаюну» они стоят особняком²³, хотя легенды, трансформируясь в народную драму, претерпевают целый ряд значительных изменений, например, инкорпорируют вплетающиеся в сюжетную ткань легенды сценки, где фигурируют основные типажи «Карагёза» и «Ортаюну», действие переносится на местную почву, в современную эпоху и иную социальную среду, пьесы получают специфическое для каждого вида народного театра композиционное обрамление, их неизменно завершает оптимистический финал и т. д.

Но главная причина обособленности этих инсценировок от пьес названных театров в том, что любовные дестаны, в основе которых лежит история несчастной взаимной любви, оканчивающаяся гибелью влюбленных²⁴, по самой своей трагедийной природе чужды турецкой народной драме, ее сюжетике и комедийно-буффонным маскам. И потому основные смещения, происходившие при «пересадке» дестанного эпоса в народный театр, шли прежде всего по линии резкого снижения, разрушения романтики и трагической коллизии. Дестанные герои, например, Ферхад или Тахир, носители идеала возвышенной любви, верности единственному чувству, сливались с маской Челеби (амплуа — первый любовник, легкомысленный мот, быстро меняющий объекты своих увлечений). То же происходило и с женскими образами дестана, сливавшимися с комической женской маской Зенне — народная драма открыто профанировала высокие чувства и романтические идеалы.

Так осуществлялся второй аспект жанровой трансформации, когда эпическое повествование о высокой трагической любви, переходя в иной род словесности — драму, пронизывалось комедийными чертами²⁵.

Более органично осваиваются турецким народным театром авторские комедии, прежде всего, комедии Мольера, очевидно, появившиеся в театре «Карагёз» задолго до того, как они в 1869—1870 годах были переведены Ахмедом Вефиком-пашой.²⁶ Здесь комедийные персонажи Мольера, вышедшие из французского народного фарса, вполне соответствовали характеру и возможностям карагёзовских масок (см., например, фрагменты «Скупого», «Тартюфа» и «Прodelок Скапена», приве-

²² Текст пьесы «Лейли и Меджнун» не опубликован ни в собрании Г. Риттера, ни у Дж. Кудрета. Сценическая переделка «Лейли и Меджнун» уже на основе поэмы Физули была сделана в 1866 году Мустафа-пашой для стамбульского театра Вартовьяна (Гюлю Аккопа), где была впервые поставлена в январе 1869 г. (См.: R. A. Sevensgil. Tanzimat tiyatrosu, стр. 60—63; N. Aki. XIX yıl türk tiyatrosu tarihi, стр. 152).

²³ Георг Якоб выделил «обработки народных легенд, сказок и рассказов» в отдельную группу, см.: G. Jacob. Türkische Literaturgeschichte in Einzeldarstellungen, I. Das türkische Schattentheater, Berlin, 1900, стр. 53—54. Метин Анд называет пьесы этой группы «искусственными», «деланными» (yapıntı), см.: M. And. Geleneksel türk tiyatrosu, стр. 249—252.

²⁴ Известны версии и со счастливым исходом, например, азербайджанская и туркменская (вариант Моллапесес); версии «Тахир и Зухра» и узбекская (у Фазыля Юлдашева) «Ферхад и Ширин».

²⁵ Подробнее о жанровой природе адаптаций романтического эпоса в народном театре см.: И. В. Боролина. К вопросу об адаптации романтических сюжетов в турецком народном театре. — В сб.: «Проблемы восточной филологии». М., 1979, стр. 99—108.

²⁶ R. A. Sevensgil. Tanzimat tiyatrosu, стр. 116.

денные в книге Адольфа Талассо²⁷). И, конечно, особенно органично *карагёз оюну* освоила мольеровского «Лекаря поневоле» (фарс «Хе-кимлик») ²⁸, близкого карагёзовским пьесам и характером типажей (Станарель — Карагёз, Робер — Хадживат и т. д.), и своей жанровой спецификой, ибо, как уже было давно отмечено исследователями, «из всех пьес Мольера именно «Лекарь поневоле» больше всего подходит к тем, которые можно назвать фарсами».²⁹

Если *карагёз оюну* — фарс, то *ортаююну* можно считать уже народной комедией более высокой художественной организации. Сам театр «Ортаююну»³⁰ обычно сравнивают, исходя из основных характеризующих его элементов (маски, диалект, импровизация, клоунада), с итальянской *commedia dell'arte*.³¹ При всей близости «Ортаююну» и «Карагёз оюну» как театров традиционных, каждый из них, а соответственно и народная драма в них, имеет свою выраженную специфику. В *ортаююну* свой, только ей свойственный набор традиционных типажей, своя, также близкая к пьесам теневого театра, но, как было отмечено выше, складывающаяся из присущих только *ортаююну* элементов композиция, свои принципы разработки традиционных мотивов и т. д. — все это позволяет говорить о присутствии здесь необходимых признаков самостоятельной традиционной жанровой формы.

В пьесах «Ортаююну» более развитый сюжет, причем это развитие происходит не за счет нагромождения анекдотических эпизодов, как в фарсах «Карагёза», где включение этих эпизодов и комических диалогов часто не имело никакой внутренней мотивировки. Ответвления от основного сюжетного стержня уже связываются в *ортаююну* с общим развитием действия, появляются новые самостоятельные линии (например, любовная, отсутствующая в «Карагёзе», где обычна только фарсовая, буффонная женитьба, или ссора мужа и жены³², или комическое любовное свидание с Зенне, выступающей в традиционном амплуа «квартальной Мессалины»). Появление в сюжете *ортаююну* любовной линии сопровождается тем, что к комедийному в основе персонажу «добавляется» лирический оттенок.

²⁷ Adolphe Talasso. Le theatre turc. Paris, 1905, стр. 7—9. См. также: В. О. Минский (Минорский). Константинопольские увеселения. Тифлис, 1903, стр. 10.

²⁸ С. Kudret. Karagöz. Т. II, стр. 233—264.

²⁹ «Oeuvres de Molière avec un commentaire par M. Auger de l'academie française», т. 5, Paris, 1820, стр. 370.

³⁰ О разных вариантах объяснения этого названия см. подробнее, например: М. And. Kavuklu Hamdiden üç ortaoyunu. Ankara, 1962, стр. 9—12.

³¹ См., например: *Malgorzata Labęcka-Koecherowa*. Typy stale w dawnym teatrze tureckim i włoskiej komedii dell'arte. — «Przegląd orientalistyczny», NR I (81), 1972, стр. 17—23; *ее же*. Dawny teatr turecki. — «Pamiętnik Teatralny», NR I, 1972, стр. 17—57 etc. Традиция возводит появление «Ортаююну» к XVI веку — эпохе Сулеймана Кануни. Развернутые письменные свидетельства об этом театре, в том числе об играх в нем пьесах («Писарь», «Баня», «Парикмахер», «Женитьба наоборот») относятся к первой трети XVIII века (1720 г.), но, очевидно, его окончательное оформление происходит к концу XVIII — началу XIX века. — См.: С. Kudret. Ortaoyunu. Т. I, стр. 41—47. Что касается записей пьес «Карагёза» и «Ортаююну», то они производились одновременно. Первые записи были сделаны в конце XIX века, Игнатом Куношем и относились к развитию народной драмы в обоих театрах почти к одному и тому же времени. См., например, В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. VIII. Наречия османские. Тексты собраны И. Куношем. СПб., 1889; Ignacy Kunoš. Die türkische Volksschauspiel Orta-oyunu. Leipzig, 1908.

³² Жена Карагёза так же, как и жена Хадживата, обычно представляется в «Карагёзе» не самостоятельной фигуркой, а только голосом за сценой (точнее — за экраном) или совмещается с маской Зенне.

В ортаююну заметно выражена тенденция не только к большему охвату событий, но и к завершенности действия, к сведению вместе концов сюжетных линий, что, естественно, придает пьесе внутреннюю законченность. Здесь как бы подводится логический итог изображаемым событиям. Так, многие комедии «Ортаююну» завершаются свадьбой молодых героев, например, «Эскиджи Абди» («Старьевщик Абди») ³³, «Гёзлемеджи» («Пирожник») ³⁴ и другие, причем иногда (например, в «Фотографе» ³⁵) не одной, а тремя сразу, или, как например, в комедиях «Мандыра» («Загон») ³⁶ и «Бююдю Ходжа» («Колдун») ³⁷ — встречей «потерявшихся» мужа или жены. В этой завершенности есть и оценочный момент, ибо зритель как бы подводится к нравоучительным выводам, что в карагёз оюну отсутствует.

Усложнение сюжетики, стремление к внутренней мотивировке событий вызывало в свою очередь появление новых типажей, происшедшее прежде всего за счет филиации старых. Таковы восходящие к общему прототипу «Зенне» женские персонажи, которые в сценариях так и обозначаются: «Зенне I», «Зенне II», «Зенне III» и т. д. ³⁸, как бы «раздваивающиеся» Челеби, Беберухи, сыновья Карагёза и Хадживата и т. д.

Развитие образной системы, сюжетики, известная перестройка наиконсервативнейшего из жанрообразующих компонентов — композиционной схемы — (появление особой разновидности сценических диалогов и т. д.) идет в народной драме, как и вообще в традиционном искусстве, внутри традиции и перерастает в пьесах «Ортаююну» в новое качество. Это особенно наглядно подтверждается сопоставлением тех фарсов «Карагёза» и комедий «Ортаююну», в основе которых лежит один и тот же сюжет, например, «Хамам» («Баня») ³⁹, «Бахче» («Сад») ⁴⁰, «Мандыра» («Загон») ⁴¹, «Сюннет» («Обрезание») ⁴² и др. Анализ расхождений (в сюжете, образах, композиции и т. д.) в этих пьесах, сложившихся в «Карагёзе», но после соответствующей трансформации вошедших и в репертуар «Ортаююну», воспринявшего и карнавальную стихию «Карагёза» и его реалистические тенденции изображения жизни, но имеющего свою специфику прежде всего в том, что здесь играют не куклы, а люди (женские роли, естественно, исполнялись мужчинами), — неизбежно должен строиться с учетом жанровой разновидности произведений народной драмы (при всей относительности жанровой дефиниции переходного состояния от фарса к комедии).

Новый этап в развитии турецкой народной драмы представляют пьесы в театре марионеток. Первая публикация небольшой пьесы *кукла оюну* была сделана еще в 1918 году Энно Литтманном ⁴³, а исследование

³³ M. And. Kavuklu Hamdi'den üç ortaoyunu, стр. 201—292; C. Kudret. Ortaoyunu. T. I, стр. 256—303.

³⁴ C. Kudret. Ortaoyunu. T. I, стр. 388—450.

³⁵ Там же, стр. 335—387; M. And. Kavuklu Hamdi'den., стр. 97—199.

³⁶ C. Kudret. Ortaoyunu. T. II, стр. 228—262.

³⁷ M. And. Kavuklu Hamdi'den., стр. 25—92; C. Kudret. Ortaoyunu. T. I, стр. 175—214 (там же о ранних публикациях пьесы).

³⁸ В фарсах «Карагёза» это чаще всего мать и дочь, мать и две дочери, две жены Карагёза и т. д., в комедиях «Ортаююну» количество женских персонажей разрастается: мать, две дочери и служанка, танцовщицы и т. д. (в комедии «Баня», например, девять женских персонажей).

³⁹ C. Kudret. Karagöz. T. II, стр. 197—232; *его же*. Ortaoyunu. T. II, стр. 23—62.

⁴⁰ C. Kudret. Karagöz. T. I, стр. 169—214; *его же*. Ortaoyunu. T. I, стр. 113—155.

⁴¹ C. Kudret. Karagöz. T. II, стр. 441—478; *его же*. Ortaoyunu. T. II, стр. 228—262.

⁴² C. Kudret. Karagöz. T. III, стр. 83—126; *его же*. Ortaoyunu. T. II, стр. 358—379.

⁴³ E. Littmann. Das Malerspiel. Heidelberg, 1918.

театра началось фактически лишь в 1959 году после появления специальной работы австрийского тюрколога Отто Шписа⁴⁴.

Основной комедийной паре «Карагёза» и «Ортаюону» в театре марионеток соответствуют Господин (Бей) и Слуга (Ушак), которого чаще всего зовут Садык, Фыстык или Ибиш⁴⁵. Противопоставление партнеров здесь, таким образом, строится на социальной основе. Правда, в некоторых фарсах «Карагёза», а также в одном из вариантов легенды о происхождении персонажей теневого театра, записанной И. Куношем⁴⁶, Хадживат занимает несколько более высокое положение, чем «простачок» Карагёз; вместе с тем оба героя — ремесленники или мелкие торговцы, живущие в одном квартале. И в *карагёз оюну*, и в *ортаюону* действие разворачивается в конкретных условиях городской среды — на улице, в городском саду, бане и т. д. В *кукла оюну* оно, как правило, переносится в господский дом.

Ушак — традиционный комедийный слуга — «простачок», с ленцой, плут, себе на уме, без всякой почтительности относящийся к хозяевам и даже посмеивающийся над ними. Важно отметить, что он — не только основной, но и единственный, подлинно комический типаж *кукла оюну*, и в этом одно из главных отличий *кукла оюну* от пьес других театров — «Карагёза» и «Ортаюону», где представлена целая галерея комических типажей. В *кукла оюну* элементы комического у остальных типажей встречаются эпизодически и не являются их определяющим признаком. Другие постоянные типажы *кукла оюну*: Бей — владелец «чифтлика» (поместья), традиционный добродетельный отец семейства, часто из-за своей доверчивости становящийся жертвой вражеских козней, но всегда выручаемый слугой; злой и коварный Управляющий (*Кяхья*) — клеветник и убийца; Жена бея, чаще всего — преданная, любящая мужа, иногда — злая и неверная; Служанка, которая в конце пьесы выходит замуж за Слугу. К этим типажам часто присоединяется молодая влюбленная пара, например, Гюль и Фидан в одноименной пьесе или Зейнеб и Хадив в пьесе «Увей анне» («Маеаха»).

Сюжеты *кукла оюну*, также построенные на стереотипных мотивах, более динамичны; в основе их лежит острая коллизия, запутанная интрига. Единство времени, места и действия, характерное для пьес «Карагёза» и «Ортаюону» в *кукла оюну* не сохраняется. События часто разделяются определенным, оговоренным в ремарках или монологах персонажей промежутком времени, действие в пьесе переносится из одного

⁴⁴ O. Spies. Türkische Puppentheater; см. также: Helga Uplegger. Das Volksschauspiel. — «Philologiae Turcaeae Fundamenta» t. II, Wiesbaden, 1964, стр. 147—170. Как полагает М. Анд, кукольные представления в Турции древнее теневых, хотя впервые термин «кукла», относящийся к огромным куклам праздничного карнавала, запечатленным на турецких миниатюрах (см., например: M. And. Kırk gün kırk gece, стр. 75, 168, 171), встречается в XVII веке у Эвлия Челеби и Абди (См.: M. And. Geleneksel., стр. 95—98). Историю развития кукольных зрелищ М. Анд пытается реконструировать на основе той главной посылки, что название «хаял» (образ, воображение, иллюзия) относится прежде всего не к теневым фигуркам, а к куклам-марионеткам, и потому все источники, содержащие сведения о представлениях *хаял оюну*, касаются непосредственно театра марионеток. В пользу такого предположения свидетельствуют и названия кукольных представлений у тюрков Средней Азии: *чадыр хаял* — для ниточных кукол и *кол корчак* — для пальцевых. Куклы и техника представлений были, очевидно, заимствованы тюрками из Ирана. Пьесы, записанные О. Шписом, М. Анд относит ко «времени Конституции» (1908—1922), см.: M. And. Geleneksel., стр. 248.

⁴⁵ См., например, образ слуги в пьесе «Кундураджи оюну» («Игра сапожника»), записанной Игнацем Куношем (см.: I. Kunos. Die türkische Volksschauspiel., стр. 37—61).

⁴⁶ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. 8. Наречия османские. СПб., 1899, стр. XXVII.

места в другое (из дома бея, например, в горы, в стан разбойников и т. д.). Здесь множество всевозможных эмоциональных элементов мелодраматического характера. Пьесы изобилуют «сценическими ужасами», в каждой из них совершается несколько нападений, убийств (в «Карагёзе» и «Ортаюну» все «убитые», то есть прикидывающиеся убитыми, обычно «оживают»⁴⁷), однако неизменно наступает традиционная благополучная развязка, причем в ней особенно подчеркивается идея возмездия за причиненное зло и торжества справедливости, значительно усиливающая дидактический назидательный характер пьес.

В то же время в *кукла оюну*, восходящей к традициям народной комедии, главную роль в интриге, как и в пьесах «Карагёза» и «Ортаюну», играет «простачок». Основное комедийное начало заложено в его поступках и диалогах с его участием, и именно он осуществляет возмездие и восстанавливает справедливость.

Кукла оюну теснейшим образом связана с традициями карагёзовских фарсов и комедиями «Ортаюну» и в плане художественных, в частности языково-стилистических средств раскрытия комического (использование каламбуров, стереотипных приемов «кви про кво», основанных на обыгрывании диалектных слов, вульгаризмов, полисемии слова, так называемых смысловых «сдвигов» и т. п.), хотя *толлиду* все же отведено здесь меньше места. С другой стороны, *кукла оюну* испытала на себе непосредственное и весьма заметное воздействие «Тулуат театросу» («Театра импровизации»), который, также восходя прежде всего к театру «Ортаюну» (актеры «Ортаюну» стали первыми актерами «Тулуат театросу»⁴⁸), руководствовался уже иными правилами для своих представлений, сложившимися не без влияния профессионального театра и авторской западноевропейской драматургии. Из театра импровизации в пьесы «Кукла оюну» перешли и основные типажы [обычный круг типажей «Тулуат театросу»: *Jeune Premier*, Ихтияр (Старик), Комик, Тиран и др.], и композиционные приемы (в частности отсутствие традиционного для народной драмы в «Карагёзе» и «Ортаюну» обрамления, деления на акты и т. д.), и общий мелодраматический настрой пьес, характерный для репертуара театра.

В значительно утративших сатирическую остроту, присущую народному фарсу, пьесах «Кукла оюну» осваивались, таким образом, основные принципы мелодраматического искусства, культивировавшиеся и в театре импровизации, и в репертуаре других театров, прежде всего стамбульских, ставивших романтическую драму с мелодраматическим оттенком — переводную и оригинальную⁴⁹, причем народным театром воспринимаются не только принципы ее структурной организации, но и идейный и эстетический идеал в целом. Перенос в условия театра марionеток романтической драмы, где были очень сильны мелодраматические моменты — вспомним, что Ромен Роллан романтическую драму

⁴⁷ См., например, пьесы «Джанбазлар» («Канатоходцы»), «Кыргынлар» («Убитые»), «Салынджак» («Качели») (С. *Kudret. Karagöz. T. I*, стр. 331—358; *t. II*, стр. 397—428; *t. III*, стр. 49—72). Мотив «оживания» убитого, очевидно, уходит своими корнями в «покойническую игру», связанную с древними похоронными обрядами и культом предков, но постепенно утратившую магическую функцию и ставшую собственно драматургическим представлением (см., например: В. Е. Гусев. От обряда к народному театру. — В кн.: «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор». Л., 1971, стр. 49—59).

⁴⁸ См.: R. A. Sevengil. *Tanzimat tiyatrosu*, стр. 285.

⁴⁹ О турецком театре последней четверти XIX — начала XX века см. также: R. A. Sevengil. *Tanzimat tiyatrosu*; N. Aki. *XIX yil türk tiyatrosu*; M. And. 100 soruda türk tiyatrosu; его же. *Türk tiyatrosu (1839—1903)*.

называл даже одной из форм мелодрамы⁵⁰ — неизбежно приводил к еще большему ее упрощению.

Пьесы *кукла оюну* роднит с мелодрамой и занимательный, часто парадоксальный сюжет, гротескно преувеличенные страсти, подчеркнутая моралистичность наряду с примитивизмом, однолинейностью образов, ограниченностью нравственного идеала семейными добродетелями, приглушенностью социальных конфликтов.

В условиях теснейшего взаимодействия трех видов традиционного театра пьесы одного из них могли переходить в репертуар другого, однако при этом они неизменно подвергались определенной перестройке. Так, карагёзовский фарс обретал в театре «Кукла оюну» черты нового для него мелодраматического характера. В качестве примера можно привести старинный (первое упоминание относится к началу XVIII века⁵¹) фарс «Языджи» («Писарь»)⁵², названный в *кукла оюну* «Джинли языджи» («Бесноватый писарь»)⁵³. Традиционных партнеров — Хадживата и Карагёза здесь заменяют Хозяин и Писарь⁵⁴ (вариант типичной для *кукла оюну* пары — Господин и Слуга), вводится отсутствующая в карагёзовском фарсе⁵⁵ любовная пара (дочь хозяина и ее поклонник), завязывается новая интрига, которую распутывает Писарь, и т. д. Пьесу венчает вложенное в уста героя назидание. Естественно, что в «Бесноватом писаре» отсутствует и традиционное для *карагёз оюну* композиционное оформление. Что же касается центральной части карагёзовского фарса, составленной из серии комических сценок, изображающих посещение лавочки разными клиентами (галерея национальных типажей), то она переходит в *кукла оюну* почти без изменений, причем сохраняется даже характер каламбуров.

Происходило и встречное движение — пьесы «Кукла оюну» переходили в теневого театр. В качестве примера могут быть названы пьесы «Сахте эсирджи» («Мнимый работорговец»)⁵⁶ и «Хаин кяхья» («Преступный управляющий»)⁵⁷. Их переработка в соответствии с традициями «Карагёза» не стала однако органичной, светлась, прежде всего, к введению характерной композиционной рамки, и на фоне карагёзовских фарсов они выглядят инородными. И развернутый сюжет пьес, и их герои — Бей и Слуга, роль которого переходит к Карагёзу (роль Хадживата здесь сводится к минимуму), не характерны для театра «Карагёз», так же как и совершающиеся в этих пьесах убийства, несущие идею возмездия, и стереотипная назидательная концовка, вложенная в уста Карагёза⁵⁸. При этом диалоги персонажей в обоих вариантах пьес — карагёзовском и *кукла оюну*, почти совпадают текстуально.

⁵⁰ Ромен Роллан. Народный театр. Собрание сочинений, т. 14, М., 1958, стр. 185.

⁵¹ Theodor Menzel. Meddah, Schattentheater und orta oymu. Praj, 1941, стр. 73.

⁵² C. Kudret. Karagöz. T. III, стр. 134—155.

⁵³ O. Spies. Türkisches Puppentheater, стр. 134—155.

⁵⁴ В тексте *кукла оюну* Писарь назван Комиком, в чем проявилось воздействие «Тулуат театросу».

⁵⁵ Сюжетная канва «Писаря» — традиционный для *карагёз оюну* «набор» стереотипных мотивов и ситуаций: ссора Карагёза с женой, поиски Карагёзом и Хадживатом работы и открытие ими на паях лавочки, где Карагёз становится писарем, провал этого предприятия и требование Хадживатом своей доли выручки.

⁵⁶ Ср. варианты *кукла оюну* (O. Spies. Türkisches Puppentheater, стр. 107—132), и *карагёз оюну* (C. Kudret. Karagöz. T. III, стр. 9—48).

⁵⁷ Ср. варианты *кукла оюну* и *карагёз оюну*: M. And. Geleneksel Türk tiyatrosu, стр. 261—263.

⁵⁸ См. также эпилог пьесы «Ики гаиб кардешлер» («Два пропавших брата») в O. Spies. Türkisches Puppentheater, стр. 104.

Все это свидетельствует о том, что в случаях прямого заимствования пьес их переход из одного вида народного театра в другой не всегда сопровождался полной трансформацией жанра — в них при сосуществовании элементов разных жанровых форм почти всегда улавливается основная — соответственно фарсовая, комедийная или драматическая (в форме мелодраматической) доминанта.

Таким образом, на материале пьес трех видов турецкого народного театра — «Карагёз», «Ортаюну», «Кукла оюну» — прослеживается, причем достаточно дифференцированно, динамика развития основных жанров народной драмы, представленной в каждой из этих театров целостной традиционной системой, построенной на строгой закономерности во взаимодействии составляющих ее идейно-эстетических и художественных компонентов.

ОНОМАСТИКА

И. В. ДРОН

НАЗВАНИЯ ГАГАУЗСКИХ СЕЛ МОЛДАВСКОЙ ССР

Топонимия Молдавской ССР различна по происхождению, что связано с историческими и географическими условиями края, определившими значительную подвижность и этническую пестроту его населения.

На территории Молдавии¹ с древнейших времен, сменяя друг друга, проживали самые разные племена и народы. Это не могло не сказаться на формировании и развитии местной топонимии.

Значительную часть топонимов республики, естественно, составляют названия молдавского происхождения (57% от общего количества), 29% — названия славянского происхождения, 7% — тюркского, остальные топонимы (около 130 или 7%) — неизвестного происхождения. При этом необходимо отметить, что большинство тюркских топонимов сконцентрировано на юге республики².

Такое распределение топонимов по территории Молдавии обусловлено историческими причинами, так как здесь в начале нашей эры с востока на запад проходил путь известных нам кочевых племен и народов, а с X до XIX века в буджакских степях пребывали различные тюркские племена и народности (печенеги, узы, куманы, татаро-монголы, ногайцы и др.). На юге Молдавии сохранились и древние молдавские села³.

Предметом исследования данной статьи являются некоторые вопросы, связанные с происхождением и образованием названий сел с гагаузским населением на территории Молдавии. Содержащиеся в научной литературе сведения, сообщаемые отдельными авторами о названиях гагаузских селений, носят эпизодический или фрагментарный характер. До настоящего времени отсутствовал полный список гагаузских селений на территории Молдавии: селения *Қарабибер*, *Николаевка* (гаг. *Кырымжи*), *Питешты* и ряд других не входили в составленный ранее список.

В тюркском по происхождению пласте молдавской топонимии следует различать два основных слоя: печенежно-куманский и татаро-ногайский. На территории Молдавии печенеги появились в конце IX века, а куманы (половцы русских летописей) поселились на данной территории во второй половине XI века.

К молдавским топонимам печенежского и куманского происхождения относятся: *Бешень*, переименованный в 1965 г. в *Кодру*⁴, *Калмацуй*, *Ковурлуй*, *Таксобень*, *Уйтуз* (совр. с. Кирилловка Вулканештского района МССР); гидронимы: *Дерлуй*, *Калмацуй*, *Сахалуй* и др.⁵

Однако татарско-ногайский топонимический слой является более многочисленным. Массовое заселение южной части Бессарабии — Буджака — ногайцами и татарами происходило в XVI—XVIII веках. К ногайским (и татарским) топонимам относятся: *Авдарма, Баймаклия, Баурчи, Бешалма, Дизгинжи, Етулия, Джолтай, Карбалия, Киселия, Комрат, Конгаз, Копчак, Коштангалия, Орак, Садык, Тараклия, Тартаул, Чимишлия, Чобалаклия, Шамалия* и др.

Большинство из перечисленных названий связано с названиями родов и племен ногайцев Буджака.

Так, в памяти старшего поколения ногайцев Северного Кавказа и Добруджи (историческая область в Румынии) до сих пор сохраняются такие названия родоплеменных групп, как: *ашамайлы, байдынулы бешалма, жагылтай, кайшылы, конгаз, конграт, костамгалы, кыпшак, оракулы, тараклы, тарту-улу, шюмишли* и др.⁶ Все эти родоплеменные названия, несомненно, бытовали в прошлом и у буджакских ногайцев, о чем свидетельствуют топонимы, сохранившиеся на юге республики.

После русско-турецкой войны 1806—1812 годов ногайцы были окончательно переселены царским правительством в Крым, Приазовье и Ставрополье⁷.

Юг Бессарабии начал постепенно заселяться коренными жителями края, а также задунайскими переселенцами — гагаузами и болгарами из «узи-санджак»⁸ (районы нынешней Северо-Восточной Болгарии) и государственными крестьянами из внутренних губерний Российской империи.

Основная масса гагаузов⁹ поселилась главным образом в Центральном Буджаке в бывших ногайских селениях¹⁰: *Авдарма, Баурчи, Бешалма, Дизгинжи, Етулия, Джолтай, Казаклия, Карбалия, Комрат, Конгаз, Копчак, Тараклия, Чадыр* и др. Эта территория перешла в разряд казенных земель самодержавия. Однако часть ранних переселенцев (конца XVIII в.) поселилась в молдавских селах Западного Буджака, оказавшихся в начале XIX века в руках частных владельцев, а именно в селах: *Баймаклия, Еникей, Копкуй, Минжир, Молдован-Баурчи, Орак, Томай, Чадыр* и др.

Вплоть до 1827 года гагаузы, невзирая на запреты, стремясь избавиться от боярского гнета¹¹, самовольно уходили на казенные земли Буджака.

Известно, что гагаузы, поселившиеся в первой половине XIX века в Южной Бессарабии, восприняли существовавшие здесь молдавские или ногайские топонимы¹².

В настоящее время на территории Молдавии гагаузы живут более компактно в 32 селах. Эти села в географическом отношении образуют узкую полосу, вытянувшуюся с северо-востока на юго-запад на расстояние немногим превышающее 100 км.

Самым северным гагаузским селом Молдавии является *Баурчи* (гаг. *Ени-Баурчи*) Каушанского района, а самым южным — *Чишмикей* Вулканештского района МССР. В список гагаузских сел Молдавии входят¹³: *Авдарма* (Б.), *Александровка* (Ч.), *Баурчи* (К.), *Баурчи* (Ч.-Л.), *Бешалма* (Ко.), *Бешгёз* (Ч.-Л.), *Буджак* (Ко.), *Бурлачены* (В.), *Вулканешты*, *Гайдар* (Ч.-Л.), *Дизгинжи* (Ко.), *Дерменжи* (Ка.), *Джолтай* (Ч.-Л.), *Етулия* (В.), *Казаклия* (Ч.-Л.), *Карабибер* (Б.), *Карбалия* (Ка.), *Кириет-Лунга* (Б.), *Кирсозо* (Ко.), *Комрат*, *Конгаз* (Ко.), *Конгазчик Верхний* (Ко.), *Конгазчик Нижний* (Ко.), *Копчак* (Т.), *Котовское* (Ко.), *Николаевка* (В.), *Питешты* (Л.), *Томай* (Ч.-Л.), *Чалык* (Т.), *Чадыр-Лунга*, *Чишмикей* (В.), *Чок-Майдан* (Б.).¹⁴

Гагаузы на территории Молдавии наиболее компактно расселены в Вулканештском (гагаузов — 30,8%, молдаван — 49,7%, украинцев — 7,5%), Комратском (гагаузов — 55,0% молдаван — 29,2%, болгар — 5,6%) и Чадыр-Лунгском (гагаузов — 53,7%, молдаван — 5,0%, болгар — 29,8%, русских — 6,0%) районах¹⁵.

Отдельными группами и семьями гагаузы живут и в населенных пунктах: *Бессарабка, Вишневка, Гаваноаса, Самурза, Софиевка*, а также в населенных пунктах при железнодорожных станциях: *Вулканешты, Гречены, Етулия*, расположенных на юге Молдавской ССР.

Из приведенных 32 названий сел гагаузскими являются лишь *Дерменжи* и *Конгазчик* (Верхний и Нижний). Название Дерменжи произошло от имен двух братьев-гагаузов, поселившихся на землях бывшего молдавского землевладельца Каприца (о нем напоминают названия редника и поля: *Каприца* и *Каприца чбишеси*)¹⁶. *Конгазчик Нижний* основан в 1902 году девятью гагаузскими семьями из с. Конгаз на землях, принадлежащих сельской общине. Позднее в 1920 году выходцами из села Конгаз был основан и *Конгазчик Верхний*¹⁷. Образование этих сел было связано с перенаселенностью некоторых сел Молдавии¹⁸.

В конце XIX — начале XX века гагаузским населением Молдавии было создано еще несколько новых поселков (*Александровка, Баурчи* — в Каушанском районе, *Буджак, Карабибер, Котовское, Николаевка, Питешты, Чалык*), однако их названия восходят к некоторым местным микротопонимам и антропонимам или повторяют названия ранее известных гагаузских селений.

Село *Александровка* было основано в 1924 году на землях молдавского помещика из села Ченак Александру Русу выходцами из села *Бешиалма* (*Александровка* вначале именовалось молдавскими жителями села *Ченак* — *Александрешть* < *Александру*). Село Баурчи Каушанского района также основано в 1924 году выходцами из села Баурчи Чадыр-Лунгского района. *Буджак* — это возникший в 1978 году населенный пункт при центральной усадьбе совхоза-завода «Буджак». Его жители в основном гагаузы.

Село *Карабибер* основано в 1929 году жителями из села Чок-Майдан; его название восходит к имени владельца — болгарина Карабибера.

Населенный пункт *Кырланены* (переименован в 1950 году в Котовское). Молдавские варианты этого названия образованы с помощью топонимического суффикса *-ень*: *Кырлэнь*//*Кырлэнешть* (гаг. *Кырлэнен*//*Кырланнар*) основан в 1924 году жителями из села Конгаз¹⁹; его название восходит к имени молдавского землевладельца Иона Кырлана.

Николаевка упоминается в исторических документах впервые в 1880 году, основана гагаузами, вернувшимися из Крымской области, куда они выехали в первой половине XIX века²⁰, поэтому село и известно молдавскому и гагаузскому населению под названиями: молдавского *Кримень* и гагаузского *Кырымжи, Кырымжилар*²¹.

Название *Николаевка* видимо было дано царской администрацией в честь царя Николая. В настоящее время в этом селе гагаузы составляют немногим более 30%.

Название села *Питешты* образовано при помощи молдавского топонимического суффикса *-ешть*. Основанием для образования данного названия послужило прозвище семейства первых гагаузских поселенцев из села Дизгинжи — *Питеш/Питиш* (фамильное имя Кыналы). Село основано в 1933 году²². Топоним *Чалык* А. Еремией отнесен к названиям гагаузского происхождения (<гаг. *чалык* 'терновник')²³, однако это предположение не является окончательным, так как неизвестно время

основания села. Это село в некоторых молдавских говорах юга Бессарабии (говор с. Утконосовка) называется *Ажялык*, при этом среди молдаван известен антропоним *Чалык*||*Чалыку*, для обозначения же терновника гагаузами используется апеллатив *чалылык*. В данном селе проживают 50% гагаузов, 15% молдаван и 20% болгар.

Таким образом, общее количество гагаузских сел Молдавии (32) составляют 1,92% от общего количества населенных пунктов республики (1662)²⁴ треть из них (11) — вновь созданные (в конце XIX — начале XX века) гагаузами поселения. Население части из них с начала XX века постепенно убывает. Примером могут служить села: Александровка, Карабибер, Питешты, в которых не строятся объекты культурно-бытового назначения, а их жители постепенно переселяются в близлежащие селения. В настоящее время быстрее всего развиваются старые гагаузские села с их первичными названиями, большинство которых восходит к тюркским апеллативам или к родоплеменным названиям ногайцев²⁵.

Остановимся на уточнении происхождения некоторых названий, которые ранее были отнесены к разряду топонимов с «неизвестной» этимологией.

Речь идет о таких топонимах, как: *Авдарма*, *Батурчи*, *Бешалма*, *Бешгёз*, *Дизгинжи* *Джолтай/Джалтай*, *Етулия*, *Карбалия*, *Кирсово*, *Чадыр-Лунга*, *Чишмикёй*, *Чок-Майдан*.

Авдарма восходит к тюркско-кыпчакскому апеллативу *аўдарма* 'обвал', 'провал'. С названиями родо-племенной организации ногайцев Буджака связаны топонимы: *Бешалма*, *Джалтай*, *Етулия*, *Карбалия*, *Карлык*, ранее относившиеся к разряду молдавских топонимов неизвестного происхождения²⁶. Указанные топонимы в той или иной мере повторяют (с определенными фонетическими и морфологическими изменениями, присущими ногайскому, молдавскому и гагаузскому языкам)²⁷ названия следующих племенных подразделений буджакских ногайцев: *Baydinuli Besalma* (*Байдынулы Бесалма*), *Gagiltay* (*Жагылтай*), *Ители*, *Карабағлы*, *Карлык*²⁸.

На наш взгляд, *Бешгёз* и *Чок-Майдан* не являются чисто гагаузскими топонимическими образованиями, как утверждает А. Еремия²⁹. Это ногайские названия, перенесенные гагаузами на современные населенные пункты еще в первой половине XIX века³⁰.

Дезгинже/Дезгинжя (гаг. и молд. *Дизгинжи*) и *Томай* являются антропонимами соответственно тюркского и молдавского происхождения³¹. Название гагаузского села *Томай* Чадыр-Лунгского района восходит к названию села Томай Леовского района МССР³².

Топоним *Кирсово* восходит к названию реки Кырсэу/Кирсау, которая является правым притоком реки Ялпуг. Ногайское название реки — *Карасу* в молдавском языке перешло в *Кырсэу*, позднее *Кырсоу/Кирсэу* стало русским канцеляризмом Кирсов/Кирсово.

Чадыр-Лунга также воспроизводит наименование молдавского села Чадыр Леовского района МССР, откуда гагаузы переселились в начале XIX века. Первая часть топонима в своей основе является тюркско-ногайской (*çadug* 'шатер'). Тюркский топоформант *çadug* участвует в образовании многих тюркских топонимов и гидронимов. Ср.: *Чатырдаг* — гора на южном побережье Крыма, *Чатырташ* — город в Киргизии, *Чатыркель* — озеро в Киргизии, *Чатырлык* — река и балка в Крымской области и др.³³ Вторая часть топонима восходит к молдавскому названию реки Лунга (молд. *лунга* 'длинная'), на которой расположен город Чадыр-Лунга, основанный на месте бывших селений:

ногайского Аран-Юрдо³⁴ и молдавского Тирашполь, упоминаемых в исторических документах еще в 1541 году³⁵.

Что касается топонима *Чишмикей*, необходимо отметить, что он также не может считаться гагаузским, так как в 1752—1754 годах группа гагаузских крестьян (под именем болгар)³⁶ пыталась обосноваться в пределах Польши, но, не устроившись там, перешла на юг Украины и поселилась на землях, выделенных для сербского гусарского полка у реки Синюхи. Позднее часть этой группы гагаузов (около 70 семейств) перешла в Бессарабию и осела на месте ногайского селения *Чишмикей*³⁷.

Среди гагаузов до сих пор бытует множество легенд, связанных с происхождением наименований населенных пунктов юга республики. Так, название *Комрат* связывается с легендой о татарском бее и его гнедой лошади *көмүр ат*; *Дизгинжи* — с названием военизированной татарской игры *дезгинжа*; *Бешалма* — с близостью татарского колодца *татар пунары*, около которого росло «пять яблонь» и т. д.³⁸

Однако эти легенды отражают лишь народную этимологию и не всегда соответствуют истине.

Относительно топонима *Бешалма* следует сказать, что связь этого названия с ногайским этнонимом прослеживается не только в сходстве с генеонимом добруджских ногайцев *Байдынуды Бесалма*³⁹, но и в древних тюркских народных сказаниях. Так, согласно сказаниям, Чингис-хан дал каждому из беков (предводителей родов, вошедших в возглавляемый им союз) тамгу (то есть особый письменный знак в виде черточек, кружочков и т. п., которым метилась собственность рода), птицу, дерево и клич (уран)⁴⁰.

Так, род Кункрат (Кунград) получил дерево яблоню (*алма*), птицу сокола, клич Кункрат, тамгу месяц (круг); род Уйшунь получил дерево вяз, птицу орла, клич Салават, тамгу «сурку»⁴¹. Таким образом, можно полагать, что название селения *Бешалма* (<*Байдынуды Бесалма*), расположенного в 17 км от Комрата, является этнонимом означавшим племенное подразделение ногайцев Буджака, образовавшееся в результате разложения родового строя ногайцев, расчленения крупного тюркского племенного (родового) объединения *конграт/кэонгырат урув*. Этот генеоним встречается в прошлом у большинства тюркских и монгольских народов (казахов, каракалпаков, ногайцев, узбеков, монголов и др.)⁴².

Необходимо отметить и тот факт, что в первые десятилетия XIX века часть гагаузских сел была известна под иными названиями.

Так, на упомянутой карте Ф. Г. Бауэра село *Казаклия* Чадыр-Лунгского района не отмечено, но селение со схожим названием *Казаяклы* отмечено на реке Сарата, близ современного села Кызлар Леовского района МССР. Это название в настоящее время в Леовском районе не сохранилось. С другой стороны, в исторических документах этого времени часто упоминается название села *Бешиюз* наряду с такими названиями, как *Гайдар*, *Томай*, *Баурчи*, *Конгаз* и другими, жители которых в начале XIX века содержали варшавских колонистов.⁴³ Название села *Бешиюз* (Бендерского цинута) в настоящее время забыто, однако нами в ходе полевых поездок установлено, что в 5 км к западу от современного села *Казаклия* Чадыр-Лунгского района существует поле под названием *Бешиюз*; самим жителям села происхождение названия неизвестно.

Мы предполагаем, что в начале XIX века часть гагаузских переселенцев проживала в бывшем ногайском селении *Бешиюз*. Впоследствии, по неизвестным причинам, они переехали в селение, именуемое ныне *Казаклия*. Возможно, что предки жителей современного села *Казаклия*

(гаг. *Казаяклы*) переселились сюда в начале XIX века из села Казаяклы, некогда расположенного на реке Сарата, и дали название *Казаклия/Казаяклы* вновь основанному селу, расположенному поблизости от бывшего ногайского селения *Бешиюз*.

Интерес представляет и второе название села Бешгёз — *Копкуй/Купкуй*. Сами жители села Бешгёз называют себя только *купкуйлы* и никогда *бешгёзлы*.

В Леовском районе МССР существует село под названием *Купкуй*, которое А. Еремией отнесено к разряду топонимов с неясной этимологией⁴⁴.

Факт совместного проживания гагаузов в начале XIX века с молдаванами в селе Купкуй Леовского района засвидетельствован исторически.

Так, в 1816 году в селе Купкуй Леовского района проживали 64 семьи «старых» и 2 семьи «новых» гагаузов⁴⁵, которые в 1817 г. начали переселяться на казенные земли в Буджакские степи. В одном из исторических документов того времени⁴⁶ говорится: «Задунайские переселенцы, жительствующие в селениях: Менжире, Томае, Чадыре, Ораке, Копкуе, поселившиеся в оных перед началом с турками войны, в противность распоряжения начальства (курсив наш. — И. Д.), разбирая дома свои и постройки, переселяются на казенную землю».

К 1827 году большинство гагаузских переселенцев перешло с владельческих земель на казенные. Топоним *Купкуй/Копкуй*⁴⁷ является ногайским по своему происхождению и связан с тюркским географическим апеллятивом *купкуйу/копкуйу*, в свою очередь образованным от двух тюркских лексем — общетюркского *kör/kor*⁴⁸ 'много' и ногайского *куйы* 'колодец', то есть *копкуйы/купкуйы* 'много колодцев'.

На территории Молдавии также известны селения *Акуй* и *Каракуй*, восходящие к ногайским сложным апеллятивам *аккуйы* 'белый колодец', *каракуйы* 'черный колодец'. Оба апеллятива однако имеют иное смысловое значение: *аккуйы* 'колодец с чистой водой', *каракуйы* 'колодец с грязной водой', 'заброшенный или иссякший колодец'⁴⁹.

В прошлом на территории бывшего Крымского татарского ханства были известны селения под названиями *Ак-Кую* и *Кара-Кую*⁵⁰, а на юго-западе территории сегодняшней Херсонской области в прошлом была известна долина под названием *Копкую*, которое Эвлией Челеби толковалось как «местность, где много колодцев»⁵¹.

Отметим и тот факт, что до сих пор не решен вопрос о точном датировании большинства гагаузских поселений на территории Молдавии. Выше указывалось, что впервые ряд названий гагаузских селений был зарегистрирован на карте Ф. Г. Бауэра, однако можно говорить и о более раннем основании некоторых селений, в которых позже поселились гагаузы. Так, например, об образовании селений Комрат и Баурчи (на территории Молдавии) свидетельствует не только название с. Баурчи, бывшего Греченского цинута Молдавии (населенного молдаванами), в котором к 1772 году было 27 дворов, но и молдавские названия: антропоним *Коморэцан* и катойконим *баурчиан*, впервые зарегистрированные в 1772—1773 годах во время переписи населения Молдавии⁵², которые дают нам право считать, что названия Комрат и Баурчи возникли лет на двадцать-тридцать ранее 1770—1772 гг. Антропоним и катойконим *Коморэцан* и *баурчиан* можно отнести к так называемым топонимическим косвенным доказательствам давности образования указанных названий (*Коморэцан* < *коморэцан* 'комратчанин', *баурчиан* 'баурчиец').

Таким образом, анализ наименований гагаузских сел Молдавии показывает, что из 32 официальных названий (см. приведенный выше список) 9 восходят к тюркско-ногайским этнотопонимам (*Бешалма*,

Джолтай/Джалтай, Етулия, Казаклия, Карбалия, Кириет (-Лунга), Комрат, Конгаз, Копчак/Кыпчак); 10 — к антропонимам молдавского, ногайского, русского и гагаузского происхождения [Александровка/Александрень, Вулканешты, Гайдар, Дизгинжи, Дерменжи, Карабибер, Котовское (Кырлэнь/Кырланнар), Николаевка (Кримень/Кырым-жи), Питешты и Томай]; 5 — связаны с тюркскими (или, в более узком смысле, с ногайскими) географическими апеллятивами и гидронимами [Авдарма, Бешгёз (Купкүй), Кирсово (Башкюй), Чишмикёй, Чок-Майдач]; 3 — являются вторичными топонимами [Баурчи (К.), Бурлачены, Чадыр-Лунга]; 1 — Буджак, связан с макротопонимом Буджак; 2 — диминутивные топонимы (Конгазчик Верхний и Конгазчик Нижний); 1 — связан с тюркским апеллятивом баурчи//баурши 'колбасник', 'человек, ведающий ханским столом' <тюрк. баур/байыр 'печень', 'внутренности' + -чи—аффикс профессии [Баурчи (Ч.-Л.)]; 1 — Чалык, является топонимом с неуточненным происхождением. Возможно, Чалык <тюрк.-гаг. чалык <чалылык 'заросли терна' или турецк. çalılık 'кустарниковая чаща'.

Таблица

Названия гагаузских сел Молдавии тюркского этнонимического происхождения

Топоним	Генеоним, этноним	Тюркский народ (или этнографическая группа), у которого отмечен данный генеоним или этноним
Бешалма	байдынулы бесалма	ДН ¹
Бешюз, бывшее гагаузское село	бешжюз/бешюз	у узбеков-юзов ²
Джолтай (гаг. Жалтай)	жагылтай/жагалтай	ДН, каракалпакское племя кыпшак
Етулия/Итулия	ители	КН ³
Казаклия	казайаклы	ДН, КН
Карбалия	карабағлы	тюркское племя ⁴
Карлык (Чок-Майдан)	карлык	у древних огузов, у туркмен и узбеков ⁵
Кириет (-Лунга)	кирейт	АН
Комрат	конъырат/конграт	АН, ДН, КН
Конгаз	конгаз	ДН ⁶
Копчак (Кыпчак)	кыпшак	АН, КН

Примечания к таблице:

¹ ДН — добруджские ногайцы; АН — акногайцы; КН — караногайцы.

² У. Туйчиев. Указ. раб., стр. 37, 42.

³ Подробнее об этнониме ители см.: К. И. Петров. Тюркские средневековые этнонимы от числительного семь. — В кн.: «Ономастика Средней Азии». Выпуск 2, Фрунзе, 1980, стр. 149—157.

⁴ Кочующее племя карабағлы аттестовано в XVII—XIX вв. на территории Турции. Подробнее об этом см.: Д. Е. Еремеев. К семантике тюркской этнонимии. — В кн.: «Этнонимы». М., 1970, стр. 140.

⁵ Х. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976, стр. 23—25; Д. Е. Еремеев. Указ. раб., стр. 140.

⁶ Топоним Конгаз восходит непосредственно к ногайскому генеониму конгаз, а не к кенгес/кенегес, как это указано у А. Еремия в упомянутой работе (стр. 108).

Среди перечисленных топонимов имеются и двуязычные — ногайско-молдавские: *Кириет-Лунга* и *Чадыр-Лунга*. В то же время часть топонимов, причисленных к различным топонимическим подгруппам, можно отнести и к топонимам вторичного происхождения: *Курсово/Башкой*, *Бешигёз/Купкуй*, *Чок-Майдан*, *Томай*.

Сложную картину представляют топонимы данного региона и их варианты в отношении распределения их по суффиксальным, топоформантным и антропонимическим образованиям.

Для большей наглядности происхождения этнопонимов рассматриваемого региона считаем нужным привести (для сравнения) названия тех племенных подразделений, к которым восходит часть из перечисленных топонимов (см. таблицу на стр. 47).

В заключение необходимо отметить, что изучение топонимии гагаузского региона Молдавии значительно пополнит сведения в этой области, что позволит полнее изучить развитие этнических образований юга Молдавии, историю гагаузского народа (период его стабилизации в Буджаке) и тюркско-восточнороманские взаимосвязи в данном регионе.

¹ До 1812 года Молдавия была самостоятельным феодальным государством, включившим в себя кроме нынешней ее территории между реками Прут и Днестр, также часть территории Черновицкой области, так называемую Буковину, территорию Одесской области к западу от реки Днестр, а также Запрутскую Молдову. В 1812 г. территория Молдавского феодального государства к востоку от реки Прут была включена в состав Российской империи. Позже на части этой территории была образована Молдавская ССР. В данной статье далее будут употребляться названия: Бессарабия (Пруто-Днестровское междуречье), Буджак (историческая область на юге Молдавии) и Молдавия (современная территория Молдавской ССР).

² А. Еремия. Нуме де локалитэць. Кишинэу, 1970, стр. 216. Возможно, что некоторые топонимы, отнесенные А. Еремией к топснимам с неизвестной этимологией, являются тюркскими по своему происхождению, ср.: *Авдарма*, *Алава*, *Алакай*, *Алуату*, *Делакэу*, *Ермоклия*, *Катранык*, *Кашкалия*, *Кызлар*, *Сукляя*, *Тэнэтарь*, *Харагыш*, *Чобалакчия* и др.

³ В. С. Зеленчук. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX веке. Кишинев, 1979, стр. 35, 42.

⁴ «Молдавская ССР. Административно-территориальное деление». Кишинев, 1978, стр. 121. Возможно, что на ранней стадии формирования молдавского языка печенеги восточнороманскому населению были известны под именем *бешен* (-ь). Это имя встречается и в старых венгерских хрониках. Подробнее об этом названии см.: В. Миков. Происход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. София, 1943, стр. 150. В пользу идентичности названий *печенеги-бешен* (-ь) говорит и название дрезнетюркского племени *Ит-бечене* (А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази Хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 74). Ср. и название макротопонима из старых венгерских хроник *Sylva Blakorum et Bisselorum* (Лес Влахов и Печенегов), локализованного на юге Трансильвании и датированного 1224 годом. (Documente privind istoria României. C. Vol. I, Bucureşti, 1951, стр. 209).

⁵ Подробнее о печенежских и куманских топонимах и гидронимах на территории Молдавии см.: I. Conea, I. Donat. Contribution à l'étude de la toponymie, péchéneque-comane de la Plaine Romaine du Bas-Danube. — В кн.: «Contributions onomastiques», Bucarest, 1958, стр. 143—152.

⁶ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940; его же. Родо-племенные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии. — В кн. «Топонимика Востока», М., 1964; *Enver Mamut*. Nogaii dobrogeni şi dialectul lor. — «Analele Universităţii din Bucureşti. Seria ştiinţe sociale». Anul XIII, 1964, стр. 325—327.

⁷ «История РСС Молдовенешть» Кишинэу, 1957, стр. 403. Тюркоязычные народности юга Бессарабии в XVI — начале XIX века в большинстве своем были представлены именно ногайскими этническими элементами, однако у молдаван в указанный период представители всех тюркоязычных народов Буджака именовались татарами.

⁸ До переселения в Южную Бессарабию гагаузы жили в северо-восточной части Балканского полуострова в области «узи-санджак», то есть в области узов (М. Губоголо. Гагаузы. — «Наука и жизнь», 1969, № 10, стр. 103).

⁹ По данным Всесоюзной переписи населения, проведенной в СССР в 1979 году, на территории Молдавии к 17 января 1979 года проживало 138000 гагаузов («Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года». М., 1980).

¹⁰ К началу XIX века у буджакских ногайцев завершался процесс перехода к оседлому образу жизни (И. В. Дрон. Комрат — этнопоним ногайского происхождения. — «Советская тюркология», 1981. № 1). Мнение некоторых исследователей о том, что до начала XIX века ногайцы Буджака являлись исключительно кочевниками, несостоятельно.

¹¹ М. В. Маруневич. Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX — начале XX в. Кишинев, 1980, стр. 17.

¹² А. Еремия. Указ. раб., стр. 46—49.

¹³ Для названий некоторых районов Южной Молдавии нами условно приняты следующие сокращения: Б. — Бессарабский, В. — Вулканештский, К. — Каушанский, Ка. — Кагульский, Ко. — Комратский, Л. — Леовский, Т. — Тараклийский, Ч. — Чимишлийский, Ч.-Л. — Чадыр-Лунгский.

¹⁴ Некоторые села известны гагазускому и окружающему населению (молдаванам, болгарам и т. д.) и под другими названиями. Ср.: Александровка — Александрешть, Александр-чел-Бун; Бешигез — Купкуй; Кирсово — Башкой, Башкэй; Комрат — Комморат; Копчак — Кыпчак; Котовское — Кырланнар, Кырлэнень, Кырлэнешть; Николаевка — Кырымжи, Кримень; Питешты — Питишоая; Чок-Майдан — Карлык. Данные о названиях приведены из полевых записей автора. Название Башкэй/Башкой дано селу Кирсово предками нынешних жителей села, которые в начале XIX века переселились из с. Башко (ныне Жеравна), расположенного в окрестностях города Котел в НРБ (Л. В. Маркова. Типы болгарского жилища в Днестровско-Прутском междуречье. — В кн.: «Этнография и искусство Молдавии». Кишинев, 1972, стр. 67). При этом отметим, что в селениях: Бурлачены, Дерменжи, Кирсово, Николаевка, Питешты и Чалык гагаузское население составляет от 30% до 63%, во всех остальных селениях абсолютное большинство жителей — гагаузы.

¹⁵ М. Н. Губогло. Развитие двуязычия в Молдавской ССР. Кишинев, 1979, стр. 74.

¹⁶ «Гагаузо-руско-молдавский словарь». М., 1973, стр. 600 (Далее ГРМС).

¹⁷ «Энциклопедия Советикэ Молдовеняскэ». Волумул III. Кишинев, 1972, стр. 371—372 (Далее ЕСМ).

¹⁸ М. В. Маруневич. Указ. раб., стр. 37—38.

¹⁹ Выходцами из села Конгаз в первой трети XX века были основаны три новых населенных пункта: Конгазчик Нижний (1902), Конгазчик Верхний (1920), Кырланены (1924).

²⁰ Известно, что в 1829 году группа гагаузов и болгар была переселена царским правительством в Крым (И. Мещеряков. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828—1834 гг. Кишинев, 1965, стр. 71).

²¹ В середине XIX века часть гагаузов, болгар и молдаван Бессарабии вследствие экономических трудностей переселилась в Крым, где они основали несколько поселений с названиями идентичными тем поселениям Молдавии, откуда они выехали, то есть: Балбок, Болград, Бораган, Волканешты, Гирсовка, Этулия, возможно — Дерменджи и Товмай («Список населенных мест Российской Империи». ХLI. Таврическая губерния. Санкт-Петербург, 1865). В Крым переселялись гагаузы и из других селений Бессарабии. Позже основная масса переселенцев вернулась обратно. В некоторых гагаузских селах и в настоящее время можно встретить людей с прозвищами Кырымжи. Например, Кырымжи является прозвищем семейства Панайотовых, жителей села Дмитровка Болградского района Одесской области (Информация представлена автору сотрудником Академии наук МССР С. С. Курогло, за что автор статьи приносит ему свою благодарность). Как фамильное имя у гагаузов Кырым приведено и в гагаузском словаре (ГРМС, стр. 608).

²² А. Еремия название с. Питешты связывает с названием известного румынского города Питешть (А. Еремия, Указ. раб., стр. 123), однако в действительности между этими названиями не существует прямой этимологической связи. Возможно, что название румынского города Питешты послужило лишь в качестве образца для данного названия.

²³ А. Еремия. Указ. раб., стр. 157.

²⁴ «Молдавская ССР. Административное деление», стр. 5.

²⁵ Топонимический анализ некоторых названий гагаузских сел Молдавии дан в указанных работах А. Еремия и Н. А. Баскакова.

²⁶ А. Еремия. Указ. раб., стр. 12, 126—127.

²⁷ Подробнее о происхождении перечисленных выше топонимов «неизвестного происхождения» см.: Ион Дрон. Обсерваций ши прецизэрь асупра унор топониме де орижине турчикэ дин судул Молдовей. — В журн.: «Лимба ши литература молдовеняскэ» (в печати).

²⁸ Часть из перечисленных племенных названий ногайцев бытует в настоящее время у ногайцев Добруджи. См.: *Enver Mamut*. Указ. раб., стр. 325—327.

²⁹ А. Еремия. Указ. раб., стр. 39.

³⁰ По этому поводу в «Статистическом описании Бессарабии собственно так называемой, или Буджака» (Аккерман, 1899, стр. 425 и 444) написано: «Колония Безгіозь

существовала прежде на даче колонии Кирсоу, но по невыгодности местоположения перешла в 1821 году на речку Лунгу»; «Название Чокъ-Майданъ потому, что поселяне сей колонии жили прежде в урочище Чокъ-Майданъ на речке Кирсау, но переселились потому, что близки были к владельческим землям» — это переселение также произошло в 1821 году.

³¹ Подробнее об этом см.: *Ион Дрон. Обсерваций ши причизэрь...*

³² Факт проживания гагаузов в начале XIX века в селе Томай Леовского района МССР подтверждается историческими документами. Так, к 1816 году в молдавском селе Томай Леовского района оставались непереселенными на казенные земли 8 семей гагаузов («История Молдавии. Документы и материалы». Том II, Кишинев, 1957, стр. 377; *М. В. Маруневич. Указ. раб.*, стр. 17). С другой стороны, на карте Ф. Г. Бауэра, составленной в 1769—1770 годах (*F. G. Bauer. Carte de la Moldavie pour servir à l'histoire militaire de la guerre entre les Russes et les Turcs. Amsterdam, 1783*) с. Томай Чадыр-Лунгского района не отмечено, а основание села Томай Леовского района МССР отнесено ко времени до 1694 года (ЕСМ, VI, стр. 418). Неверно выделение Л. А. Покровской дифтонга *-ай* в топониме *Томай* (*Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 39*), так как данный топоним не является гагаузским лексическим образованием.

³³ «Малый Атлас СССР». М., 1975, стр. 86. Словник гідронімів України. Київ, 1979, стр. 601.

³⁴ «Статистическое описание Бессарабии», стр. 442.

³⁵ ЕСМ, VII, стр. 291.

³⁶ До 1897 года в официальных документах не делалось различий между болгарями и гагаузами — гагаузов причисляли к болгарам (*В. С. Зеленчук. Указ. раб.*, стр. 14). *Чишмикей* во всех справочниках, в печати, на разных вывесках в русской транскрипции обычно пишется *Чишмикиой*, то есть тюркское *-кюй* передают посредством русского *-кой*, что является искажением указанного топониманта тюркского происхождения (<*кюй*-*коу* 'деревня', 'село', 'селение'). Топонимант *-кюй/-коу* (в топонимах на территории Молдавии) является турецким по своему происхождению. Об этом подробнее см.: *Ion Penişoară. Elemente turceşti în toponimia unei zone din judeţul Constanţa*. — В журн.: «*Limba română*», 1981, № 5. Подобная же ошибка допускается и при транскрипции молдавских топонимов также тюркского происхождения типа: *Еникей, Хаджикей*. Правильное название указанных топонимов на русском языке должно быть написано через *-кей* (молд.-*кюй*, гаг.-*кюй*), то есть *Еникей, Хаджикей, Чишмикей* и т. д. Вопросы русской транскрипции топонимов тюркского и молдавского происхождения окончательно еще не разрешены.

³⁷ В исторических документах конца XVIII века селение *Чишмикей* упоминается как «татарское селение» (*D. N. Mincev. Bulgarii din Basarabia de sud. Constanţa, 1938, стр. 9*).

³⁸ *М. В. Маруневич. Указ. раб.*, стр. 158. Здесь весьма уместно напомнить, что в фольклоре гагаузов имя «нзнаец» не встречается. Это имя сохранилось только в молдавских антропонимах на юге республики: *Ногай, Нокай, Нугай, Нукай* (*А. Еремия, М. Косничану. Личные имена. Кишинев, 1974, стр. 107; «Провербе ши зикэторь». Кишинэу, 1981, стр. 308*).

³⁹ Чередование звуков *s/š* в тюркских языках является обычным явлением. Подробнее об этом см.: *Э. Р. Тенишев. Перебой s/š в тюркских рунических памятниках*. — В кн.: «Структура и история языков», М., 1971, стр. 292.

⁴⁰ Родовой клич (уран) — слово, служившее объединению рода, особенно в бою или во время подготовки к нему.

⁴¹ *А. В. Суперанская. Групповые обозначения людей в лексической системе языка*. — В кн.: «Имя нарицательное и собственное». М., 1978, стр. 70. Подтверждением этнического происхождения топонима *Бешалма* являются существующие в настоящее время тюркские этнонимы с компонентом *Беш* — *Бешкуби, Бешжуз/Бешюз, Бешкал* и др. (*У. Туйчиев. Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района*. — В кн.: «Ономастика Средней Азии», выпуск 2, Фрунзе, 1980, стр. 42) и тюркского этнонима *алма* (*Е. Койчубаев. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974, стр. 32*). Одновременно отметим, что происхождение родового атрибута *алма* 'яблоны' племени Кункрат (Кунград), по нашему мнению, восходит к культу дерева (к тотему), известному в истории многих тюркских и Северо-Кавказских народов (*С. Я. Байчоров. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани*. — В кн.: «Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков». Черкесск, 1978, стр. 117).

⁴² *С. Ш. Гаджиева. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX — начала XX века. М., 1979, стр. 59; Н. А. Баскаков. Указ. раб.*, стр. 40; *Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.—Л., 1950, стр. 51; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*. — В кн.: «Живая старина», 1896, т. 6, вып. 3—4.

⁴³ «История Молдавии. Документы и материалы». стр. 297, 303. Название *Бешюз* восходит к тюркскому этнониму *Бешюз/Бешжуз* (см. выше примеч. 41).

⁴⁴ А. Еремия. Указ. раб., стр. 126.

⁴⁵ М. В. Маруневич. Указ. раб., стр. 17.

⁴⁶ «История Молдавии. Документы и материалы», стр. 358, 377.

⁴⁷ В. А. Мошковым упоминается название *Копкуй* для обозначения села Бешгёз, само же название *Бешгёз* им не употреблялось. В топонимическом (и этнографическом) отношении им допущен ряд неточностей: названия *Чок-Майдан* и *Карлык* приписаны двум населенным пунктам; он также считал, что село Валя-Пержей населяют гагаузы, болгары и др. (В. А. Мошков. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы. — В кн.: «Этнографическое обозрение», XLVIII, М., 1901, № 1, стр. 7). В действительности же с. Валя-Пержей Чадыр-Лунгского района МССР населяют молдаване и болгары.

⁴⁸ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 317, 456, 466.

⁴⁹ Лексема *куйы* 'колодец' отмечена в словарях ногайского и каракалпакского языков. Ногайский и каракалпакский языки относятся к кыпчакско-ногайскому ареалу языков, куда входит еще и казахский (Н. А. Баскаков. Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 5). Подробнее о семантике лексем *ак* и *кара* в тюркских языках см.: В. Н. Попова. О некоторых гидронимах Павлодарской области. — В кн.: «Языки и топонимия Сибири», т. I, Томск, 1966, стр. 20.

⁵⁰ Список населенных мест Российской Империи. XLI. Таврическая губерния. Санкт-Петербург, 1865.

⁵¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из путешествия турецкого путешественника XVII в.). Перевод и комментарии, Выпуск I. Земли Молдавии и Украины. М., 1961, стр. 199—200.

⁵² «Молдова ын епока феудализмулуй». Волумул VII. Партя I, 160, 260; Партя II, 96; «Реченсэминтеле популяцией Молдовой дин аний 1772—1773 ши 1774», Кишинэу, 1975.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Д. М. НАСИЛОВ

О. Н. БЁТЛИНГК КАК ТЮРКОЛОГ-КОМПАРАТИВИСТ

«История тюркской компаративистики начинается со второй половины прошлого столетия. Ее первые шаги были связаны с деятельностью О. Бётлингга, В. В. Радлова и В. Томсена»¹. Труды академика О. Н. Бётлингга, чье имя названо среди первых имен ученых — представителей нового направления в лингвистической науке, ознаменовали собой начало глубокого теоретического подхода к изучению грамматики тюркских языков. По своей значимости и фундаментальности разработки проблем они заняли в общем языкознании достойное место и намного опередили достижения тогдашней зарубежной тюркологии.

О. Н. Бётлингк — крупнейший специалист по санскритскому языку, автор многотомного санскритского словаря, издатель текстов и их комментатор, один из первых интерпретаторов грамматического «Восьмикнижия» Панини, составитель трех сборников индийских сентенций — вошел в историю отечественной и мировой тюркологии как создатель капитального основополагающего исследования по якутскому языку «Über die Sprache der Jakuten» («О языке якутов»)². Это — первая научная грамматика якутского языка, созданная на основе изучения текстов и работы с информантом. Интересен сам по себе феномен появления грамматики, когда ученый, ранее не занимавшийся специально тюркскими языками, создает классическое описание языка, до сих пор поражающее своей точностью и глубиной проникновения в язык. Этот труд был высоко оценен еще при жизни ученого. «„Якутская грамматика“, видимо, лучшее синхронное описание, которое мы имеем для неиндоевропейского языка. Работу называли недавно книгой будущего, так как она своим методом может служить примером и образцом. Уже сегодня она благодаря своему простому, совершенно объективному и совершенно абстрагированному от схем индоевропейской грамматики изложению имеет большое значение для исследований по общему языкознанию и

¹ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 3.

² О. Böhltingk. Über die Sprache der Jakuten. Th. 1—2. — In: A. Th. Middendorff. Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens Während der Jahre 1843 und 1844... III. Bd. St.-Pbg., 1851; то же. Отдельным изданием и с иной пагинацией частей, СПб., 1851 (Besonderer Abdruck des III. Bandes von Dr. A. Th. Middendorff's Reise...); то же. Фототипическое издание, Wiesbaden, 1970; О. [Н.] Бётлингк. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — «Ученые записки I и III отделения императорской Академии наук», т. I, вып. 4, 1853, стр. 377—446 (перевод Введения к сочинению).

языковой типологии»³. Так же высоко оценили «Грамматику» и нынешние ученые: «Чем бы не занимался современный специалист по якутскому языку, он не может обойти Бётлингка, не рискуя открыть уже „открытую Америку“»⁴. Эти слова — дань высокой лингвистической эрудиции автора, его тонкому языковому чутью и выдающимся лингвистическим способностям.

Оттон Николаевич Бётлингк (Otto Böhtlingk) родился в Петербурге 30 мая (11 апреля) 1815 года в купеческой семье, которая обосновалась в России в начале XVIII века (около 1713 г.), переселившись из Любека⁵. Среднее образование он получил в Петербурге и в Дерпте. В 1833 году поступил в Санкт-Петербургский университет. Здесь он изучал арабский, турецкий и персидский языки, а затем и санскрит.

Кафедру арабской словесности в то время занимал О. И. Сенковский, признанный знаток арабского, турецкого, а также персидского языков, великолепно освоивший их за время путешествия по странам Востока. «В арабском и турецком языках, которые преподавал Сенковский в университете, приобрел он такие сведения, что, заставь его судьба действовать не в России, а на мусульманском Востоке, он был бы в состоянии произвести в арабской и оттоманской словесности точно такой же переворот, какой им был сделан позже в русской», — писал В. В. Григорьев, его ученик, позднее известный историк Средней Азии⁶. Другой его ученик П. С. Савельев отмечал, что профессор «не только с увлекательностью и глубокой основательностью объяснял свой предмет, но и вообще побуждал слушателя к ученым занятиям, развивая в нем жажду знаний и содействовал его умственному развитию...»⁷. Однако с середины 30-х годов О. И. Сенковский все более отходил от преподавательской деятельности, отдавая все силы созданной им в 1834 году «Библиотеке для чтения». Другим преподавателем был Мирза Топчибашев, азербайджанец по происхождению, он вел персидский язык и курс турецкого языка⁸.

О. Н. Бётлингк занимался восточными языками около полутора лет, до весны 1835 года. Следует думать, что и за это время при его лингвистических способностях и большом трудолюбии он сумел весьма

³ Оценка В. Штрайтберга цитируется по: В. Delbrück. Otto Böhtlingk. — In: *Portraits of Linguists*, I. London, 1966, стр. 265.

⁴ Е. И. Убрятова. Труды О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten» 120 лет. — В кн.: «О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Материалы конференции. Якутск, 1973, стр. 42. См. также: Е. И. Коркина. Работа О. Н. Бётлингка «О языке якутов». — «Советская тюркология», 1971, № 4.

⁵ Сведения о жизни и научной деятельности ученого см. также: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974, стр. 127—128; С. К. Булич. Памяти О. Н. Бётлингка. — «Известия Академии наук. Отделение русского языка и словесности», т. 9, кн. 3, 1904, стр. 187—200; С. Ф. Ольденбург. Памяти О. Н. Бётлингка. — «Журнал министерства народного просвещения», ч. 353, 1904, № 5, отд. 4, стр. 41—47; «Энциклопедический словарь». Изд. Брокгауз, т. 6 (IIIa). СПб., 1891, стр. 635; «Академик Бётлингк». — «Якутские Епархиальные ведомости», ч. XVIII, 1904, № 14, стр. 222—224; В. Delbrück. Указ. раб., стр. 261—268 (то же. *Indogermanische Forschungen*, 1904—1905, 17, стр. 131—136); А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 82, 93, 102, 106 и др.; «О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». Материалы Конференции. — В этих же работах библиография.

⁶ Цит. по кн.: В. Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенковского, журналиста, редактора «Библиотеки для чтения». М., 1966, стр. 214.

⁷ Там же, стр. 213.

⁸ См.: «Биобиблиографический словарь», стр. 271. С. К. Булич называет и других учителей О. Н. Бётлингка — Волкова и Шармуа (см.: С. К. Булич. Указ. раб., стр. 188), однако в эти годы Ф.-Б. Шармуа уже не преподавал в университете, перейдя в 1822 году в Азиатский департамент министерства иностранных дел (см.: А. Н. Кононов. История изучения..., стр. 140).

преуспеть в этих языках, посещая занятия таких ярких и знающих учителей, какими были упомянутые профессора университета. Полученные знания явились, несомненно, той основой, благодаря которой О. Н. Бётлингк смог спустя десять лет обратиться к якутскому языку.

Классическими языками в университете О. Н. Бётлингк занимался у Ф. Б. Грефе⁹, который сам интересовался и сравнительно-историческими штудиями, главным образом в области глагола — тематикой, ставшей в те годы особенно популярной в связи с первыми достижениями сравнительно-исторической грамматики, трудами Ф. Боппа. Как раз именно в год поступления О. Н. Бётлингка в университет вышел первый том известной работы Ф. Боппа «Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков», открывшей новый этап сравнительных исследований¹⁰. Методы исследований, разработанные основоположниками сравнительно-исторического языкознания, завоевывали в те годы себе место не только при изучении индоевропейских языков, но и языков других семей — алтайской, угро-финской, кавказской и семитской. Возрос интерес ученых к древнейшим памятникам этих языков, к изданию и исследованию текстов. Среди прочих важнейшими считались древнеиндийские памятники на санскрите. Видимо, изучение классических языков и санскрита в университете, атмосфера неожиданных открытий в области индоевропеистики, влияние преподавателей — и прежде всего Ф. Грефе, беседы с молодым санскритологом Ф. Болленсенем — все это склонило О. Н. Бётлингка к серьезным занятиям санскритом¹¹, и он, оставив весной 1835 года Петербургский университет, где тогда не было крупных знатоков этого языка, едет в Германию, к знаменитым санскритологам.

Сначала О. Н. Бётлингк задерживается в Берлинском университете, у Ф. Боппа. Берлинский университет и кафедра общего языкознания, на которой читал этот ученый, были признанными центрами сравнительно-исторических штудий. Сам Ф. Бопп, занимавшийся серьезно санскритским языком с 1812 года, издал в 1826 году «Грамматику санскритского языка» (второе издание — 1845 г.), поэтому он считался в то время видным специалистом по данному языку. Однако занятия в Берлинском университете уже не удовлетворяли О. Н. Бётлингка¹². «В самом деле к этому времени Бопп все более и более начинал склоняться к чистому языкознанию, уходя далее и далее от интересов санскритологии... Не удивительно, поэтому, если О[ттон] Н[иколаевич], интересовавшийся более санскритом, чем сравнительной грамматикой, очутился вскоре в Бонне на Рейне слушателем одного из родоначальников индийской филологии в Германии А. В. Шлегеля и ученика последнего Хр. Лассена»¹³. Именно здесь, в Боннском университете, О. Н. Бётлингк становится зрелым санскритологом и завоевывает научное признание

⁹ Позднее дочь Ф. Б. Грефе стала женой О. Н. Бётлингка.

¹⁰ См.: А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков. М.—Л., 1955; Б. Дельбрюк. Введение в изучение языка. СПб., 1904; Т. А. Амирова, Б. А. Ольховников, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.

¹¹ См.: С. К. Булич. Указ. раб., стр. 183; В. Delbrück. Указ. раб., стр. 262.

¹² О. Н. Бётлингк в своей статье «Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Franz Bopp's „Kritischer Grammatik der Sanskrit-Sprache in kurzer Fassung. Berlin, 1845“» (— Bull. d. la Cl. hist.-philol., 1846, t. III, № 8—10) с сожалением отметил, что автор не учитывает в новом издании последних достижений санскритского языкознания и текстологии, новые издания трудов индийских грамматиков, в том числе и издание Панини Бётлингком, что привело к повторению прежних ошибок и появлению многих неточностей в тексте книги.

¹³ С. К. Булич. Указ. раб., стр. 168.

своей первой работой — докторской диссертацией по древнеиндийской грамматике. «Это было составившее эпоху в науке и проложившее путь к изучению индийской грамматической литературы двухтомное и образцовое (по тогдашнему) издание знаменитой индийской грамматики Панини, снабженное научным комментарием... Это издание явилось в Бонне в 1839—40 гг...»¹⁴. Грамматический труд Панини, чрезвычайно сложный по своему содержанию и способу изложения¹⁵, был успешно истолкован молодым исследователем, что нашло отражение в положительных рецензиях Хр. Лассена и А. Вебера. С этого времени издание и комментирование древнеиндийских текстов стало важнейшей составной частью научной деятельности О. Н. Бётлингка. Но уже в 40-е годы возникает у него план лексикографической обработки издаваемых и ранее изданных санскритских текстов. Этот замысел воплощается позже в знаменитом санскритском Петербургском словаре (1853—1875, семь томов). «Можно сказать без всякого преувеличения, что только словарь Бётлингка — Рота (его коллега и помощник, знаток ведийской лексики. — Д. Н.) сделал возможным правильное понимание многих индийских памятников и раскрыл их настоящее содержание. Переворот, совершенный в данной области появлением этого удивительного памятника человеческого ума, железного трудолюбия и колоссальной начитанности, может быть оценен всяким...»¹⁶. Сокращенный вариант словаря — тоже в семи томах — вышел в 1879—1889 гг. О. Н. Бётлингком опубликована также серия статей по фонетике и грамматике санскрита, которые можно объединить, выражаясь его словами, общей темой: «Предварительные работы к полной грамматике санскритского языка». В поле зрения этого ученого попадали и другие языки: цыганский, русский (замечания на грамматику Г. П. Павского), пали, тибетский, монгольский, старославянский, а также тюркские.

В 1842 году О. Н. Бётлингк, избранный адъюнктом Академии наук по санскриту, вернулся в Петербург, в 1845 году он избирается экстраординарным академиком, а в 1855 — ординарным академиком. С 1868 года О. Н. Бётлингк жил в Германии, умер в Лейпциге 19 марта (1 апреля) 1904 года, будучи почетным членом нашей Академии.

В Петербург О. Н. Бётлингк возвратился признанным ученым, крупным специалистом в области древнеиндийского языкознания; пребывание в Берлине и в Бонне в окружении известных светил сравнительного языкознания, несомненно, обогатило его знания в компаративистике. Однако в 1845 году ему пришлось «своротить с главного пути исследований» и обратиться к языкам другой семьи — тюркской, что, впрочем, еще более содействовало его научной славе. Поводом для этого явились материалы по языку якутов, доставленные ученым-путешественником А. Ф. Миддендорфом из его северной экспедиции 1842—1845 годов. Записи по языку — реестры слов, песни, сказки, образцы живой речи, грамматические заметки — были сделаны ученым-путешественником в 1844 году во время его пребывания в Якутске¹⁷. И хотя они не могли

¹⁴ С. К. Булич. Указ. раб., стр. 189. См.: O. Böhtlingk. Pāṇini's acht Bücher grammatischer Regeln, I—II. Bonn, 1839—1840; второе изд.: Pāṇini's Grammatik. Leipzig, 1887; фототипич. изд.: Kyoto, 1977.

¹⁵ См.: «История лингвистических учений. Древний мир». Л., 1980, стр. 66—92 (раздел «Лингвистические знания в древней Индии»); Т. А. Амирова и др. Очерки по истории лингвистики, стр. 74—91.

¹⁶ С. К. Булич. Указ. раб., стр. 194. Огромное трудолюбие и научную самоотверженность отмечали все биографы О. Н. Бётлингка. Б. Дельбрюк писал, что тот не знал отпусков, занимался ежедневно около восьми часов, обладал изумительной памятью, наукой занимался всегда увлеченно (указ. раб., стр. 267—268).

¹⁷ См.: Н. И. Леонov. А. Ф. Миддендорф. М., 1967.

послужить основой труда О. Н. Бётлингга, однако существенно дополнили имеющиеся материалы. Именно необходимость обработки экспедиционных материалов А. Ф. Миддендорфа, к которой приступила Академия¹⁸, привела О. Н. Бётлингга к Якутской грамматике и тем самым, по его словам, вывела «якутов в Европу». В 40-е годы в Петербургской академии не было специалиста-тюрколога, хотя академик А. А. Шифнер работал и с тюркскими языками. К этому времени член-корреспондент О. И. Сенковский уже полностью отошел от науки, поэтому О. Н. Бётлингк оказался единственным, кто бы мог использовать эти материалы в интересах языкознания. Обработка текстов, написание грамматики и составление словаря заняло у него чуть более трех лет (до 1849 г.). Полностью сочинение было опубликовано в середине 1851 года. Можно смело сказать, что в этом труде раскрылись блестящие лингвистические способности ученого и, видимо, не случайно сам О. Н. Бётлингк считал его одним из лучших своих исследований¹⁹.

В своей работе О. Н. Бётлингк использовал, помимо записей А. Ф. Миддендорфа, все имеющиеся по якутскому языку материалы — как печатные, так и рукописные, однако исключительно словарные по своему содержанию, ибо связанных и других текстов было мало. Но с 1847 года О. Н. Бётлингк начал заниматься с носителем якутского языка. Им оказался проживавший в Петербурге А. Я. Уваровский, родившийся в Якутии и живший там около сорока лет. Якутский язык он знал с детства, и тот стал для него вторым родным языком. А. Я. Уваровский оказался бесценным информатором для О. Н. Бётлингга, последний проверял с ним свои материалы, постоянно консультировался. По просьбе ученого А. Я. Уваровский написал несколько текстов на якутском языке, в том числе и свои «Воспоминания» — первый оригинальный памятник якутской литературы. «Его якутский язык не только предельно точен, но и завидно сочен и красочен, воспоминания захватывают и современного читателя»²⁰.

Следует отметить, что О. Н. Бётлингк, будучи «кабинетным» ученым, занимавшимся по преимуществу древностями, умело организовал работу со своим информантом, и в этом проявив себя как тонкий лингвист. О. Н. Бётлингк пишет: «Я должен был сам извлекать каждое правило и обыкновенно старался скрыть их от своего учителя, чтобы не подготовить его в пользу теории и чтобы он мог, не угождая мне, оказать ей предпочтения перед практикой. Но мой даровитый наставник нередко без всякого намека угадывал формы, каких желал ученик. Если в таких случаях ожидания ученика оправдывались, то приобретаемая таким образом форма признавалась действительно не раньше, как по истечении некоторого времени, когда снова подтверждалась учителем, уже не подверженным никакому подготовительному влиянию»²¹. Здесь изложена совершенно четкая методика работы с информантами в полевых условиях, форма извлечения объективных фактов при использовании

¹⁸ «Материалы, собранные Миддендорфом в путешествии были столь велики и разнообразны, что обрабатывались в течение 13 лет. В их обработке принимало участие не менее десяти крупнейших ученых». (Н. И. Леонов. Указ. раб., стр. 78).

¹⁹ С. К. Булич. Указ. раб., стр. 192.

²⁰ Е. И. Коркина. Указ. раб., стр. 130. См. также: Н. А. Габзиев. Об авторе якутского текста в труде О. Бётлингга. — «О. Н. Бётлингк и его труд „О языке якутов“», стр. 45—58; П. А. Слепцов. Заметки о языке «Воспоминаний» А. Я. Уваровского. — Там же, стр. 186—206.

²¹ О. Н. Бётлингк. О языке якутов, стр. 443. Нельзя забывать, что в середине XIX века началось интенсивное описание живых языков и диалектов и планомерное собирание текстового материала, поэтому основы полевой методики остро стояли в порядке дня, и О. Н. Бётлингк занимал в этой области передовые позиции.

записанных текстов. Поэтому не приходится удивляться точности и достоверности грамматических данных, полученных О. Н. Бётлингком.

О. Н. Бётлингк был отличным фонетистом. Со всей ясностью он сознавал неудобство применения знаков арабского письма и их простой транслитерации при описании тюркской фонетики и ратовал поэтому за транскрипционную систему, особенно на основе русского алфавита. «Мы никак не достигнем основательного знания тюркских языков до тех пор, пока не вникнем, как важно... тщательное исследование фонетической стороны языка в каждом отдельном звуке, и пока не сознаемся, что хотя употребление арабских букв, без точного переложения их очень удобно, потому, что не требует добросовестного отчета о звуках, зато, с другой стороны, оно отнимает всякую возможность глубже вникнуть в фонетические свойства языка. В тюркских грамматиках для лингвистов непременно надобно употреблять русский или латинский алфавит, приспособленный к особенностям рассматриваемых языков. За образец такого переложения можно принять Вигье, над которым смеются потому только, что не понимают ни его, ни системы тюркских звуков»²². Для записи тюркских текстов и обозначения тюркских звуков русскую азбуку использовали многие, начиная с первых попыток фиксации тюркской речи. Ее применяли также и миссионеры в изданиях религиозных текстов на языках народов России, но использование русского алфавита в целях научной фонетической транскрипции тюркских звуков было осуществлено впервые именно О. Н. Бётлингком. Им же были изложены кратко и принципы построения такого транскрипционного алфавита. При этом О. Н. Бётлингк в применении русских знаков опирался, видимо, также на опыт составления грамматики осетинского языка А. М. Шёгрена²³. Последний, избрав этот алфавит для транскрипции, «хотел показать практический пример применения русского алфавита к другим инородческим языкам для руководства других при будущих подобных случаях», при этом А. М. Шёгрэн стремился к тому, чтобы буквы его алфавита «были без изъятия, тем, что они должны быть: *знаки простых* (единственных или слитных) *звуков* и удержали бы *постоянно и во всех* случаях одну и ту же силу»²⁴. Он изобрел такие теперь столь обычные знаки, как *г, к, ң*. Дальнейшее научное обоснование и развитие русская транскрипция получила в трудах В. В. Радлова. Окончательно она была закреплена в известной записке крупнейших русских востоковедов академиков: тюрколога В. В. Радлова, китаиста В. П. Васильева, ираниста К. Г. Залемана²⁵.

Таким образом, основы научной транскрипции тюркских языков, заложенные в труде О. Н. Бётлингка, нашли последовательное развитие в практике отечественных востоковедов и прежде всего тюркологов.

Гласные звуки О. Н. Бётлингк описывает, разделяя их сначала на широкие (*schwere* — *a, ä, o, ö*) и узкие (*leichte* — *ы, i, y, ü*), а затем на гласные переднего (*weiche* — *ä, ö, i, ü*) и заднего (*harte* — *a, o, ы, y*) ряда. Согласные группируются им по санскритскому образцу — по ме-

²² О. Н. Бётлингк. О языке якутов, стр. 425, прим. 77. О. Н. Бётлингк упоминает здесь грамматику миссионера аббата М. Вигье (*M. Viguier. Eléments de la langue turque. Constantinople, 1790*), отразившего в латинской транскрипции живое турецкое произношение, благодаря чему автору удалось впервые четко сформулировать закон гармонии гласных звуков, что подчеркивалось и самим О. Н. Бётлингком (там же, стр. 422, прим. 72).

²³ См.: А. М. Шёгрэн. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. Ч. I—II, СПб., 1844.

²⁴ Там же, стр. XVII.

²⁵ В. В. Радлов, В. П. Васильев, К. Г. Залеман. Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв. СПб., 1887.

сту образования (такая группировка использовалась в тюркологии и позже, например, в Словаре В. В. Радлова): гуттуральные, дентальные, палатальные, лабиальные, сибиллянты. По другим фонематическим признакам все согласные он делил на четыре группы:

starke	{	{	starre	1) harte	— (глухие, сильные) —	к, х, т, ч, п, с
				2) weiche	— (звонкие, слабые) —	г, ф, д, дж, б
				3) flüssige	— (сонанты плавные) —	ң, н, н' м, р, л, l
				4) schwache	— (слабые, полугласные) —	j, j̃, h

Первые две группы, противопоставляемые (gegenüberstellen) третьей группе, объединялись как шумные (starre); первые три группы противопоставляются, в свою очередь, последней — четвертой, как звучные (starke) слабым полугласным (schwache). К сожалению, О. Н. Бётлингк не объясняет содержания употребляемых им характеристик звуков, однако, судя по названиям, он берет за основу не участие органов речи при их образовании, а определенные качественные признаки, присущие группам согласных. Теперь такие признаки были бы названы фонологическими. Конечно, у автора не было четких фонологических представлений, но мимо его внимания не могли пройти наблюдаемые им объективные характеристики якутских звуков и обусловленные ими позиционные комбинации и дистрибутивные возможности. Позиционно-комбинаторные изменения согласных учитывались О. Н. Бётлингком и подробно были им описаны (достаточно сказать, что этому в грамматике было отведено около 100 параграфов или 50 страниц — стр. 57—107, и приложен индекс консонантов — стр. 107—116).

В разделе о консонантах он писал, используя свою терминологию: «Переход глухого (hart) консонанта в соответствующий ему звонкий (weich) я называю озвончением (Erweichung), а звонкого в соответствующий глухой — оглушением (Erhärtung), переход шумного (starr) в его соответствующий плавный (flüssig) — сонантизацией (Verflüssigung), звучного (stark) в соответствующий слабый (schwach) — ослаблением (Schwächung) и, наконец, слабого (schwach) в соответствующий звучный (stark) — усилением (Verstärkung). Каждый класс имеет собственные особенности: между шумных (starre) появляются только глухие (harte) в ауслaute и только глухие (harte) могут соединяться друг с другом; плавные (flüssige) консонанты соединяются друг с другом, а также появляются перед (но никогда после) шумных согласных, наконец, слабые (schwache) консонанты занимают место исключительно между двумя гласными»²⁶. Помимо этих явлений в Грамматике представлены возможные комбинации согласных, рассмотрены начальные, срединные и конечные их позиции, чередования дентальных, палатальных и сибиллянтов, явления ассимиляции в словах и на стыках с аффиксами, падение согласных, аллитерация звуков в парных словах.

В разделе о гласных звуках О. Н. Бётлингку удалось подробно осветить важнейший фонетический закон тюркских языков — гармонию гласных. «Особенная система звуков в урало-алтайских языках, — разумеется не только гармония гласных, но и вышеупомянутое их богатство, бывшее при относительной бедности согласных совершенно необходимым для первоначального обозначения понятий, — составляет, можно сказать, единственный верный признак, который дает нам право называть все языки рассматриваемого круга общим именем и производить их из одного источника»²⁷. Чтобы раскрыть своеобразие якут-

²⁶ О. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten, стр. 56—57.

²⁷ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 421.

ской гармонии, особенно проявляющееся в действии губной гармонии за пределами первого слога, О. Н. Бётлингк провел ее сравнение с другими тюркскими языками (турецким, татарским), а также с монгольским, калмыцким и маньчжурским (при этом автор обращает внимание на ошибки других исследователей, которые опирались на графику, а не на живое произношение). Он в качестве аналогии сослался на умлаут в германских языках, который Я. Гримм трактовал в своей «Немецкой грамматике», как ассимилирующее влияние *i* или *u*, а также на аналогичные явления в санскрите. Таким образом, якутская гармония оказалась рассмотренной на фоне других алтайских языков. Это было очень важно для алтаистических штудий, так как хотя гармония и была признана особенностью алтайских языков, будучи скрытой несовершенными алфавитами — арабским, монгольским, маньчжурским, она не находила должного отражения в описаниях языков. Так, например, в самой полной и общепризнанной грамматике (выдержала в те годы два издания²⁸) турецкого языка, составленной М. А. Казем-беком, профессором Казанского, а позднее Петербургского университета, гармония гласных, четко представленная в турецком языке (а для сравнения автор привлекал азербайджанский и татарский языки), специально не описывается. Кстати, О. Н. Бётлингк, изучивший в подготовительный период существующие описания тюркских языков, в том числе и оба издания этой грамматики, а также немецкий перевод второго издания, выступил с пространной рецензией, где указал на многие теоретические просчеты автора грамматики и на ошибочные его сопоставления тюркских и монгольских фактов²⁹. Однако это не помешало автору при сравнении якутского языка с татарским и другими тюркскими языками прибегать к грамматике М. А. Казем-бека.

Осмысление закона гармонии гласных в якутском и других алтайских языках привело О. Н. Бётлингка к выводу, что гармония по признаку «гласные переднего ряда/гласные заднего ряда» является исконной общеалтайской закономерностью. Что же касается губной гармонии, то он считал ее вторичным явлением: «относительно поздно возникшей ассимиляцией» под воздействием *o* и *ö* первых слогов на *a* и *ä* в последующих слогах, аналогично воздействовали *u* и *ü* на последующие *y* и *i*³⁰. Таким историческим подходом к двум типам алтайской гармонии — небной и лабиальной — О. Н. Бётлингк значительно опередил появившиеся в 80-е годы XIX века гипотезы первых алтаистов³¹. Эти мысли О. Н. Бётлингка позднее были развиты В. В. Радловым.

Большой заслугой О. Н. Бётлингка явилось также установление наличия в якутском языке долгих гласных и их подробное описание.

²⁸ М. А. Казем-бек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839; 2-е изд.: Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846; немецкий перевод: Allgemeine Grammatik der Türkisch-Tatarischen Sprache von M. A. Kasem-Beg... von J. Th. Zenker. Leipzig, 1848.

²⁹ О. Böhlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-Bek's türkisch-tatarischer Grammatik zum Original und zur deutschen Uebersetzung von Dr. J. Th. Zenker... — Bull. de la Cl. hist.-philol. d. l'Acad. d. St.-Pth., 1848, t. V, No 19—23; см. также: *его же*. Zur türkisch-tatarischen Grammatik. I. Erster Beitrag. — Там же, 1849, t. VI, № 19—21; *его же*. Entgegnung auf einen Artikel von Herrn Schott., — Там же, 1850, t. VII, № 11—12. Ср. также: Б. А. Дорн. Разбор сочинения... А. Казем-бека: «Грамматика турецко-татарского языка». — X присуждение наград Демидова. 1841.

³⁰ О. Böhlingk. Über die Sprache., стр. 12.

³¹ См.: J. Grunzel. Die Vocalharmonie der altaischen Sprachen. — Sitzungsberichte der kais. Akad. d. Wissenschaften zu Wien, phil.-hist. Kl., 1888, Bd. CXVII, III. Abt., S. 1—42; *его же*. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, стр. 20—23. Ср.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 70.

Ему удалось отметить долготу гласных, которая была позже названа «первичной»: «первичные долгие восходят к эпохе существования праязыка и, таким образом, должны рассматриваться как общетюркское явление»³².

В связи с этим представляет интерес и описание ученым дифтонгов, а также и трифтонгов, правда, от последних современные фонетисты отказались. Дифтонги как способ реализации долгих гласных — достояние собственно якутского языка, но их выделение и описание было важно с общетюркологической точки зрения. О. Н. Бётлингк сравнивал якутские долготы в основном с долготами татарских диалектов, однако для тюркской исторической фонетики наиболее ценными оказались якутско-туркменские соответствия. Установление «первичных» долгот в тюркских языках позволило проводить их сравнение уже на алтайском уровне. Отметил О. Н. Бётлингк и так называемые «вторичные» долгие гласные, развившиеся «в результате выпадения согласных и последующего стяжения гласных»³³. В якутском в таких случаях возникает либо долгий гласный, либо дифтонг, что и описал ученый, сравнивая с фактами турецкого и татарского, а также монгольского языков. Обратил он внимание и на случаи колебаний между краткими и долгими или дифтонгами в одних и тех же словах, в различных грамматических формах.

В фонетическом разделе исследования «О языке якутов» талант ученого проявился в том, что он сумел увидеть фонетические особенности этого языка в сопоставлении с другими тюркскими и нетюркскими языками, рассмотреть их в исторической зависимости и выявить их системные связи. И поэтому далеко не случайно «фонетическая характеристика якутского языка, данная О. Н. Бётлингком, полностью сохраняет свое значение по сей день, уточняясь и дополняясь только в отдельных деталях»³⁴.

О. Н. Бётлингк справился успешно и с описанием морфологической структуры якутского языка. Грамматический раздел его книги, занимающий 180 страниц, состоит из двух частей: «Словообразование и словоизменение» («Wortbildung und Wortbiegung») и «Синтаксис». В первой части описана система словообразования внутри каждой части речи (автором выделено пять частей речи: имя, числительное, местоимение, глагол, несклоняемые слова) и даны присущие им парадигмы словоизменения: соответственно склонения или спряжения; во второй части описаны особенности их функционирования и дана характеристика синтаксических структур. Историзм подхода к описанию языка сказался и здесь в проведенном впервые в тюркологии разграничении продуктивных (*lebenskräftige*) и непродуктивных (*erstarrte*) аффиксов словообразования. Следует сказать, что в описательной грамматике тюркского языка подобное разграничение было проведено лишь в 1920 году Ж. Дени в турецкой грамматике³⁵, а теоретически снова было кратко рассмотрено В. В. Радловым лишь спустя тридцать лет. О. Н. Бётлингк, сознавая ограниченность имеющегося у него материала, отмечал, что приведенные им непродуктивные модели нуждаются в дальнейшем исследовании, а число их примеров может быть еще увеличено при тщательном изучении языка³⁶. В связи с этим он отдельно остановился на

³² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 48.

³³ Там же.

³⁴ Е. И. Коркина. Указ. раб., стр. 128. См. также: Н. Д. Дзячковский. Звуковой строй якутского языка. Ч. I. Вокализм. Якутск, 1971; Ч. II. Консонантизм. Якутск, 1977.

³⁵ См.: J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921.

³⁶ O. Böttlingk. Über die Sprache., стр. 123.

проблеме соотношения корня и основы. Отметив, что и тюркские языки, и монгольский язык еще совершенно не изучены в историческом отношении, О. Н. Бётлингк высказал сомнение в правомерности широкого использования на данном этапе понятия «корень» и предпочтительности в этом случае выражения: «более не разложимая для меня основа (Stamm)»³⁷. Как указывает Е. И. Убрятова, «это положение сохраняет свою силу и в наше время как в языковой грамматической литературе, так и в общетюркской»³⁸.

В морфологическом и синтаксическом разделе книги О. Н. Бётлингка, как нам представляется, важно обратить внимание на описание им места в парадигме склонения и особенностей функционирования так называемого неопределенного или основного падежа (по терминологии автора — *casus indefinitus*). Он писал, что в урало-алтайских языках «тема имени является и субъектом, и предикатом, и атрибутом, и наречием, а в некоторых случаях и объектом, на который переходит действие предмета», это объясняется, «между прочим, тем, что в языках этого рода согласование между частями речи в предложении не выражается окончаниями»³⁹. Видимо, О. Н. Бётлингк чувствовал, что этот «падеж» занимает в парадигме особое место, но не смог, преодолев традиции, признать, что в предложении слово может оказаться вне категории склонения⁴⁰. Грамматические разделы работы О. Н. Бётлингка давали полное и совершенно верное представление о морфологической системе якутского языка.

Достоверные фонетические и грамматические данные О. Н. Бётлингка, обобщение им языковых явлений и осмысление их в общетюркском, а также в алтаистическом плане имели в то время большое значение, если учесть, что именно тогда стали появляться работы по алтаистике, в которых находили отражение успехи сравнительно-исторических исследований прежде всего индоевропейских языков. Среди первых здесь могут быть названы многочисленные работы немецкого ориенталиста-синолога В. Шотта, обратившегося к алтайским языкам и посвятившего им более пятидесяти лет своей научной деятельности⁴¹.

Несмотря на то, что работы В. Шотта были шагом вперед в области алтаистики (поэтому его можно считать одним из зачинателей собственно алтаистики), они в то же время отразили, с одной стороны, бедность фактической базы, на которую опирались эти исследования, а с другой — слабые стороны начального этапа развития сравнительно-исторического метода в языкознании и несовершенство собственной методики ученого⁴². Выше этого уровня В. Шотт так и не сумел подняться в своих многолетних алтаистических штудиях. В частности, весьма был ограничен материал и по тюркским языкам (но особенно слабо были изучены тунгусо-маньчжурские языки!). И хотя В. Шотт имел кое-какие сведения о якутском языке и даже дал немецкую обработку реестра якутских

³⁷ О. Böhlingk. Über die Sprache., стр. 117.

³⁸ Е. И. Убрятова. Труды О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten» 120 лет, стр. 34.

³⁹ О. Н. Бётлингк. О языке якутов, стр. 394; см. также: *его же*. Über die Sprache., стр. 159—160, 219—225.

⁴⁰ Ср.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория» — «Советская тюркология», 1981, № 3; «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы». М., 1981, стр. 207.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Д. М. Насилов. Из истории алтаистики. — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 81—87.

⁴² См.: А. В. Десницкая. Вопросы изучения родства индоевропейских языков, стр. 31—184.

слов Д. Давыдова с траматическими комментариями, он не смог глубоко разобраться в материале. О. Н. Бётлингк с пониманием писал об этом: «Само собою разумеется, что и здесь вкрадываются иногда недоразумения, но, принимая в соображение скудость бывшего под рукой материала, рассудительный критик, конечно, не упрекнет ими автора»⁴³. В. Шотт не уловил наличия долгих гласных в якутском языке, более того, он вообще отрицал наличие долгих гласных в тюркских языках и даже случаи стяжения гласных в тюркских, монгольском, маьчжурском языках⁴⁴, на что О. Н. Бётлингк заметил: «Шотт, отрицая долготу для всей тюркской семьи и монгольского, заходит, как мы скоро увидим, слишком далеко»⁴⁵. Но В. Шотт «заходил слишком далеко» не только в толковании конкретных языковых фактов. Увлеченный идеей алтайской языковой общности и пренебрегая многими фонетическими закономерностями этих языков, не устанавливая правил фонетических и морфологических альтернатив, он в поисках «первичных» корней позволял себе делать весьма вольные и часто случайные сравнения слов и форм.

О. Н. Бётлингк, будучи хорошо осведомленным в области сравнительно-исторических штудий, не мог, естественно, согласиться с такой ошибочной методикой. Он во «Введении» к своей грамматике специально остановился на анализе двух упомянутых крупных работ В. Шотта и относительно его попыток «доказать родство тюркского, монгольского и тунгусского языков» писал как о совершенно неудавшемся опыте, опиравшемся на негодные средства⁴⁶. Его вывод был весьма категоричен: «...Пока отдельные фамилии не исследованы точнее и не составлена их сравнительная грамматика, до тех пор надобно поставить в обязанность не допускать появления подобных сочинений, которые, при обширности своего размера, столько же бедны положительными результатами, сколько, по методу, не способны в настоящее время достигать истинно ученого достоинства»⁴⁷. О. Н. Бётлингк рекомендовал тщательно исследовать каждый язык, всю семью языков в целом, а затем уже делать исторические сопоставления для восстановления «первобытных форм, корней и грамматических окончаний»⁴⁸.

Здесь не случайно отводится столько места изложению взглядов ученого на методы и пути исследования отдельных языков и исторических и типологических связей между ними. В середине прошлого века, на заре расширенного изучения тюркских языков и их диалектов, в период первых опытов сравнительных сопоставлений языков алтайской семьи и становления алтаистики как самостоятельной отрасли языкознания О. Н. Бётлингк совершенно четко и, следует думать, очень верно изложил программу научных исследований в этой области языкознания. Выставив требование самого тщательного и детального изучения каждого языка (и притом именно в живом его проявлении) этой разветвленной семьи и только последующего — по мере накопления материала — перехода к историческим построениям, а на базе последних — к сравнительным штудиям, этот ученый провозгласил методологически верную линию описания языков и определил магистральные направления их сравнительно-исторического исследования. Тем самым он на много лет предвосхитил идеи, получившие развитие только на рубеже XX века.

⁴³ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 437.

⁴⁴ См.: W. Schott. Versuch über die Tatarischen. Berlin, 1836; стр. 24; *его же*. Über das Altaische und Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1847, стр. 51.

⁴⁵ О. Böhlingk. Über die Sprachen., стр. 37.

⁴⁶ См.: О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 417—425.

⁴⁷ Там же, стр. 424.

⁴⁸ Там же.

О. Н. Бётлингк в своем труде «О языке якутов» наметил линию теоретического и общезыковедческого анализа тюркских и других алтайских языков. Однако в XIX веке в тюркологии, и в алтаистике в целом, возобладала линия практического и описательного изложения фактов этих языков, и только в трудах отдельных ученых встречаются попытки теоретического осмысления полученных результатов. Несмотря на большие возможности — обилие фактического материала, легкость его пополнения и необходимой проверки, наличие научных учреждений и квалифицированных специалистов-языковедов — внимание ученых-тюркологов было приковано к описанию конкретных языков или письменных памятников, к работам филологического плана, но не к решению проблем исторической грамматики и исторической лексикологии. В этом отношении тюркология и другие отрасли алтайского языкознания уступали близкому к ним финно-угорскому языкознанию, в котором, наряду с освещением нового фактического материала, с самого начала уже в те годы развивались и сравнительно-исторические штудии. Научное сравнительно-историческое финно-угроведение возникает с первых систематических опытов праязыковых реконструкций, с широких этимологических разработок, с создания исторической фонетики этих языков⁴⁹. В тюркологии того времени только «Фонетика» В. В. Радлова стояла на уровне этих достижений. Поэтому можно сказать, что идеи О. Н. Бётлингка не получили тогда должного отклика в среде отечественных тюркологов и только позднее были поддержаны В. В. Радловым. Однако эта сторона его исследований была все же оценена современниками, работавшими в области сравнительно-исторического языкознания. А. Потт в своей рецензии на книгу О. Н. Бётлингка отметил, что в ней сделаны попытки распространить методы компаративистики (*comparative Sprachforschung*) на урало-алтайские языки⁵⁰.

Большая предварительная работа и детальное исследование якутского языка, проведенное в сопоставлении с монгольскими и с маньчжурским языками, позволили О. Н. Бётлингку выступить и по общезыковедческим вопросам, в частности по вопросам о принципах морфологической классификации языков, о структурных особенностях агглютинирующих языков вообще и конкретно — якутского как одного из тюркских. Этим проблемам отведена значительная часть «Введения» к его книге, в переводе которого на русский язык закономерно появился подзаголовок: «Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания».

Основное внимание О. Н. Бётлингк уделяет оценке исходных понятий, лежащих в основе «физиологической», то есть типологической, или морфологической классификации всех языков, как она была представлена в известных работах В. Гумбольдта, А. Шлегеля, А. Шлейхера, А. Потта, Г. Штейнтала. Поэтому в центре оказывается обсуждение соотношения между «материей» и «формой» в языке, этих двух признаков, которые активно использовались указанными учеными в их классификациях. О. Н. Бётлингк стремился выяснить является ли соотношение между материальными и формальными элементами языков достаточным основанием для их типологической классификации. Например, А. Потт именно на степени спаянности между «материей» и «формой» строил свое четырехступенчатое деление языков. В его схеме агглюти-

⁴⁹ См.: «Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)». М., 1974.

⁵⁰ См.: А. Потт. [Рецензия]. — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1854, Bd. VIII, стр. 198.

нирующие языки характеризовались тем, что в них «материя и форма соединяются между собой почти только внешним образом», а во флективных языках они «проникают друг в друга»⁵¹. Сам О. Н. Бётлингк высказался в этом отношении совершенно четко: «Сказать откровенно, я считаю способ соединения материи и формы даже слишком внешним признаком, чтобы на нем одном основывать классификацию языков. Степень совокупления материи и формы состоит в тесной связи с фонетической способностью народа, но вместе и с древностью и продолжительностью употребления форм»⁵². Поэтому ученый на примерах из тюркских, монгольских языков, а также финского и маньчжурского показывал, что доводы, приводившиеся авторами классификаций, не всегда убедительны, а нередко и ошибочны, ибо основаны на чисто внешнем восприятии особенностей этих языков.

С точки зрения О. Н. Бётлингка, следует искать более глубокие свойства агглютинирующих языков, выявлять их внутренние признаки, чтобы строить достоверные классификации. Вскрытие именно таких фундаментальных характеристик языков и составляет основную задачу языкознания, без этого типологические сопоставления оказываются мало продуктивными. Он писал: «При физиологическом делении языков нельзя выпускать из виду внешних признаков, которые можно назвать морфологическими; но на внутренние признаки, которые я готов назвать логическими, должно обращать внимание... когда же нужно определить степень развития одного языка в сравнении с другим, то надобно обращать внимание преимущественно на различные категории производства понятий и их соотношений, коль скоро они выражены звуками. Чтобы распределить языки по своим местам на основании таких признаков, надобно прежде всего знать самые эти признаки, когда же они, наконец, собраны, то возникает вопрос о их относительной важности»⁵³. И ниже были даны морфологические и «логические» признаки якутского языка. Среди последних названы такие особенности его строя, как отсутствие различия «корня и темы от полного слова», производство от тем глаголов множества глагольных имен, с сохранением «значения времени и без оного», наличие «двух родов приставочных местоимений, но не везде различаемые строго: предикативные и притяжательные», наличие разного рода «герундий, которые употребляются, подобно наречиям, для определения личных глаголов и глагольных имен», отсутствие согласования прилагательных с существительными, почти полное отсутствие союзов и т. п.⁵⁴

По-видимому, О. Н. Бётлингку были всего ближе теоретические концепции В. Гумбольдта и Г. Штейнталя, пронизанные идеей духовного начала в языке. Во всяком случае, несмотря на критическое отношение, он с сочувствием цитирует в своей работе некоторые высказывания этих ученых. Поскольку его работа пронизана идеей историзма, О. Н. Бётлингку, несомненно, импонировали мысли В. Гумбольдта о языке как о деятельности, как об организме, находящемся в постоянном движении и совершенствовании⁵⁵.

В связи с этим находили у О. Н. Бётлингка поддержку и идеи Г. Штейнталя, делавшего упор на внутреннюю форму языка, обнаружи-

⁵¹ См.: О. Н. Бётлингк. О языке якутов, стр. 377.

⁵² Там же, стр. 409.

⁵³ Там же, стр. 411.

⁵⁴ Там же, стр. 413—415.

⁵⁵ См.: Т. А. Амирова, Б. А. Ольховников, Ю. В. Рождественский. Очерки по истории лингвистики, стр. 326—352.

вающую духовное начало народа. Говоря о необходимости выявлять внутренние «логические» признаки языка, О. Н. Бётлингк ссылается на следующие слова Г. Штейнталя: «Определять признак для деления языков надобно, прежде всего и предпочтительно перед всем, по духу языка (*innerer Sprachsin*) и по произведению его — внутренней форме, то есть по языковым категориям, грамматическим формам, образуемым в сознании народа, или по формам, в каких народ представляет себе свои воззрения»⁵⁶. Это высказывание перекликается и с мнением В. Гумбольдта о том, что «понятие формы языка открывает исследователю путь к постижению тайн языка и выяснению его природы...», иначе «отдельные факты будут представляться разъединенными там, где в действительности их соединяет живая связь... Посредством описания формы следует установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык и народ, говорящий на нем»⁵⁷.

О. Н. Бётлингк, принимая в целом идеи о внутренней форме языка и осмысливая факты якутского языка, естественно, воспринимал критически предложенные А. Поттом и А. Шлейхером типологические критерии. Он, ссылаясь при этом также и на В. Гумбольдта, стремился показать во «Введении» правомерность положения о том, что «формы (то есть грамматические средства. — Д. Н.) во всех языках приобретены, в сущности, одним и тем же путем» и важно только это «приобретение» рассматривать исторически, в его динамике. В таком случае любой язык на определенном этапе своего исторического развития оказывается всегда совершенным для передачи мыслей (здесь О. Н. Бётлингк ссылался на Т. Бенфея), а поэтому странно звучат всякие восхваления, возносимые флективным языкам, якобы самым совершенным. Оценка подобных высказываний у О. Н. Бётлингка всегда исполнена едкого сарказма.

Книга О. Н. Бётлингка «О языке якутов» была первым в науке трудом, где автор, опираясь прежде всего на идеи В. Гумбольдта, пытался при описании одного из алтайских языков найти в нем и осмыслить в типологическом плане те черты, которые отражали именно специфику этого языка, его сущностные свойства как одного из агглютинативных языков, то есть осознать дух языка, его «внутреннюю форму». Это был первый опыт, во многом еще мало совершенный и не всеобъемлющий, однако автор выражал надежду, что его «пример найдет подражание у будущих исследователей языков, и таким образом мало-помалу проложится путь к физиологическому делению языков»⁵⁸. О том, что сам автор смог проникнуть в дух якутского языка, свидетельствует научная жизнь этого классического труда.

Это был также первый труд, в котором специалист по конкретному языку, обратившись к основам типологической классификации языков, ясно показал, что последняя оказывается несостоятельной, или, лучше сказать, неполной, если базируется на таком, видимо, вторичном производном и внешнем явлении, как языковая техника, а не на внутренних, сущностных признаках конкретных языков. Так поступали впоследствии и другие тюркологи, когда они касались этих вопросов. Вторым после О. Н. Бётлингка был В. В. Радлов, приведший весьма схожие аргументы, уже опираясь на большой массив тюркских языков, изученных им. Были и другие ученые, как бы следующие линии О. Н. Бётлинг-

⁵⁶ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 411, прим. 61. В подлиннике: *H. Steinthal. Die Classification der Sprachen dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin, 1850, стр. 71.*

⁵⁷ Цит. по кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I, М., 1960, стр. 75—76.

⁵⁸ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 411.

ка и В. В. Радлова. Достаточно назвать имена А. Боллера, Э. Сепира, К. Грэнбека, Е. Д. Поливанова, Ж. Дени, Н. А. Баскакова, Г. П. Мельникова. Эти же идеи отстаивал и крупнейший лингвист И. А. Бодуэн де Куртене. Но большинство специалистов по общему языкознанию и типологии с завидной настойчивостью предлагали все новые и новые комбинации или способы количественных мерок тех же «внешних» признаков языковой техники. Эти споры двух направлений в типологии продолжаются и в наши дни.⁵⁹

Что касается собственно тюркологических идей О. Н. Бётлингга, то многие из них получили в дальнейшем поддержку и развитие. Критически были восприняты взгляды ученого на аналитические формы глагола в тюркских языках, большинство из которых О. Н. Бётлингк описывал как свободные перифрастические синтаксические сочетания. Высказывалось мнение, что он недооценивал аналитический способ выражения грамматических значений в агглютинативных языках, что было вызвано неточной атрибуцией им глагольных образований в структуре аналитических форм⁶⁰. О. Н. Бётлингк видел в этих глагольных компонентах именные формы (глагольные имена), в то время как современные исследователи расценивают их, как правило, в качестве регулярных форм глагола, которые лишь этимологически восходят к отглагольным именным формам. Несмотря на сложившуюся теперь традицию, этот вопрос все еще вызывает споры среди тюркологов⁶¹. Что касается точки зрения О. Н. Бётлингга, то она отражает существовавшее в те годы воззрение на проблему аналитических образований в языках вообще и вряд ли ученый повинен в том, что эти воззрения в тюркологии (и в алтаистике вообще) были преодолены слишком поздно. Выше не раз обращалось внимание на слабость теоретических изысканий в области алтайского языкознания. Однако среди теоретических и описательных работ, созданных на начальном этапе развития тюркологии, книга О. Н. Бётлингга «О языке якутов» явилась ярким и весьма значимым событием.

⁵⁹ См., например, материалы дискуссий в книгах: «Морфологическая типология и проблема классификации языков», Л., 1954; «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1969.

⁶⁰ См.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 6 и сл.

⁶¹ См., например, материалы дискуссий в книгах: «Вопросы грамматики тюркских языков», Алма-Ата, 1958; «Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках», Баку, 1968; «Аналитические конструкции в языках различных типов», М., 1965.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

В. Г. ГУЗЕВ

ПАРАДИГМА ГЛАГОЛЬНЫХ ФИНИТНЫХ ФОРМ КАК МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

(НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОАНАТОЛИЙСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА)

В основу предлагаемой интерпретации совокупности финитных форм глагола положено представление о том, что один из типов грамматических категорий представляет собой ряд форм, которые объединяются одним общим значением при наличии у каждой из них других значений, отличающих одну форму от другой, и которые выполняют одинаковые или родственные функции в актах коммуникации. Грамматические категории признаются объективно существующими подсистемами, «узлами» грамматического механизма языка¹.

Исследователи традиционно объединяют финитные формы глагола в единый комплекс, связывая с ним понятия: «наклонение», «время», «лицо», «число»².

Несомненно, что все глагольные финитные формы, как и соответствующие именные³, с точки зрения синтаксической объединяет общая способность выступать только в одной функции — в функции сказуемого; с семантической же точки зрения общим для них является то, что каждая форма всегда выражает суждение, то есть мысль, имеющую субъектно-предикатную структуру: субъект (предмет мысли) — предикат (сообщение о предмете мысли). Можно полагать, что для передачи суждения финитная форма должна иметь своим грамматическим значением некий образ суждения, в котором закреплена модель суждения, его двучленная структура.

Сказанное позволяет дать функционально-семантическое определение финитной формы как морфологического средства выражения мысли, облеченной в форму суждения.

Представляется, что такое определение в большей мере затрагивает суть явления, нежели формальное определение, считающее финитными формы, образующиеся с помощью показателей коммутабельных

¹ Подробнее об этом см.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 22—35.

² См., например: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 132—137; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 218—219.

³ См.: В. Г. Гузев. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости. — «Тюркологический сборник. 1976», М., 1978, стр. 235—248.

(то есть взаимозаменяемых) с *-di* (в турецком *geldi* 'он пришел') и располагающихся между лексемой и абсолютным концом предложения⁴.

Предложенное определение позволяет указать на то, что понятия «финитная форма» и «личная форма», строго говоря, нельзя считать тождественными. Существуют тюркские языки — сарыг-югурский и саларский, — которые утратили изменение по лицам и числам во временных формах⁵. Конкретные временные формы в этих языках, безусловно, являются финитными, поскольку каждая из них выражает суждение. Однако субъект суждения не выражен грамматическим лицом. Считать эти формы личными едва ли правомерно.

Подобная картина наблюдается, как известно, в большинстве алтайских языков, где, по словам Г. И. Рамштедта, глагол в финитных формах — безличен⁶. С другой стороны, формы категории принадлежности в тюркских языках являются личными, поскольку указывают на лицо обладателя, но, разумеется, ни в коей мере не могут быть признаны финитными.

В свете сказанного следует подчеркнуть, что все глагольные финитные формы в староанатолийско-тюркском языке, как и в подавляющем большинстве других тюркских языков, являются личными, поскольку всегда представляют субъект одним из трех лиц единственного или множественного числа.

Финитная форма в своем грамматическом значении, по-видимому, содержит прежде всего указание на наличие субъекта и предиката, а конкретное выражение этих компонентов суждения может осуществляться как дополнительным грамматическим значением (лицо и число субъекта в личных финитных формах), так и неморфологическим путем — посредством лексики. При этом лексическое представление субъекта и предиката приводит уже к выражению элементов каких-либо конкретных ситуаций, к передаче смысла.

В отличие от финитных форм именной категории сказуемости, выражающих предикат, содержанием которого является то, что «языковое мышление» (И. А. Бодуэн де Куртене) воспринимает как предмет, глагольные финитные формы выражают в качестве предиката то, что воспринимается как действие.

Естественно, что глагольные финитные формы передают в качестве смысла чаще всего, хотя и не всегда, взаимоотношения предмета, выступающего в качестве логического субъекта, и действия, составляющего содержание того, что сообщается о субъекте.

Поскольку передача взаимоотношений действия и связанных с ним предметов является функцией другой, весьма развитой в тюркских языках глагольной морфологической категории — залога, следует указать на взаимодействие категорий сказуемости и залога в механизме языка.

Финитная форма глаголов в формах основного (пример 1), взаимного (пример 2) и возвратного (пример 3) залогов называет в качестве субъекта предмет — производитель действия (для нас здесь не важно, какие взаимоотношения предмета и действия выражают сами залоговые формы); форма понудительного залога указывает на то, что в качестве субъекта выступает предмет, побуждающий другой предмет к совершению выражаемого глаголом действия (пример 4); форма страдательного залога выступает как средство сигнализации о том, что называемый

⁴ L. Johanson. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkisch-türkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971, стр. 16—17. Ср. также: Г. И. Рамштедт. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957, стр. 81.

⁵ См.: Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева. Язык желтых уйгуров. М., 1966, стр. 25—32.

⁶ Г. И. Рамштедт. Указ. раб., стр. 81.

в качестве субъекта предмет есть объект непосредственного, прямого воздействия со стороны действия (пример 5):

1) *Jedi jyl jagmur jagar, otlar bitä, Bollyk ola, bata cihän ni'mätä* (ЮЗ, 49) 'Семь лет будут идти дожди, расти травы, настанет изобилие, мир будет блаженствовать';

2) *Bän säni sävdügümi söjläšür xäs ü 'äm* (ЮЭ, 141a) 'О том, что я тебя люблю, говорят (все) знать и чернь';

3) *Yšq kušagyn kušangyl, döstuñ jolyny varyy!* (ЮЭ, 147a) 'Опясай себя поясом любви, иди дорогой, ведущей к другу (т. е. к богу)';

4) *Kamuñuzy ol damudan gäcürä, Ucmak içrā šärbätindän içürä* (СВ, II, 150). 'Всех вас он проведет через ад, В рай даст вам отвесть своего шербега';

5) *Kim sini bir bilmäjä, žānlar žāny, Oldy gāvur, bojnyña asyldy xāč* (СВ, XIX, 6) 'Тот, кто не познал тебя, о душа душ, Стал неверным, на его шею был повешен крест'.

В соответствии с тем, что к числу обязательных признаков законченного высказывания относится модальность⁷, выражение модальностей является одной из важных функций финитных форм. Глагольная категория сказуемости резко отличается в этом плане от соответствующей именной, возможности которой ограничены только выражением изъявительной, субъективной и условной модальностей⁸, тем, что ее формы выражают более широкий круг модальных значений.

Ввиду неоднозначности лингвистических терминов «наклонение» и «модальность», необходимо подчеркнуть, что в настоящей работе под наклонением понимаются глагольные категории, служащие для выражения модальностей⁹. Что же касается термина «модальность», то следует признать, что современное языкознание еще не выработало однозначного четкого представления о природе модальности¹⁰. Этот термин наиболее часто используется в двух значениях: 1) отношение содержания высказывания к действительности; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания и его достоверности¹¹. В. З. Панфилов¹² предлагает различать субъективную модальность как указание на характер отнесенности содержания высказывания к действительности (например, значения, указывающие на степень достоверности содержания предложения с точки зрения говорящего и выражаемые в русском языке модальными словами «может быть», «вероятно», «по-видимому» и т. п.) и объективную модальность как указание на «характер отражаемых в содержании предложения объективных связей»¹³ (например, значение условного и сослагательного наклонений).

Существует также традиция трактовать значение модальности еще более широко, то есть считать модальными значения приказа или предписания (повелительное наклонение), вопроса, желания, намерения,

⁷ Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., 1965, стр. 93—94.

⁸ См.: В. Г. Гузз. Парадигма финитных форм имен как категория сказуемости, стр. 243—244.

⁹ Ср., например: О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 363; В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 183.

¹⁰ Ср. В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 183.

¹¹ Ср., например: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 237; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словачким. Морфология. Часть вторая. Братислава, 1960, стр. 470; Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978, стр. 324—325.

¹² В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 186—200.

¹³ Там же, стр. 193.

необходимости, обязательности, уверенности, возможности и т. п.¹⁴. Достаточно вспомнить списки «модальных» глаголов в грамматиках германских языков. По мнению В. З. Панфилова, такие глаголы не выражают модальной характеристики предложения¹⁵.

Учитывая состояние вопроса о понятии «модальность», представляется целесообразным при выделении наклонений глагола в староанатолийско-тюркском языке следовать сложившимся в тюркологии традициям.

Глагольные финитные формы в староанатолийско-тюркском языке в зависимости от выражаемых ими модальностей представляется целесообразным объединить в пять групп, каждую из которых следует рассматривать как соответствующее наклонение. Наклонением, в соответствии с утвердившейся в тюркском языкознании традицией, здесь признаются лишь такие финитные глагольные формы, в которых модальное значение выступает как первичное по отношению к временному значению и как общее, присутствующее во всех временных формах данного наклонения. Эта семантическая особенность наклонений находит отражение и в порядке аффиксации в формах тех из них, которые имеют специальный показатель — носитель модального значения: в них показатель с временным значением следует за показателем, имеющим модальное значение (ср. турецкие формы долженствовательного наклонения, отсутствующего в староанатолийско-тюркском языке: *git-meli-yim* 'я должен идти' и *git-meli-ydim* 'я должен был идти'; см. также приводимые ниже примеры староанатолийских форм прошедшего времени условного наклонения).

Изъявительное наклонение не имеет своего материального показателя. По-видимому, будет правильно говорить, что оно конституируется всем набором временных форм, служащих «для простого констатирования, утверждения или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем»¹⁶, то есть сигнализируют о полном соответствии (с точки зрения языковых значений, а не реального положения вещей) содержания высказывания внеязыковой реальности. Сделанная в скобках оговорка направлена против точки зрения, согласно которой формы, выражающие будущее время, следует исключать из состава времен индикатива на том основании, что они якобы выражают всегда идеальное действие¹⁷. Эта точка зрения по сути дела подменяет грамматическое значение изъявительного наклонения оценкой соотношения содержания высказывания и внеязыковой реальности с позиции постороннего наблюдателя. Слова в финитных формах, выражающих изъявительную модальность, могут сообщать и о действительных событиях, и о вымышленных, о реальных и идеальных, но все это не имеет, видимо, никакого отношения к соответствующему модальному значению как к элементу языкового механизма.

Изъявительное наклонение староанатолийско-тюркского языка представлено многочисленным рядом простых и сложных временных форм. Среди них есть формы, ставшие полноправными членами этого ряда [формы *-di*, *-myš*, *-(j)a*, *-(A)r*¹⁸, *-(j)ysar*, *-dy idi*, *-myš idi*, *-(A)r idi*, *-myš dur(ur)*], а также формы, лишь спорадически используемые как финитные и выражающие временные значения [*-(j)asy*, *-(j)acak*], есть конструкции [деепричастие *-(j)A* + глагол *dur-*, деепричастие *-(j)A* +

¹⁴ См.: Дж. Лайонз. Указ. раб., стр. 324—327.

¹⁵ В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 181.

¹⁶ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание второе. М., 1972, стр. 462.

¹⁷ L. Johanson. Указ. раб., стр. 18.

¹⁸ Заглавная буква обозначает гласный любого качества.

глагол *jory-/joru-* или глагол *dur-*], подвергшиеся грамматикализации и находящиеся на пути превращения в самостоятельные временные формы¹⁹.

Три формы этого ряда (*-myš*, *-(j)a*, и *-(A)r idi*) способны выражать не только временные характеристики действия и изъявительную модальность, но также иные значения.

Форма на *-myš* имеет, видимо, два значения — перфектное, то есть указание на то, что действие имело место в прошлом, но результат его присутствует в настоящем (пример 1), и указание на то, что говорящий не был свидетелем того, как действие происходило (пример 2):

- 1) *Söjlä dälü olmyşam bilmäzin dündän günü* (ЮЭ, 201a)
'Я стал таким безумным, что не отличаю дня от ночи';
- 2) *Döndi Jüsuf söjlädi Zälîxāja:*
Cok âmāk cäkmišsin uş bu sārāja (ЮЗ, 33)
'Обернулся Юсуф, сказал Зелихе:
'(Оказывается) ты много труда вложила в этот дворец'

Материал позволяет полагать, что эти два значения формы на *-myš* имели разное выражение в 3-м лице: значение перфекта передавалось сложной формой *-myš dur (ur)* (пример 1), а значение неочевидности — формой без материального показателя лица (пример 2):

- 1) *Kim any görä, bini görmişdür ol,*
Kim any sora, bini sormyşdur ol (СВ, II, 136)
'Кто видит его, тот увидел меня,
Кто спрашивает о нем, тот спросил обо мне';
- 2) *Bülbül dâ 'aşıq olmyş kyzyl gülün jüzinä* (ЮЭ, 1536)
'(По рассказам) соловей тоже влюбился в лик красной розы'.

Очевидно, речь идет о двух категориях, имеющих парадигмы, различающиеся только формами 3-го лица: *-myš dur (ur) (lar)* и *-myš(lar)*.

Первая из них — перфект, место которого в ряду других временных форм индикатива.

Другая — категория, именуемая в грамматике турецкого языка «прошедшим субъективным (прошедшим неочевидным) временем»,²⁰ обозначается Р. Якобсоном, опирающимся при этом на материал болгарского языка, термином «засвидетельствованность» (английское *evidential*)²¹. В этой форме отчетливо выделяются два значения: временное (прошедшее время) и модальное (указание на то, что говорящий не был свидетелем события и сам не является источником сообщаемых сведений).

Если попытаться выяснить семантическую структуру этой финитной формы, то схематически ее, видимо, можно представить следующим образом: название действия + залоговое значение + (отрицание) + отнесение действия в план прошлого + значение заглазости (= содержание предиката) + лицо логического субъекта.

Необходимо подчеркнуть, что отчетливо выделяемое временное значение формы на *-myš*, предшествование этого значения модальному — ставит ее в ряд форм индикатива, не позволяя рассматривать ее как самостоятельное наклонение. Однако модальный компонент значе-

¹⁹ Подробнее о временных формах индикатива см.: В. Г. Гузев. Староосманский язык., М., 1979, стр. 58—63.

²⁰ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 231—233, §§ 467, 468.

²¹ Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 101, 106.

ния этой формы сближает ее с другими формами «глагольных модальностей», которые, как будет показано ниже, имеют подобную семантическую структуру.

Форма на $-(j)a$ — чрезвычайно употребительная финитная форма²². Она имеет по меньшей мере два значения — временное и модальное. Во временном плане она выражает «непрошедшее действие с неразличением плана настоящего и будущего в самой форме», но не передает «настоящего актуального, то есть совпадающего с моментом речи»²³ (см. пример с адресом СВ, II, 136 на стр. 71). Кроме того, она способна выражать модальные значения намерения, желания, заинтересованности говорящего в действии: *Bäri gäl baryşalum; jad isân bilişälüm* (ЮЭ, 161a) 'Приди, давай найдем общий язык, если ты незнакомец, давай познакомимся'.

Есть основания считать, что в случае с формой на $-(j)a$ речь также идет о двух категориях, имеющих очень близкие, но не совпадающие парадигмы личных форм²⁴. С наибольшей вероятностью можно полагать, что в 1-м лице множественного числа временная парадигма имеет форму $-(j)avuz$ [например: *Nä ki bu jola verävüz jüz apuñ bigi alavuz* (СВ, XVI, 8) 'То, что мы пожертвуем ради этого пути, получим в стократном размере'], а парадигма, которую следует рассматривать как желательное наклонение, имеет форму $-(j)alum$ (см. приведенный выше пример).

Необходимо иметь в виду, что сочетание значения будущего времени и отмеченных модальных значений в одних и тех же элементах наблюдается во многих языках мира²⁵.

Сложная форма на $-(A)r + idi \sim -(A)rdy$ производна от формы на $-(A)r$. Последняя указывает на то, что действие является «непрошедшим», то есть настоящим (при этом она способна передавать и действие «актуальное», протекающее в момент сообщения) или будущим²⁶. Сочетание этой сложной по своему временному значению формы с показателем *idi*, имеющим значение прошедшего времени, имеет следствием то, что форма на $-(A)rdy$, с одной стороны, имеет чисто временное значение, указывая на то, что действие протекало в плане прошедшего времени [в какой-либо конкретный момент или на протяжении длительного времени (примеры 1, 2)], с другой — значение сослагательной модальности (см. ниже):

- 1) *Erdi Ja'qūb ävinä ol 'arabī,*
Cağurur idi: kañu Ja'qūb nābī? (ЮЗ, 46)
 'Тот араб пришел к дому Якуба,
 Он звал: «Где пророк Якуб?»'

²² См.: Э. А. Грунина. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII—XVI вв. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 89—90; *ее же*. Форма времени на *a/e* по памятникам турецкого языка. — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова». М., 1966, стр. 28—36; *ее же*. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении). Автореф. докт. дисс., М., 1975, стр. 39—40.

²³ Э. А. Грунина. Соотношение форм настоящего и будущего времени, стр. 89—90.
²⁴ Э. А. Грунина. Форма времени на *a/e* по памятникам турецкого языка, стр. 28—35; S. Kleinmichel. Untersuchungen zu phonologischen, morphophonologischen und morphologischen Problemen im Marzubān-nāme. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades doctor philosophiae. Berlin, 1970, стр. 307—312.

²⁵ Достаточно указать на английские служебные глаголы *will* и *shall*, которые были некогда чисто модальными, а ныне, сохраняя способность выражать модальные значения, участвуют также в образовании форм будущего времени. См.: например: Дж. Лайонз. Введение в теоретическую лингвистику, стр. 328.

²⁶ См.: Э. А. Грунина. Соотношение форм настоящего и будущего времени, стр. 91—95.

2) Tāñridān hār gūn bunūñ gibi bālā dūrlū dūrlū gālūr idi
anlara (CB, II, 36)

‘Самые разные беды, подобные этой, обрушивались на них
каждый день от бога’.

Формы простых времен изъявительного наклонения способны служить базой для образования более сложных форм с дополнительным модальным значением. Эти формы образуются с помощью показателя *-(i)miš*, выражающего заглазность (засвидетельствованность), неочевидность, и *-(i)sā*, носителя условной модальности. Присоединяясь к временным основам (а иногда и к личным формам времен, то есть следуя за личным аффиксом), эти аффиксы привносят в глагольную финитную форму свое модальное значение. Например: *Bunda biliš olan cānlar anda bilišūrlār imiš* (ЮЭ, 126a) ‘Души, знакомые здесь (то есть в этом мире), говорят, знакомятся там (в том мире)’; *Gidār imiš bunda gālān, dūnja iši cūmlā jalan* (ЮЭ, 205a) ‘Оказывается (каждый), кто приходит сюда, уходит (из этого мира), все мирские дела — ложь’; *Bir dāmlūc bagyşlady, qyjmatini safar isām jetmājā Mysyr altuny* (ЮЗ, 47) ‘Он подарил мне браслет, если я продам (его и запрошу) его стоймость, египетского золота не хватит (чтобы за него заплатить)’; *Susadunşa bardaka bakma, su iç* (CB, II, 93) ‘Если (уж) ты захотел пить, (то) не смотри на стакан, а пей воду’.

Важно подчеркнуть, что в этих формах та самая семантическая структура (последовательность значений), которую мы констатировали для прошедшего времени на *-muş*, находит внешнее выражение в последовательности соответствующих аффиксов: *bil-* (действие) + *-iş* (за-лог) + *-ig-* (время) + *-lār* (лицо-число) + *imiš* (модальность) (см. первый из приведенных примеров).

По-видимому, такие формы имеют два модальных значения. Одно — изъявительное, возникающее в результате помещения действия в какой-либо временной план, выражения временных характеристик действия, другое — субъективное или условное — выражаемое соответствующим аффиксом. Можно думать, что охарактеризовав действие с временной точки зрения, говорящий придает ему реальный конкретный характер и тем самым достигает выражения изъявительной модальности, то есть указания на совпадение содержания высказывания и внеязыковой реальности (это особенно отчетливо наблюдается при анализе форм прошедших и настоящих актуальных времен). Модальные значения, привносимые названными аффиксами, вполне совместимы с изъявительной модальностью, с реальным характером описываемого события, что видно и из приведенных выше примеров: ‘говорят, души знакомятся’; ‘оказывается (каждый) уходит’; ‘если я продам (то есть совершу вполне возможное действие)’; ‘если (уж) ты захотел пить’.

Изложенная семантическая структура анализируемых форм свидетельствует о том, что они, с одной стороны, не могут, как и прошедшее субъективное время (см. выше), рассматриваться в качестве самостоятельных иосвенных наклонений (ибо главными и первичными в них являются значения времени и изъявительной модальности), с другой стороны, в силу тех же причин должны рассматриваться в числе форм изъявительного наклонения.

К числу наклонений тюркского глагола тюркологическая традиция относит формы, выражающие непосредственное повеление, приказ — повелительное наклонение. В староанатолийско-тюркском языке это наклонение представлено формами, образуемыми следующими аффиксами:

Единственное число

Множественное число

1-е лицо —
 2-е лицо *Ö* или *-gyl*
 3-е лицо *-sun*

-(j)alım (?),
-(u) η (uz)
,-sunlar²⁷.

Подобно изъявительному наклонению, повелительное наклонение как категория конституируется всем набором личных форм, но в отличие от изъявительного, оно имеет только личные и совсем не имеет временных форм.

В лингвистической литературе имеются диаметрально противоположные взгляды на место императива в системе языка.

В. В. Виноградов считал, что интонация, «синтаксическое значение» и морфологическое строение выделяют повелительное наклонение из общей системы русского глагола, что последнее находится на периферии глагольной системы и стремится отпасть от нее, поскольку его притягивают междометия²⁸. Как В. В. Виноградов, так и Р. Якобсон²⁹ находят удачным идущее еще от К. С. Аксакова сопоставление основной формы повелительного наклонения со звательным падежом имен существительных. А. П. Володин и В. С. Храковский, основываясь на материале агглютинирующих языков, решительно исключают императив из сферы наклонения, поскольку он, по их наблюдениям, отличается от всех косвенных наклонений как формально (его парадигма имеет меньше личных форм), так и в содержательном плане: выполняет не коммуникативную, а апеллятивную функцию³⁰.

В тюркском языкознании, в котором, как было сказано, утвердилась традиция рассмотрения императива в качестве наклонения, Х. Г. Нигматовым была высказана точка зрения, согласно которой при выражении побуждения к действию имеет место максимальная выраженность отношения действия к действительности, что и приводит к нейтрализации категории времени, а в изъявительном наклонении выражение отношения действия к действительности нейтрализуется, и это наклонение имеет развитую систему временных форм³¹. Нетрудно заметить, что эта точка зрения, в противоположность приведенным выше, усматривает в императиве наиболее типичное наклонение, в котором концентрированно представлено значение «отношение действия к действительности» (ср. приведенное выше распространенное определение модальности: «отношение содержания высказывания к действительности»).

Едва ли можно считать убедительными как доводы в пользу исключения императива из числа наклонений, так и стремление видеть в нем наиболее модальное наклонение. Его интонация, «дефективность» парадигмы, соответствуют прежде всего его значению и функции в языке. Если мы признаем волеизъявление, повеление, приказ модальным значением, то это, по-видимому, должно быть принято в качестве решаю-

²⁷ См.: В. Г. Гузев. Староосманский язык, стр. 63—64, § 131.

²⁸ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 464.

²⁹ Там же; R. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. — «Charisteria Guilelmo Mathesio Quinquagenario a discipulis et circuli lingvistici pragensis sodalibus oblata». Praga, 1932, стр. 80.

³⁰ А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение). — «Проблемы лингвистической типологии и структуры языка». Л., 1977, стр. 52—53.

³¹ Х. Г. Нигматов. Морфология тюркского глагола по материалам словаря Махмуда Кашгарского. Автореф. канд. дисс., Л., 1970, стр. 22.

щего довода в пользу того, что императив есть наклонение. Даже если признать, что императив выполняет аппеллятивную функцию, нельзя отрицать того, что для выражения побуждения необходима передача информации, осуществление коммуникации. Следовательно, едва ли правомерно утверждать, что императив не выполняет коммуникативной функции. С другой стороны, утверждение, что в императиве максимально выражено отношение действия к действительности, а в индикативе выражение этого отношения нейтрализуется, представляется априористичным, умозрительным, ибо императив служит выражению повеления, а не отношения действия к действительности, но в индикативе это отношение весьма ясное и определенное. Скорее всего мы будем ближе к истине, если зададимся простым вопросом: надо ли говорящему характеризовать действие с временной точки зрения, если он отдает приказ? Отвечать на этот вопрос, видимо следует отрицательно, и в этой «логике» взаимоотношений названных значений, в их онтологии скорее всего и надо искать объяснение несовместимости императива и категории времени. Впрочем, эта несовместимость едва ли является абсолютной, поскольку на любом языке можно сказать «приходи завтра», а в турецком языке встречаются случаи употребления императива с показателем прошедшего времени (*i)di*: *Evliydi, hocası vardı, o düşünsündü ne olacağı* (М. С. Anday. *Aylaklar*. Sofya, 1966, стр. 172) 'Она была замужем, у нее был муж, ему следовало думать о будущем'.

Важным доводом против исключения императива из числа наклонений в исследуемом языке является то, что имеются факты, свидетельствующие об известном родстве императива и желательного наклонения (оптатива).

Материал показывает, что парадигмы императива и оптатива, как и в современном турецком языке³², имеют общий член — форму 1-го лица множественного числа [на *-(j)alum*]. В следующем примере эта форма использована в одном контексте с формами повелительного наклонения 3-го лица:

Ol diläsün täñridän gerü bizi,
Sel käsilsün, bulalum jolumuzy (ЮЗ, 17)

'Пусть он (Юсуф) вернет нам расположение божие
(буквально: испросит нас у бога назад),
Пусть прекратится поток, пусть мы отыщем наш путь'.

Широко известен также факт смещения форм оптатива и императива в современном турецком и гагаузском языках при использовании их в функции сказуемого придаточных предложений [*Istiyorom ki gelsin* 'Я хочу, чтобы ты пришел' (оптатив); *Istiyorom ki gelsin* 'Я хочу, чтобы он пришел' (императив)].

Обнаруживаемое морфологическое и синтаксическое родство императива и оптатива является, несомненно, следствием семантического родства этих категорий — обе выражают волеизъявление, отличаясь друг от друга степенью категоричности, характером волеизъявления. Эта разница в значениях обоих наклонений, видимо, нейтрализуется в формах 1-го лица множественного числа.

Ряд глагольных финитных форм, образуемых с помощью аффикса *-sa-*, снабженного личными показателями, конституирует категорию условного наклонения.

³² См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 219, § 445.

Единственное число

Множественное число

1-е лицо *-sam*
 2-е лицо *-saŋ*
 3-е лицо *-sa*

-savuz,
-saŋuz,
-salar.

В отличие от форм рассмотренной выше условной модальности изъявительного наклонения, при образовании форм наклонения названный аффикс присоединяется непосредственно к основе глагола.

В семантическом плане с помощью этих форм достигается представление выражаемого глаголом действия, лишенного временной характеристики, в качестве условия, при котором может иметь место какое-либо иное событие, что и составляет грамматическое значение этой категории. Именно отсутствие временного значения делает наклонение индифферентным к таким характеристикам условия, как реальность и нереальность, что позволяет выражать с его помощью в качестве смыслов как условия вполне реальные, передаваемые и с помощью форм условной модальности (см. пример 1, в котором формы наклонения и модальности употреблены в одном контексте), так и абстрактные, допустимые, потенциальные (пример 2) и даже нереальные условия (пример 3). Примеры:

1) *Baksam — sāni görür gözüm, söjlärisām — sānsin sözüüm* (ЮЭ, 876) 'Если я смотрю — тебя видят мои глаза. если я говорю — ты — мои слова'.

2) *I zül-žäläl, biŋ bānūm bigi jaratsaŋ nā muḥāl?* (ЮЭ, 2a) 'О величавый, если бы ты сотворил тысячу (таких), как я, что (в этом) невероятного?'

3) *Jā ilāhī, gār sū'al etsāŋ baŋa, žāvābum išbu idi anda sana* (ЮЭ, 2076) 'О боже, если бы ты спросил меня, моим ответом там было бы вот это'.

Указанное грамматическое значение условного наклонения позволяет выражать в качестве смысла также желание (пример 1) и даже долженствование (последнее во взаимодействии со словом *gārāk* 'надо', пример 2). При этом форма наклонения выступает в функции сказуемого самостоятельного предложения:

1) *Gānzā ugrasam deĵān izlāsūn azyn azyn* (ЮЭ, 151a) 'Пусть тот, кто говорит: «Если бы мне достичь сокровища!» — потихоньку стремится к нему'.

2) *Mūsūlmān deĵān kiši šarty nādūr bilsā gārāk. Tāŋrinūn bujrugyn dutup beš vaqt namaz kylsa gārāk* (ЮЭ, 108a) 'Человек, который считает себя мусульманином, должен знать, каково условие этого (т. е. чтобы быть мусульманином). Следуя повелению бога, он должен пять раз совершать намаз'.

Многочисленны случаи использования формы этого наклонения в конструкциях с вопросительными местоимениями для выражения обобщения:

Hasūd āli anuḥčūn ermāz iṣā:

Kimā kim kuĵy kazsa gāndū dūšā (ЮЭ, 31a)

'Вот почему жадный не достигает своего:

Кто кому роет колодец, сам [в него] падает'.

Сложная форма, образуемая путем присоединения к форме условного наклонения показателя прошедшего времени (*i*)*di-*, имеет такое грамматическое значение (указанное значение наклонения, перенесенное в план прошлого), которое позволяет подчеркивать нереальность выражаемого условия: *Türkčā bilsā idūm ājdā idūm bān sizā, syrlary*

kim, tənridän dägdi bizä (CB, II, 97) 'Если бы я знал по-тюркски, я поведал бы вам тайны, которые достались нам от бога'.

В изучаемом языке имеется ряд сложных глагольных финитных форм, указывающих на то, что действие, выражаемое глагольной основой, должно было или могло бы совершиться, но в действительности не совершилось. Иными словами, значением этих форм является сослагательная модальность³³, характеризующаяся, как известно, указанием на несоответствие содержания высказывания действительности.

Важно отметить, что такое значение является результатом взаимодействия двух временных значений — будущего и прошедшего, носителями которых являются аффиксы, составляющие эти сложные формы. Первым выступает один из аффиксов, способных выражать будущее время чаще $-(j)a$, $-(A)r$ (соответственно $-maz$), и реже $-(j)ysar$, $-(j)asy$, за ним следует показатель прошедшего времени $(i)di$, снабженный аффиксом соответствующего грамматического лица. Примеры: Kaški juzini göñicäk öläjdüm (ЮЗ, 31). 'Лучше бы я умерла, увидев его лицо'; Ağar görsäjdün gändü zävälün, kimsänä anmaga kalmazdy ħälün (ЮЭ, 51a) 'Если бы ты увидел собственную смерть, у тебя не осталось бы сил помнить о ком-нибудь (кроме бога)'; ...bän gizlāmäjisärdüm (М, 57 б) '...я бы не утаил'; ...sänünilä xijänätlykda ortak olasydum (КД, 59) '...я стал бы соучастником твоего предательства'.

Аналогичная в семантическом плане модель образования форм, выражающих сослагательную модальность, выступает и в современном турецком языке: аффиксы $-(A)r$ или $-(y)acak$ + показатель $(i)di$ с личным аффиксом³⁴.

Выражение сослагательной модальности путем «сталкивания» элементов, имеющих значение будущего времени, и элементов со значением прошедшего времени — явление, широко распространенное и за пределами тюркских языков. Достаточно вспомнить, что в английском языке один из способов образования сослагательного наклонения состоит в употреблении в форме прошедшего времени глаголов *will* и *shall*, служащих для образования форм будущего времени (ср.: *I shall be glad 'Я буду рад'. I should be glad 'Я был бы рад'*). Аналогичное явление имеет место и в болгарском языке: *Аз ще отида 'Я пойду' — Аз щях [прошедшее время] да отида 'Я бы пошел' и т. д.*

Приведенное «аналитическое сравнение», то есть сопоставление материалов в данном случае различных по строю языков³⁵, свидетельствует о целесообразности истолкования рассматриваемых старозанатолийских форм как форм сослагательного наклонения.

Важно подчеркнуть, что открытым остается вопрос, имеет ли каждая из названных форм, помимо общего для всех значения сослагательной модальности, какое-либо свое индивидуальное значение, отличающее ее от других форм, или же все они синонимичны? Если дальнейшее изучение материала покажет, что эти формы синонимичны, у нас не будет оснований говорить, что они составляют грамматический ряд.

Все сказанное можно резюмировать следующим образом:

1. Грамматическим значением любой финитной формы является, по-видимому, некий образ суждения, то есть такой, в котором закреплена модель суждения: предмет мысли (субъект) — сообщение о предмете мысли (предикат).

³³ Ср.: В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 191.

³⁴ Примеры см.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 529—531, §§ 1061 (пункт 3), 1063.

³⁵ См.: В. Матезиус. Попытка создания тесной структурной грамматики. — «Пражский лингвистический кружок», М., 1967, стр. 196.

2. Необходимо отказаться от попыток формального определения финитной формы глагола. Предлагается функционально-семантическое определение: финитная форма есть морфологическое средство выражения мысли, имеющей субъектно-предикатную структуру, то есть — суждения.

3. Глагольные финитные формы в староанатолийско-тюркском языке являются личными, поскольку всегда представляют субъект одним из трех лиц единственного или множественного числа. Имеются языки, финитные формы которых некорректно именовать личными.

4. В суждениях, передаваемых глагольными финитными формами, в качестве предиката выступают действия и все то, что языковое мышление истолковывает как действие, то есть то, что составляет грамматическое значение глагола.

5. Общность грамматического значения, выполняемой в механизме языка функции, а также синтаксической функции объединяет все финитные формы в обширный грамматический ряд, в морфологическую категорию, которая в настоящей работе именуется глагольной категорией сказуемости.

6. Глагольная категория сказуемости имеет иерархическую структуру. Внутри нее вычленяются категории наклонений: изъявительное, повелительное, желательное, условное, сослагательное. Наиболее многочисленным является ряд форм, конституирующий изъявительное наклонение. Он распадается на ряды, составляющие богатый набор временных категорий (простых и сложных). Формы простых времен способны выступать в качестве основ, от которых образуются сложные формы с дополнительным значением субъективной или условной модальностей. К последним тесно примыкает по своей семантической структуре прошедшее время на *-muş*.

7. Глагольная категория сказуемости, как и упоминавшаяся выше именная категория принадлежности, не является облигаторной: она используется только тогда, когда действие необходимо представить как содержание сообщения (предикат) о каком-либо предмете мысли (субъекте), или, с синтаксической точки зрения, когда глагол выступает в функции сказуемого.

8. Едва ли целесообразно в ряду категорий, вычленяемых в рамках глагольной категории сказуемости, выделять категорию лица (числа), потому что представление логического субъекта одним из трех лиц единственного или множественного числа является особенностью семантической структуры всех глагольных финитных форм исследуемого языка. Было бы оправданно вести речь о категории лица (числа), если бы в языке были также неличные финитные формы, имеющиеся в некоторых тюркских языках.

9. В наклонениях наблюдается различное взаимоотношение или взаимодействие модальных и временных значений: в изъявительном наклонении временная характеристика действия, по-видимому, и является средством указания на совпадение содержания высказывания и внеязыковой реальности; значение повелительного наклонения в значительной мере несовместимо с временной характеристикой действия; в условном наклонении действие лишено временной характеристики, но перенесением действия, представленного как условие, в план прошедшего времени (форма *-sa + idi*) достигается указание на нереальность условия; путем построения форм, в которых взаимодействуют два временных значения (будущее + прошедшее), достигается выражение сослагательной модальности.

ЦИТИРУЕМЫЕ ПАМЯТНИКИ

- КД — «Kalila vā Dimna» («Калила и Димна»). Издание: Zajaczkowski A. Studja nad językiem staroosmańskim. I. Wybrane ustępy z anatolijskotureckiego przekładu Kalili i Dimny. W Krakowie, 1934.
- М — «Marzubānnāmā» («Книга Марзбача»). Издание: Korkmaz Z. Sadru'd-din Şeyh-oğlu, Marzubān-nāme tercümesi. Inceleme — Metin — Sözlük — Tıpkıbasım. Ankara, 1973.
- СВ — «Тюркские стихи Султана Веледа». Издание: Mansuroğlu M. Sultan Veled'in Türkçe Manzumeleri. İstanbul, 1958.
- ЮЗ — «Jūsuf ü Zulaixā» («Юсуф и Зулейха»). Издание: Dilçin D. Şeyyad Hamza-Yusuf ve Zeliha. Nakl eden: Dehri Dilçin, İstanbul, 1946.
- ЮЭ — стихи Юнуса Эмре. Издание: Gölpınarlı A. Yunus Emre. Risâlat al-Nushiyya ve Divân. Onsöz-Lugat-Açılama İstanbul, 1965.

Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, К. Н. РАХИМОВА.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФОНЕМЫ [а°] В ГОВОРАХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Возникновение фонемы [а°] в узбекском языке — явление позднего периода. Эта фонема в основном присуща лишь фонологической системе городских говоров и развивалась она на базе типично тюркского заднего [а] в различных фонетических условиях¹.

Появление фонемы [а°] в узбекском языке и ее дальнейшее развитие объяснялось как проявление влияния иранского (таджикского) вокализма. Необходимо отметить в связи с этим, что «,,оканье» (наличие э на месте долгого ā) в таджикском языке требует само по себе объяснения².

Что же касается узбекского языка, то явление «āканья» здесь должно быть объяснено как результат фонетической эволюции на основе самого узбекского языка.

Справедливость такой точки зрения подтверждается как материалами других тюркских языков, так и фактами огузских и кыпчакских наречий узбекского языка, в которых ā-канье, возникнув на тюркской почве, могло в дальнейшем закрепиться и получить распространение под влиянием соседних ā-кающих говоров или литературного языка.

Звук [а°] встречается в татарском³, якутском⁴ языках, а также в огузских и кыпчакских наречиях узбекского языка, как позиционный вариант фонемы [а].

Гласный [ā] как самостоятельная фонема выступает в некоторых кыпчакских и огузских группах говоров, преимущественно в первом слоге: *казак-найманск.* (Самаркандская область) и ā-кающих *кураминск.* (Ташкентская область): āt 'лошадь', bār 'есть', āl- 'бери'; qāpat 'крыло', bārma 'есть ли?', qārup 'живот', qāna 'где?', ājlyq 'зарплата', sāyat 'часы'.

¹ См.: В. В. Рещетов. К вопросу об оканье в тюркских языках. — «Известия АН Казахской ССР», вып. 1—2 (8—9), Алма-Ата, 1959, стр. 10—21; Ф. А. Абдуллаев. К вопросу об оканье в узбекском языке. — В сб.: «Узбек диалектологиясида материаллар», I, Тошкент, 1957, стр. 264—267; Ш. Ш. Шаабдурахманов. Узбек адабий тили ва узбек халк шеваляри. Тошкент, 1962, стр. 57—81; А. Г. Гулямев. О сопутствующих явлениях при аффиксации в узбекском языке. — «Научные труды. Вып. 211. Языкознание», Ташкент, 1963, стр. 64—66.

² А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров. — «Известия АН Узбекской ССР», Ташкент, 1953, стр. 70.

³ Л. Т. Махмудова. Опыт исследования тюркских диалектов. М., 1978, стр. 38.

⁴ Е. И. Убрятова. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960, стр. 40.

Как явствует из примеров, звук [a°] независимо от позиции первоначально появился в односложных словах и в первом слоге многосложных слов, а впоследствии распространился на последующие слоги. Функционирование этого звука все расширялось, и через опорные городские говоры он проник в литературный язык.

Материалы ташкентского говора очень хорошо иллюстрируют позиционное распределение *â*-канья, а факты огузских и кыпчакских говоров узбекского языка способствуют выяснению причин возникновения этого интересного фонетического явления.

Появление *â*-канья в узбекских говорах связано в основном со следующими факторами:

1. Влияние губных звуков [v, p, b, m]: *ташаузск.* *tâvaq* 'блюдо', *âvqat* 'пища', *sâv* 'здоров', *âvlaq* 'укромное место', *bâjraq* 'знамя', *mâšyn* 'машина'; *ташкентск.* *qyğân* 'иней', *bârsämiz* > *bârsâvuz* // *bârsâvuzâ* 'если мы пойдем', *bârsämiz* > *bârsâvuz* // *bârsâvuzâ* 'мы пойдем'; *ферганск.* *sâbzi* > *sâvzi* > *sovzi* 'морковь', *brâvdiki* > *brâvdiki* > *brovdiki* 'чей-то'. В последних примерах гласный первого слога произносится с сильной лабиализацией и приближается к среднему [o].

2. Влияние заднеязычных [q, ɣ, x, ŋ]: *ташкентск.* *tārâ* > *tārâq* 'расческа', *qyšla* > *qyşlâq* // *qyşlâɣ* 'село', *sânâ* > *sânâq* // *sânâɣ* 'счет', *xâlyp* > *xâlyp* 'женщина'; *ташаузск.* *âyač* > *âyač* 'дерево', *qanat* > *qânât* 'крыло', *âɣyɣ* > *âɣyɣ* 'тяжелый', *xâɣdar* 'покупатель', *âɣan* 'взял', *tân* 'заря', *sân* (< *salɣ*) 'кладите'.

В заимствованных словах звук [a°] заменил долгий гласный [a:]: *a:lam* > *âlam* 'мир', *sala:m* > *salâm* 'привет'.

Интересное явление наблюдается в джекающих и огузских говорах, где характер *â*-канья отличается не только от литературного языка, но и от *â*-канья в йекающих городских говорах. Ср. примеры:

В джекающих (кыпчакских) и огузских говорах	В литературном языке	В йекающих говорах	Перевод
<i>Казак- найманском:</i> <i>sâry</i> <i>âryq</i> <i>žâman</i> <i>žâqyn</i>	<i>sariq</i> <i>ariq</i> <i>jâman</i> <i>jaqin</i>	<i>saryq</i> // <i>saryɣ</i> <i>aryq</i> // <i>aryɣ</i> <i>jâman</i> // <i>jâman</i> // <i>jamon</i> <i>jaqyn</i> // <i>jaqin</i>	'желтый' 'арык, речка' 'плохой' 'близко'
<i>Янги- курганском:</i> <i>âɣan</i> <i>ârqan</i>	<i>âlgân</i> <i>arqân</i>	<i>âgân</i> // <i>âlgân</i> <i>arqân</i>	'взял' 'аркан'
<i>Ташаузском:</i> <i>tâjaq</i> <i>tâvaq</i> <i>âyač</i> <i>qanat</i> <i>qâjmaq</i> <i>qâjt-</i> <i>âjt-</i> <i>xâɣdar</i> <i>xâjdâ-</i> <i>mâšyn</i> <i>pâxta</i> <i>tâxta</i> <i>qâtty</i>	<i>tajâq</i> <i>tâvâq</i> <i>jâyâč</i> <i>qanât</i> <i>qajmaq</i> <i>qajt-</i> <i>ajt-</i> <i>xaridâr</i> <i>xajdâ-</i> <i>mašina</i> <i>pâxtâ</i> <i>tâxtâ</i> <i>qattiq</i>	<i>tâjâq</i> // <i>tajây</i> <i>tâvâq</i> // <i>tâvaq</i> <i>jâyâč</i> // <i>jâyâč</i> <i>qanât</i> // <i>qânât</i> <i>qajmaq</i> // <i>qajmay</i> <i>qajt-</i> <i>ajt-</i> <i>xardâr</i> <i>xâjdâ-</i> <i>mâšinâ</i> <i>pâxtâ</i> <i>tâxtâ</i> <i>qattyq</i> // <i>qattyɣ</i>	'палка' 'блюдо' 'дерево' 'крыло' 'сметана' 'вернуться' 'сказать' 'покупатель' 'водить' 'машина' 'хлопок' 'доска' 'твердый'

Эти различия произношения звука [â] в узбекских говорах свидетельствуют о разных путях возникновения в них â-канья. Качественная характеристика гласного [â] в ареалах распространения â-канья также различная.

В ферганской группе говоров, в которой наличествуют три типа гласных нижнего подъема [ä, а, â], фонема [â] как правило, произносится при широко раскрытой полости рта и именно этим отличается от обычного заднего [a].

Самаркандско-бухарский тип â-канья отличается от ташкентского, а тем более от ферганского типа своей устойчивостью, в силу сохранения в этих говорах таджикской фонологической системы, в которой фонема [ɔ] является типичным полуоткрытым лабиализованным звуком, приближающимся к [o].

Ср. примеры: bɔr//*ташкентск.* bār 'есть', lola//*ташкентск.* lālā 'тюльпан', ɔra//*ташкентск.* ārā 'сестра', bɔy//*ташкентск.* bāy 'сад', amɔp//*ташкентск.* amāp 'собственное имя', ɔpa//*ташкентск.* āpā//āji 'мать', minɔɔq//*ташкентск.* minčāq 'бусы', ʒɔj//*ташкентск.* ʒāj 'место', tɔŋ//*ташкентск.* tāŋ 'заря', bɔbɔ//*ташкентск.* bābā//buvā 'дед', xɔtun//*ташкентск.*; xātin 'женщина', bɔʃ//*ташкентск.* bāʃ 'голова', xɔla//*ташкентск.* xālā 'тетя', ɔʃ//*ташкентск.* āʃ 'пища, плов'.

Распространение гласного [â] в корнях и морфологических показателях по говорам узбекского языка не одинаково.

Ср. примеры:

- *aC⁵: *ташкентск.* āv 'охота', āt 'лошадь', āz 'мало', āʃ 'пища', āq 'белый', āj 'луна', āl- 'брать'//*ферганск.* āv, āt, āz, āʃ, āq, āj, āl-//в огузских и кыпчакских говорах: *ташаузск., кураминск.* āt, āz, āʃ, āq, āj, āl-//лит. орфогр. ов, от, оз, ош, оқ, ой, ол-;
- *aCC: *ташкентск.* āst 'вниз', āvʒ 'высокий тон (в мелодии)'//*ферганск.* āst, avʒ//āvʒ//*ташаузск.* āst, avʒ//лит. орфогр. ост, авж;
- *aC*a: *ташкентск.* ākā 'брат', ālā 'пестрый', āpā 'мать', āpā 'сестра', ātā 'отец'//*ферганск.* ākā, ālā, āpā, āpā, ātā//*ташаузск.* ākā, āla, āpa, āta//лит. орфогр. ака, ола, она, она, ота;
- C*aC: *ташкентск.* bār 'есть', bāʃ 'голова', bāy 'сад', nāk 'груша', tāʃ 'камень'//*ферганск.* bār (//*андижанск.* bar), bāʃ, bāy, nāk, tāʃ//*ташаузск.* bar, baʃ, bāy, nāk, tāʃ//лит. орфогр. бор, бош, боғ, нок, тош;
- *aC*aC: *ташкентск.* ājaq 'нога', ālav 'огонь', āmāp 'имя собственное'//*ферганск.* ājaq, ālav, āmāp//*ташаузск.* ājaq, ālav, āmāp//лит. орфогр. оёқ, олов, омон.
- *aCC*a: *ташкентск.* ālmā 'яблоко', ālcā 'вишня', ārqā 'спина'//*ферганск.* ālma (//*кокандск.* ālmā), ālcā, ārqā//*ташаузск.* ālma, ālča, ārqā//лит. орфогр. олма, олча, орқа.
- C*aC*a: *ташкентск.* kāsā 'блюдо', tāyā 'дядя', qāgā 'черный'//*ферганск.* kāsā//kāsā, tāya, qāga//qaga//*ташаузск.* kāsa, qāga//лит. орфогр. коса, тоға, қора.
- *aCC*aC: *ташкентск.* āvqāt, 'пища', āsmān 'небо', ājvān 'веранда'//*ферганск.* āvqat, āsmān, ājvān//*ташаузск.* āvqat, āsmān, ājvān//лит. орфогр. овқат, осмон, айвон.

* а — этимологический а, С — согласный звук.

- C*aC*aC:** *ташкентск.* sāmān 'солома', qāzān 'котел', qāvāq 'тыква'//*ферганск.* sāmān, qāzan, qāvaq//*ташаузск.* sāmān, qāzan//*лит. орфогр.* сомон, қозон, қовоқ.
- C*aCC*aC:** *ташкентск.* dāstān 'поэма', pālvān 'силач', šālyām 'репа', qājmaq 'сметана'//*ферганск.* dāstān, pālvan, šālyām//*ташаузск.* dastan, pālvan, šalxam, qājmaq//*лит. орфогр.* достон, полвон, шолғом, қаймақ.
- C*aCC*aC*a:** *ташкентск.* dārvāzā 'ворота', qāhgrābā 'янтарь'//*ферганск.* dārvazā, qahrāba//*ташаузск.* darvaza//*лит. орфогр.* дарвоза, қаҳрабо.
- C*aC*aC*aC:** *ташкентск.* hāšārāt 'насекомое', dārāmāt 'прибыль'//*ферганск.* hāšārāt, dārāmāt//*ташаузск.* daramat//*лит. орфогр.* ҳашарот, даромад.

Лит. орфогр. -роқ, -мқ, -чоқ, -зор, -дош: *ташкентск.* korqāq 'больше', bārgāq 'идти', tājčāq 'жеребенок', tākzār 'виноградник', teṇdāš 'повесник'//*ферганск.* korgaq, bārgaq, tājčaq, tāhzār//*ташаузск.* korqāq, bārgaq, tājčaq, teṇdaš//*лит. орфогр.* кўпроқ, бормоқ, тойчоқ, тоқзор, тендош.

В корнях типа **Ca*Ca*C**, **a*Ca*C**, **a*CC*a** и **C*aCa*** распространение фонемы [ā] в ташкентском говоре более или менее стабильно.

Распространение [ā] по узбекским говорам в корнях типа ***aC*aC**, **C*aC*a**, ***aCC*a** и **C*aC*aC** представляет следующую картину:

1. Тип корня **a*CC*a** выступает в виде **ā*CCa**: *ташкентск., ферганск.* говоры ālmā 'яблоко', āgqa 'спина'. Кокандский говор несколько отличается от говоров ташкентско-ферганского типа. В этом говоре наряду с типом корня **aCCa** (ālmā, āgqa) встречается и тип **āCCa**: āgqa, āšnā (селения Хапалак, Укчи Кокандского района), ālmā (селения Ташкентли гүзар Кокандского района), ср. *бухарск.* ālmā.

2. В типе корня **C*aC*aC** распространение гласного [ā] в ташкентской группе говоров **CaCaC** выглядит следующим образом: sāmān, pāxāl 'солома', bāzār 'рынок', qāzān 'котел', sārāl 'глина', 'глиняный'; а в ферганской группе говоров **CaCaC**: sāmān, pāxal, bāzar, qāzan, sārāl; в бухарской группе говоров **CaCṛC**: samān, paxol, bazor, qazon, sarol.

Распространение фонемы [ā] во втором и последующих слогах слова в соседстве с [q, γ] в ташкентском говоре стабилизировалось, а в ферганской группе говоров отмечено параллельное произношение, то есть то как [a], а то как [ā]; *ферганск.* bulaq//bulāq//bulāy 'источник', ketmaq//ketmāq//ketmāy 'уходить', jaxšyraq//jaxšyrāq 'лучше' и т. д.

Как явствует из примеров, распространение фонемы [ā] в различных говорах проявляется по-разному и свидетельствует о продолжающемся развитии этого процесса.

В ташкентской группе говоров фонема [ā] распространена значительно шире, нежели в других говорах, и ее произношение уподобляется произношению в литературном языке. Функцию этой фонемы в ферганской группе говоров выполняют два гласных звука — [a] и [ā], стало быть, ā-канье здесь распространено в меньшей степени, чем в ташкентских говорах.

В связи с этим необходимо отметить некоторые особенности фонемы [a]. Специфика гласного [a] заключается в сохранении его в соседстве с заднеязычными согласными [q, γ, x], что типично для ферганской группы говоров. Ср. *кокандск.* ajaq//*маргеланск.* ājaq//*ташкентск.* ājāy 'нога'; *маргеланск.* tājaq//*ташкентск.* tajāy 'палка'; *маргеланск.* tāvaq//*ташкентск.* tāvāy 'блюдо'; *ферганск., андижанск., маргеланск.* qušlak//qušlāy//*ташкентск.* qīšlāy 'село'; *ферганск., маргеланск.* qulaq//

qulax//ташкентск. qulây 'ухо'; андижанск., ферганск. bulaq//bulax//ташкентск. bulây 'источник'; андижанск. qapât//ташкентск. qapât 'крыло'; ферганск. kättäraq //ташкентск. kättäraq 'побольше'; ферганск. bergmaq//ташкентск. bergmây 'давать'.

В ферганской группе говоров в близком соседстве с заднеязычными согласными [q, ɣ, x, ŋ] наряду с [a] отмечено также спорадическое употребление и гласного [â]. Итак, в корнях типа *aC, C*a, C*aC распространение [â] в основных своих чертах как в обеих группах говоров, так и в литературном языке совпадает — âC: ât 'лошадь', âĉ- 'открывать', âq 'белый'; Câ: jâ 'или', tâ 'до'; CâC: žâp 'душа', qâp 'кровь', tâm 'крыша', tâl 'ива'. В корнях типа *aC*a, за некоторыми исключениями, наблюдается схема âCa: âta 'отец', âpa 'мать', âla 'пестрый', ср. бухарск. alo.

В корнях типа *aC*aC для ташкентского говора и литературного языка характерны âC âC (âjâq 'нога', âdâĉ 'конец'), в ферганской группе говоров в основном: âCaC (âjaq 'нога', âdaĉ 'конец') и aCaC (ajaq 'нога').

В корнях типа C*aC*a в ташкентском говоре и литературном языке в основном наблюдается схема CâCa (bâla 'ребенок', qâga 'черный'); в ферганской группе говоров, наряду с CâCa (bâla 'ребенок', qâga 'черный'), встречается и тип CaCâ (balâ 'беда', havâ 'воздух').

Тип корня C*aC*aC в ташкентской группе говоров выступает в основном как Câ CâC (râxâl 'солома', qâžâp 'котел', sâqâl 'борода', tâ-tâp 'сторона') и CaCâC (jağâq 'оружие', salâm 'привет'), что полностью совпадает с нормой литературного произношения. В ферганской группе говоров, наряду с CâCaC (sâqal 'борода') встречается и тип CaCaC (jağaq//jağay 'оружие').

В остальных типах корней гласный [â] употребляется в первом слоге слова. Кроме того, в ташкентской группе говоров, также как и в литературном языке, фонема [â] характерна для аффиксов -mâq (образующего имя действия) и -ğâq (образующего сравнительную степень прилагательных) и др.

В ферганской же группе говоров употребление [â] в указанных аффиксах носит спорадический характер [a < > â]: -maq < > -mâq, -ğaq < > -ğâq.

Анализ распространения фонемы [â] в говорах узбекского языка позволяет сделать следующие выводы:

1. В ташкентской и ферганской группах говоров употребление фонемы [â] независимо от позиции отмечается в односложных корнях и в первом слоге многосложных слов.

2. В ташкентской группе говоров размещение фонемы [â] наблюдается в первом, втором и в последующих слогах слова, также как и в некоторых аффиксах, тогда как в ферганской группе говоров употребление [â] в последующих слогах носит спорадический характер.

3. В кыпчакской и огузской группах говоров появление гласного [â] носит позиционный характер и наблюдается только в первом слоге, а в последующих слогах не встречается.

4. Распространение фонемы [â] в литературном языке в основных своих чертах совпадает с распространением в ташкентской группе говоров, что особенно важно для стабилизации орфографических и орфоэпических норм узбекского литературного языка.

Х. Г. НИГМАТОВ, С. Г. ГИЯСОВ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НЕКОТОРЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПРИЗНАК
ПРЕДМЕТА ПО РАЗМЕРУ И ОБЪЕМУ)

В данной статье рассматривается семантическая структура качественных прилагательных, выражающих признак предмета по его размеру и объему. Принципам применения метода компонентного анализа к исследованию качественных прилагательных узбекского языка статья уже посвящалась¹.

Приведенный ниже иллюстративный материал нами целиком заимствуется из недавно вышедшего в свет двухтомного «Толкового словаря узбекского языка» (далее ТС)².

В семаснологической практике узбекского языкознания дифференциация «язык — речь» — основное понятие системной лингвистики — проводится непоследовательно; смешение языковых и речевых явлений (в частности, значений слова) создает значительные трудности при исследовании языка как системы³. Не проводится четкой дифференциации языковых и речевых явлений и в двухтомном «Толковом словаре узбекского языка», в котором многие речевые (контекстуальные) значения слова, в том числе и лексико-семантические варианты слова, указываются как языковые.

В данной статье проводится четкая дифференциация языковых и речевых явлений. Поэтому под термином «семантическая структура слова», «семема» здесь понимаются только языковые явления, а под термином «контекстуальное значение», «переносное значение слова» — явления речевые⁴. Однако речевые значения слова теснейшим образом связаны с его языковым значением. Изучение взаимосвязи этих двух типов значения слова относится к важнейшим задачам узбекского (шире: тюркского) языкознания.

¹ Р. Д. Намазова, С. Т. Гиясов. Применение метода компонентного анализа к изучению качественных прилагательных узбекского языка. — «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 69—76. В этой статье приводилась основная научная литература по компонентному анализу. Условные обозначения в таблицах и понимание сущности нейтрального члена оппозиции в данной статье такие же, как и в названной выше. Поэтому нет нужды в их повторении.

² «Узбек тилининг изоҳли луғати». 2 томлик. М., 1981.

³ См., например: И. Абдурахманов. Полисемия и антонимия прилагательных протяженности в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1973.

⁴ Переносные значения слова, способы их образования подробно исследованы в работах: М. Муртаджиев. Узбек тилида полисемия. Ташкент, 1975; И. Шукуров. Переносные значения слов. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1978.

К лексико-семантической группе (далее ЛСГ) прилагательных, выражающих признак предмета по его размеру и объему (далее ПРО) в узбекском языке, относится ряд внутренних ЛСГ прилагательных, доминантными словами каждой из которых являются следующие антонимические пары⁵:

katta — *kičik* — 'большой — маленький',
baland — *past* — 'высокий — низкий',
čiqur — *sajoz* — 'глубокий — мелкий',
uzun — *qisqa* — 'длинный — короткий',
keng — *tor* — 'широкий — узкий',
qalin — *juvqa* — 'толстый — тонкий'.

Семантическая структура этих доминант на языковом уровне и ее семный состав приведены в таблице 1⁶.

Таблица 1

Семы прямых значений ПРО

Семы слова	физи- чность	мер- ность	размер- ность	Степень признака		Параметральность					Поверх- ность
				боль- ше нормы	мень- ше нормы	вертикаль- ность поверхности		гори- зон- таль- ность	из параметр.		
						вверх	вниз		наиболь- ший	наимень- ший	
1. Katta	+	+	+	+	—	○	○	○	○	—	○
2. Kičik	+	+	+	—	+	○	○	○	—	○	○
3. Baland	+	+	+	+	—	+	—	—	—	—	—
4. Past	+	+	+	—	+	+	—	—	—	—	—
5. Čuqur	+	+	+	+	—	—	+	—	—	—	—
6. Sajoz	+	+	+	—	+	—	+	—	—	—	—
7. Uzun	+	+	+	+	—	○	—	○	+	—	—
8. Qisqa	+	+	+	—	+	○	—	○	+	—	—
9. Keng	+	+	+	+	—	—	—	+	—	—	+
10. Tor	+	+	+	—	+	—	—	+	—	—	+
11. Qalin	+	+	+	+	—	○	—	○	—	+	+
12. Juvqa	+	+	+	—	+	○	—	○	—	+	+

Из таблицы явствует, что дифференциальными признаками ПРО являются семы «мерность», «размерность», «параметральность» (и ее частные подсеммы «горизонтальность», «вертикальность», «вверх от поверхности», «вниз от поверхности», «наибольший/наименьший из пара-

⁵ Оперирование только доминантными словами каждой ЛСГ обусловлено тем, что слова всех ЛСГ прилагательных, находящихся друг с другом в синонимических отношениях, являются оппозитивными, в основном, по признаку «стилистическая окраска» (см. «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 75). Кроме того, дифференциальные признаки членов каждой ЛСГ синонимов можно найти в книге: А. Хожиев. Узбек тили синонимларининг изоҳли лугати. Тошкент, 1974 и др.

⁶ Из многих значений этих слов мы анализируем только типы, связанные с обозначением размера. Например, из значений: 1. Толстый, 2. Теплый, 3. Плотный, 4. Густой, 5. Обильный («Узбекско-русский словарь». Под ред. А. К. Боровкова. М., 1969, стр. 501) мы рассматриваем только «толстый».

метров», «поверхность»). Последние (за исключением семы «мерность») являются специфическими семами ПРО.

Внутренняя дифференциация антонимических пар осуществляется на основании тех же признаков, которые характерны для оценочных прилагательных («больше нормы», «меньше нормы»), так как такие пары противопоставления, как *baland* 'высокий' и *chuqur* 'глубокий', имеющие в своей семантической структуре одинаковые семы, но различающиеся своими маркированными семами «вверх от поверхности» и «вниз от поверхности», не находятся друг с другом в антонимических отношениях: каждое из них со своим синонимическим рядом и их антонимами (*past* 'низкий', *sajoz* 'неглубокий', 'мелкий') образует разные внутренние ЛСГ в пределах более крупной ЛСГ ПРО.

Анализ семантической структуры ПРО, приведенной в таблице 1 позволяет сделать следующие выводы:

1. Ряд сем противопоставления качественных прилагательных субъективной оценки дублируется в противопоставлении ПРО (в частности семы «степень признака», поэтому данный признак в таблице 1 не детализирован).

2. В узбекских ПРО различаются характеристики предмета по вертикальному и горизонтальному параметрам (*baland* 'высокий'; *chuqur* 'глубокий'; *keng* 'широкий'), однако в ряде случаев противопоставление по этим признакам снимается. Например: слово *uzun*, переводимое обычно как «длинный», «долгий», в сущности является нейтральным по отношению как к характеристике признака предмета, так и к его вертикальному и горизонтальному параметрам. Реализация того или иного признака предмета по параметру зависит: от синтагматических связей слова, от значения связей слова, от значения и объективных признаков денотатов слов, выступающих в роли определяемых. Ср. *uzun sim* 'длинный провод', *uzun kojlak* 'длинное платье'; если в первом примере *uzun* указывает на признак протяженности предмета по горизонтали, то во втором примере это же слово указывает на тот же признак предмета, но уже по вертикали. Итак, специфическую сему слова *uzun* по параметру предмета можно определить как «нейтральность к признакам вертикальности и горизонтальности». Однако слово *uzun* указывает на самый большой параметр предмета. Поэтому семантику слова *uzun* можно охарактеризовать как «признак наибольшего размера из всех параметров предмета». Именно поэтому в *uzun minoga* 'длинный минарет' *uzun* указывает на вертикальный признак, а в *uzun jol* 'долгий путь' — на горизонтальный, так как в денотате *minoga* самым большим параметром является высота (вертикальный признак), а в *jol* — протяженность (горизонтальный признак).

Это становится еще более очевидным, когда прослеживается семный состав слов *qalin* и *jirqa*. *Qalin* является нейтральным по отношению как к вертикальности, так и к горизонтальности, однако имеет маркированные семы «наименьший из параметров» и «поверхностность». Данное слово в тех случаях, когда оно выражает вертикальный признак (*qalin kitob* 'толстая книга'), всегда ассоциируется с понятием «поверхности»⁷, однако, имея сему «больше нормы» указывает на самый меньший из параметров денотата. Ср. *qalin koepa* 'толстое одеяло', *qalin tep* 'толстый (теплый) халат', *qalin bez* 'толстая (прочная) бязь'.

⁷ Ср. толкование слова *qalin* 'толстый' (обычно о предметах, имеющих плоские поверхности, см. «Узбекско-русский словарь», стр. 501).

3. Может вызвать возражения маркированность семы «наибольший из параметров» в слове *qisqa*, однако маркированность этой семы вытекает, во-первых, из всей системы противопоставления прилагательных: антонимические пары отличаются прежде всего семой «степень признака», а в остальных отношениях имеют общие семы; во-вторых, семы «степень признака» и «наибольший/наименьший из параметров» имеют совершенно различные исходные основания и никак не могут смешиваться; в-третьих, в сочетаниях: *qisqa bøjli minoga* 'низкий минарет', *qisqa jol* 'короткий путь', *qisqa køjlak* 'короткое платье' и т. д. *qisqa* указывает на самый большой из параметров денотатов.

4. Семы «степень признака» (больше/меньше) и «наибольший/наименьший из параметров» имеют различные исходные основания. Первая сема, как и у оценочных прилагательных, основывается на субъективно-оценочной базе «норма», «больше нормы», «меньше нормы»; вторая же сема имеет совершенно иную исходную базу — объективный признак — соотношение параметров денотата, обозначаемого определяемым. Поэтому семы «больше нормы» «по степени признака» и «наименьший из параметров», и наоборот, вполне сочетаемы.

5. Семы «мерность» и «размерность» кажутся идентичными. Однако между ними имеются существенные различия. Сема «мерность» является дифференциальным признаком общей группы прилагательных, обозначающих признак, измеряемый различными единицами меры (объем, размер, вес, расстояние и т. д.), поэтому данная сема выступает как интегральная по отношению ко всем ПРО, а размерность является дифференциальным признаком ПРО.

В некоторых работах выделяются семы «промежуток между двумя точками», «боковость» и ряд других⁸. Однако, как показывает проведенный нами анализ, сема «размерность» включает в себя и сему «промежуток между точками», а понятие «боковость» в узбекских ПРО не выделяется.

Из табл. 1, где указаны релевантные семы доминантных слов внутренних ЛСГ ПРО в узбекском языке, можно сделать вывод о том, что слова *katta* и *kiçik* являются центральными доминантами всех ПРО, так как первое характеризуется только одной маркированной семой «степень признака — больше нормы», а второе семой «степень признака — меньше нормы». Поэтому если *katta* является центральной доминантой всех слов, имеющих маркированную сему «больше нормы», то *kiçik* и его окружение выступают как их антонимы, маркированные семой «меньше нормы».

В узбекском языке ПРО объединяются в стройную систему не только через доминантные слова *katta* и *kiçik*, но и через слово *orta*, которое, будучи маркированным по семе «степень признака — нейтральная», разделяет слова, маркированные по семам «степень признака — больше нормы» и «степень признака — меньше нормы», и с этим признаком участвует во всех оппозициях прилагательных, маркированных по семе «мерность» (resp. и ПРО). Однако особенности слова *orta* должны быть исследованы особо.

Рассмотрим соотношение языкового (прямого, системного) и переносного (речевого) значений ПРО. Переносные значения ПРО (шире — вообще слова) создаются двумя тесно взаимосвязанными путями: а) нарушением нормальных синтагматических связей слова, что приводит к б) устранению некоторых и усилению других сем семантической структуры слова.

⁸ И. Абдурахманов. Указ. раб., стр. 4—5; A. J. Greimos. *Semantique structurale Recherche ole methode*. Paris, 1966, стр. 34—36.

Благодаря этому достигается образность и выразительность (экспрессивность). Поэтому ПРО в переносном значении употребляются очень широко в художественной литературе.

Нарушение нормальных синтагматических связей слова проявляется в том, что в составе сем слова, выступающего в позиции определяемого, имеются такие, которые противоречат семам ПРО, выступающего в позиции определяемого. Например: *baland minora* (ТС, 1, 74) 'высокий минарет' и *baland baho* (ТС, 1, 74) 'высокая оценка'. В первом примере семы слова *baland* («физичность», «мерность», «размерность», «больше нормы», «вертикальность» и «вверх от поверхности») гармонируют с признаками денотата слова *minora*, обладающего свойством материальности (физичности), размерами и параметрами. Поэтому в данном контексте *baland* употребляется в своем прямом значении и указывает на признак предмета, который больше нормы. Что касается денотата слова *baho*, то он не имеет физического характера, следовательно, не обладает и параметрами. В сочетании *baland baho* семы слова *baland* «физичность», «параметральность» (связанные с нею «вертикальность», «вверх от поверхности» и т. д.) устраняются, что приводит к усилению семы «степень признака». Однако в *baland baho* сема «мерность» сохраняется (ср.: *baland baho* 'высокая оценка', *orta baho* 'средняя оценка', *past baho* 'низкая оценка').

Таблица 2

Семы переносных значений ПРО

Семы Словосочетания	физичность	мерность	размерность	Степень признака		Параметральность						Поверхность
				больше нормы	меньше нормы	вертикальность поверхности		горизонтальность	из параметр.			
						вверх	вниз		наибольший	наименьший		
1. Katta obro, baht, isonč	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
2. Kičik vazifa, sinov	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	
3. Baland did, martaba, baho	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
4. Past hosil, iš	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	
5. Cuquz bilim, hurmat	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
6. Sajoz fikr, mulohaza	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	
7. Uzun suhbat, tun, umr	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
8. Qisqa jakun, vaqt	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	
9. Keng muhokama, aloqa	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
10. Tor soha, doira	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	

Если сохранение семы «мерность» при отсутствии семы «материальность (физичность)» придает речи образность и экспрессивность, то усиление семы «степень признака» сообщает переносному значению слова *baland* оттенок оценочности. Аналогично обстоит дело и при сочетании других ПРО в переносном значении. В таблице 2 обобщены переносные значения слов:

- 1) katta со словами: obre 'авторитет', baxt 'счастье', iʃonʃ 'вера, доверие';
- 2) kičik со словами: vazija 'задача', 'поручение', sinov 'испытание';
- 3) baland со словами: did 'вкус', martaba 'степень', 'должность', baho 'оценка';
- 4) past со словами: hosil 'урожай', iʃ 'работа';
- 5) šiqr со словами: bilim 'знание', hurmat 'уважение';
- 6) sajoz со словами: fikr 'мысль', mulohaʒa 'рассуждение';
- 7) uzun со словами: suhbat 'беседа', tun 'ночь', umr 'жизнь';
- 8) qisqa со словами: jakun 'итог', vaqt 'время';
- 9) keng со словами: muhokama 'обсуждение', aloga 'связь', 'отношение';
- 10) tor со словами: soha 'отрасль', doira 'круг'.

Как видно из таблицы 2 закономерность устранения и усиления сем, наблюдаемое в baland baho, полностью повторяется и при других ПРО — у них сохраняются только семы «мерность» и «степень признака», остальные семы устраняются.

Оттенки оценочности, их положительный и отрицательный характер зависят не от значения ПРО, а от значений определяемых имен, от отношения к денотату этих имен. Поэтому, если в сочетании katta baho 'высокая оценка' выражена положительная оценка, то в сочетании katta xato 'грубая оценка' заключен оттенок отрицательности, и это всецело зависит от значений слов baho и xato.

Таким образом, прямое и переносное значение ПРО тесно взаимосвязаны. При параллелизме сем семантической структуры ПРО с объективными свойствами денотатов слов, выступающих в позиции определяемого, ПРО реализует свое прямое значение, а в случае отсутствия такого параллелизма — переносное значение.

В прямом словоупотреблении ПРО не имеют значения субъективной оценки, но в переносном значении они приобретают его, однако характер оценки определяется экстралингвистическими факторами. Этим они существенно отличаются от прилагательных субъективной оценки, в семантическую структуру которых входят семы «оценка», «положительность» и т. д.

А. МАТГАЗИЕВ

К ИСТОРИИ СОГЛАСОВАНИЯ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние годы в узбекском языкознании о согласовании как форме грамматической связи высказывались весьма различные и даже противоречивые мнения. Это объясняется тем, что в тюркских языках нормы согласования нерегулярны и различны для разных функциональных стилей одного и того же литературного языка. В узбекском языке в результате воздействия внутренних и внешних языковых факторов формы и нормы согласования менялись. Это прежде всего относится к согласованию сказуемого с подлежащим во множественном числе 3-его лица. Поэтому расхождения во мнениях исследователей относятся к определению тенденции развития нормы согласования подлежащего и сказуемого в числе.

Согласно данным исторической грамматики узбекского языка, в современном узбекском литературном языке согласование сказуемого с подлежащим в числе наблюдается значительно реже, нежели в старотюркском и староузбекском языках¹. Нами уже отмечалось постепенное сокращение частоты употребления аффикса *-lar* в глагольных формах. Причину этого мы видели в наличии тенденции нарушения согласования подлежащего и сказуемого в числе².

Авторы учебника по современному узбекскому языку считают учащение случаев согласования подлежащего и сказуемого 3-его лица в числе³ результатом изменений в синтаксическом строе языка. Аналогичное мнение высказывается и в некоторых других работах, где этот процесс объясняется влиянием русского языка⁴.

Чтобы внести ясность в данный вопрос, мы обратились к фактам письменных памятников и современного узбекского литературного языка.

В древнетюркских памятниках, особенно в рунических надписях, аффикс множественного числа *-lar/-lär* малоупотребителен, так как в них подлежащее, выраженное именами во множественном числе, встречается очень редко. Так, в памятнике в честь Кюль-Тегина множествен-

¹ Г. Абдурахмонов, Ш. Шукуров. Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Тошкент, 1973, стр. 249.

² А. Матгазиев. Исследование по морфологии староузбекского языка (конец XVIII—до семидесятых годов XIX в.). Докт. дисс., Ташкент, 1979, стр. 277.

³ Ш. Шоабдурахмонов, М. Асқарова, А. Хожиев, И. Расулов, Х. Дониёров. Ҳозирги ўзбек адабий тили. I қисм. Тошкент, 1980, стр. 19.

⁴ А. Фуломов, М. Асқарова. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. Тошкент, 1965, стр. 113; «Узбек тили грамматикаси», II қисм. Тошкент, 1975, стр. 137—138.

ное число подлежащего зафиксировано лишь четыре раза и притом во всех случаях подлежащее выражает значение лица (людей). Сказуемые же при этих подлежащих употреблены в единственном числе, например: *Bägläri jätmä buduñny jätmä tüz ärmis* (ПДП, 29) 'Их правители и народ были верны кагану'; *Bägläri jätmä ölti* (ПДП, 30) 'И правители также были убиты'. В памятниках уйгурского письма, представляющих собой переводы, встречаются отдельные случаи согласования сказуемого с подлежащим в лице и числе: *ol moyočlar... bardylar ärsär* (ПДП, 134) 'Как только волхвы пошли'; *ol moyočlar unča saqynur kirdilär* (ПДП, 135) 'Те маги при входе задумали'. Здесь очевидно сказалось влияние иноязычной структуры оригинала. Как предполагал С. Е. Малов, памятник «Поклонение волхвов», из которого взяты приведенные примеры, был переведен с сирийского (или согдийского) языка⁵.

В первом томе «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари имеется 89 стихотворных отрывков-четверостиший. В них засвидетельствовано всего четырнадцать случаев употребления подлежащего во множественном числе 3-го лица, в то же время ни одно из сказуемых не имеет показателя множественного числа *-lar/-lär*, например: *Karğıñ qılur umalar* (ДЛТ, I, 272) 'Гости будут проклинать'; *Bäglär sämiz атланур* (ДЛТ, I, 282) 'Князья сидят на жирных конях'. Только в четырех предложениях употреблен аффикс совместного залога *-s*, который служил средством выражения значения множественности: *Тағлар суwи ақшіді* (ДЛТ, I, 195) 'Протекали горные воды'; *Аллар арғ алқшур* (ДЛТ, I, 240) 'Богатыри уничтожают друг друга'.

Примечательно то, что в отдельных случаях, когда подлежащее выступает в единственном числе, сказуемое употребляется во множественном числе, например: *Эрән алпн өкштілар, қінгір көзін бақштілар* (ДЛТ, I, 192) 'Богатыри вызывали друг друга, враждебными глазами присматривались'. Здесь значение множественного числа не в самом подлежащем, а в его определении (*эрән*), в котором сохранен древний показатель собирательности-множественности *-n*⁶. В одном тексте согласование осуществлено синтактико-морфологическим способом: сказуемое снабжено аффиксом множественного числа, а подлежащее имеет количественный определитель, ср.: *Мің кіші јолуғи боліб өзіңә, Бэргәләр өзін анің көзіңә* (ДЛТ, I, 245) 'Тысяча людей, очарованные ее глазами, готовы на самопожертвование'.

Изложенные факты указывают на то, что в старотюркском языке XI—XIII веков в согласовании подлежащего со сказуемым последовательности не было и в большинстве случаев при подлежащем, стоящем во множественном числе, сказуемое употреблялось в единственном.

В староузбекском языке произошли некоторые изменения в нормах согласования подлежащего и сказуемого в 3-ем лице. В «Кассас ал-анбия» Рабгузи (XIV в.) зафиксировано одинаковое использование согласованной и несогласованной форм, ср.: *Jigitlär keldilär* (ПДП, 327) 'Молодцы приходили'; *Oylanlary başyndyn ajrylmadylar* (ПДП, 330) 'Его сыновья не покидали'. В последующие периоды развития староузбекского языка полное согласование сказуемого с подлежащим становится еще более регулярным. Вершиной проявления этой тенденции являются памятники XV—XVII веков, в которых случаи полного согласования подлежащего и сказуемого во множественном числе 3-го лица

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 131.

⁶ А. Н. Кононов. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 15—18.

составляют около 90 процентов общего количества простых предложений (см. приведенную ниже таблицу).

Как известно, в тюркских языках «согласование подлежащего и сказуемого зависит от того, какой частью речи выражено подлежащее и какова его семантика, а также от того, какой частью речи выражено сказуемое»⁷. Когда речь идет о семантике подлежащего, большинство тюркологов прибегают прежде всего к противопоставлению «одушевленность — неодушевленность». Однако в тюркских языках такая семантическая оппозиция подлежащего не играет большой роли при согласовании со сказуемым в числе. Поэтому совершенно справедливо замечание А. А. Кокляновой о том, что «противопоставление человека всему живому и неживому нашло свое отражение в специфике согласования подлежащего и сказуемого по линии числа»⁸.

В языке письменных памятников XV—XVII веков при подлежащем множественного числа, обозначающем наименование человека, сказуемое, как правило, употребляется во множественном числе, например: *Анга бўлдилар борча шоҳлар сипоҳ* (ТМА, 190) 'Все шахи стали его войнами'; *Кўхистон беклари ҳам... қочтилар* (БН, 248) 'Кухистанские беки также... убежали'. Отклонения от этой нормы единичны: *Махфий кишилар бориб... андоқ муқаррар қилдиким...* (БН, 255) 'Тайные люди пришли... так договорились, что...': *Ik'ki täräfdin k'öb k'äsilär öldi* (РТ, 22) 'С обеих сторон погибло много людей'. Однако имеются случаи употребления сказуемого во множественном числе при подлежащем, обозначающем другие одушевленные предметы: *Қушлар... ерга тушурдилар* (ТМА, 194) 'Птицы... опускали его на землю'; *Девлар они ўлтурдилар* (ТМА, 186) 'Дивы убили его'.

Необходимо отметить чрезвычайное увеличение в староузбекском языке числа неопределенно-личных предложений, в которых сказуемое обычно употребляется во множественном числе 3-его лица, например: *Ани дептурларким, Фаридун ўғлидур* (ТМА, 191) 'Говорят, что он сын Фаридуна'; *Мухаммад Хусайн мирзони... менинг қошимға келтурдилар* (БН, 264) 'Ко мне приводили... Мухаммеда Хусейна мирзу'.

В указанный период значительно активизируется семантическое согласование сказуемого с подлежащим, то есть подлежащее выступает хотя и без аффикса *-lar/-lär*, однако выражает значения множественности, собирательности, коллективности:

1. Подлежащее выражается именем существительным с собирательным значением, например: *Эл анинг зулмидин ожиз бўлдилар* (ТМА, 188) 'Из-за его гнета народ стал бессильным'; *Тор кўчада отлик эл тикилдилар* (БН, 261) 'На узкой улице людям было тесно'; *Kubčak xalku juvulyb uguštylar* (РТ, 30) 'Все кыпчаки собрались и дрались'.

2. В функции подлежащего выступают обобщающие определительные и отрицательные местоимения: *Борча ани тиладилар* (ТМА, 196) 'Все его просили'; *Баъзиси қолиб мирзоларға навкар бўлдилар* (БН, 255) 'Некоторые из них остались служить навкерами (солдатами) у мирзоев'; *Heç kim bilmädilär* (РТ, 22) 'Никто не узнал'.

3. Подлежащее выражается субстантивированным наречием меры и количества: *K'öbläri çerk'äs vä tuman jurtyva bardylar* (ШТ, 20)

⁷ Е. И. Убрятова. Согласование в якутском языке. — В сб.: «Исследование по синтаксису тюркских языков». М., 1962, стр. 106.

⁸ А. А. Коклянова. Нормы согласования в современном узбекском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III, Синтаксис. М., 1961, стр. 87.

‘Большинство из них отправились в страну черкесов и туманов’; *Azgaqu Ovuzhan katuva bardylar* (РТ, 16) ‘Меньшинство отправилось к Огузхану’.

4. Однородные подлежащие согласуются со сказуемым во множественном числе: *Бадиуззамон ва Музаффар мирзо Хирига азимат қилдилар* (БН, 252) ‘Бадиуззаман и Музаффар мирзо отправились в Герат’; *Шоҳбегим ва хоним бир уйда ўлтуруб эдилар* (БН, 263) ‘Шахбегим и ханум сидели в одном доме’. Сюда же можно включить: *Оға-ини подшоҳ эдилар* (БН, 268) ‘Братья были падишахами’.

5. Подлежащее имеет при себе количественное определение: *Тўрт юз ҳақим анинг хизматиди эрдилар* (ТМА, 202) ‘Четыреста лекарей служили ему’; *Бу тўрт киши... ҳовлиға кирдилар* (БН, 261) ‘Эти четыре человека... вошли во двор’; *Jigirmā tōrt kiši ul jurtta padšahlyk kyldylar* (РТ, 20) ‘В той стране двадцать четыре человека были падишахами’. Употребление сказуемого во множественном числе при собирательном подлежащем продолжалось до конца XIX века. Примеры: *Ahli karvārija ovgyar xavfydyp zijādā tēn erdilār* (ТВГ, 1875, № 10) ‘Люди каравана очень опасались воров’; *Жамоат тарқашдилар* (Г, 59) ‘Люди расходились’.

Еще одной характерной особенностью староузбекского языка является употребление аффикса *-lar/-lār* в составе сказуемого для выражения значения почтения, уважения⁹. При этом подлежащее сохраняет единственное число, например: *Отам гоҳиким чоғир таклифи қилсалар ҳам* (БН, 253) ‘Хотя отец иногда предлагал мне вино’; *Хожа Хофиз Шерозий айтибдурларким* (Г, 35) ‘Ходжа Хафиз Ширази соизволил сказать’.

В узбекском литературном языке начала XX века наблюдаются некоторые изменения в нормах согласования сказуемого с подлежащим. Во-первых, заметно расширяется сфера употребления сказуемого в единственном числе при подлежащем во множественном числе. Во-вторых, еще более увеличивается частотность функционирования аффикса *-lar/-lār* в составе сказуемого для выражения значения почтительности. Такие конструкции в языке произведений Хамзы Хаким-заде Ниязи (1889—1929) составляют около 25 процентов, а в романе «Ўтган кунлар» Абдуллы Кадыри (1894—1940) — 20 процентов. Например: *Хидоятхон шошилиб келдилар-да, эшикни берклаб олдилар* (Хамза, II, 174) ‘Хидоятхон быстро пришел и закрыл дверь’; *У вақтда бобонгиз ҳам ҳаёт эдилар* (ЎК, 13) ‘В то время и ваш дед был жив’. В-третьих, семантическое согласование сказуемого с подлежащим в числе становится sporadическим: при подлежащем, выраженном собирательным существительным и числительным, сказуемое в основном выступает в форме единственного числа, например: *Аҳли мажлис Отабекни кўқларга кўтариб мақтар эди* (ЎК, 18) ‘Собравшиеся превозносили до небес Атабека’; *Иккиси ҳам фикрга толган эди* (ЎК, 25) ‘Оба они призадумались’; *Хар икковлари ҳам уринларидан туриб йўталадилар* (Хамза, II, 162) ‘Оба они встают и покашливают’.

Примечательным для синтаксической структуры узбекского языка указанного периода было еще то, что при подлежащем во множественном числе, обозначающем неодушевленный предмет, сказуемое часто употреблялось во множественном числе. Такая особенность не харак-

⁹ Х. Назарова. Особенности синтаксического строя узбекского литературного языка конца XV — начала XVI века. Ташкент, 1979, стр. 43.

терна для предыдущих периодов узбекского языка¹⁰, например: *Қундуз-хонимнинг бу мақолалари... бир танча ёрдам кўрсатадилар* (Хамза, I, 240) 'Эти статьи Кундуз-ханум... существенно помогают'; *Киприклари ёш билан беландилар* (УК, 47) 'Ее ресницы намокли от слез...'; *Бироқ, унинг ҳозирги баъзи ҳаракатлари диққатни жалб этарлик эдилар* (УК, 15) 'Однако его нынешние поступки привлекают внимание'. Подобные конструкции не встречаются и в современном узбекском языке.

В языке произведения А. Кадыри спорадически встречаются конструкции, в которых сказуемое одновременно может принимать аффиксы совместного залога и множественного числа, например: *Танча тева-рагида ўтиришдилар* (УК, 37) 'Сидели вокруг низкого столика'; *Ошдан кейин бошлаб Хомид, сўнгра бошқа меҳмонлар тарқалишдилар* (УК, 19) 'После плова сначала Хамид, а затем другие гости разошлись'.

В советский период развитие узбекского литературного языка значительно ускорилось, произошли большие сдвиги на всех его уровнях. Заметные изменения произошли и в синтаксической структуре узбекского языка, в том числе — в нормах согласования¹¹. Эти изменения обусловлены внутриязыковыми и экстралингвистическими факторами: расширением социальной функции литературного языка, появлением и развитием его новых функциональных стилей, а также становлением разнообразных жанров художественной литературы, увеличением количества переводных произведений, благотворным влиянием русского языка на грамматический строй узбекского языка и т. п.

Как известно, тот или иной факт языковой эволюции выявляется путем сравнительного анализа. По сравнению со староузбекским языком в нормах согласования между подлежащим и сказуемым в современном узбекском языке произошли следующие сдвиги:

1. Еще более активизировались конструкции, где сказуемое в 3-ем лице единственного числа употребляется при подлежащем во множественном числе. Такие случаи наблюдаются в языке романа Саида Ахмада «Уфқ» («Горизонт»), составляя 39 процентов, а также в узбекских народных сказках — 40 процентов. В языке указанных источников встречаются и случаи, в которых при подлежащем, обозначающем человека, сказуемое употребляется в единственном числе, например: *Одамлар бетимга қарайди* (Уфқ, 29) 'Люди будут смотреть на мое лицо'; *Қуёвникарлар... Акбаралилар кўчасига бурилиб кетди* (Уфқ, 25) 'Друзья жениха направились на улицу Акбарали'; *Бўлмаса қизлар бунда қолади, — деди шоҳ* (УХЭ, 79) 'Тогда девушки остаются здесь, — сказал шах'. Однако, как правильно отмечает Н. З. Гаджиева, «Последовательное согласование в числе может быть объяснимо и требованиями стиля, определенного жанра речи»¹². Поэтому подобные конструкции в языке газеты «Совет Узбекистони» (от 4 февраля 1981 г.) составляют 26,6 процентов. Здесь встречаются случаи согласования во множественном числе при подлежащем, обозначающем неодушевленный предмет, например: *Партия комитетлари ленинча иш услубини қунт билан ўргандилар* (СЎ, 6) 'Партийные комитеты тщательно изучили ленинский стиль работы'; *Бу ажойиб ғалабага... республикамизнинг барча областлари муносиб ҳисса қўшдилар* (СЎ, 3) 'Все области республики

¹⁰ Наличие подобных случаев в языке Среднеазиатского тевсира — частное явление. См.: Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 202.

¹¹ Все семантические и грамматические особенности согласования в современном узбекском языке подробно освещены в приведенной выше работе А. А. Кокляновой (см.: указ. раб., стр. 73—110).

¹² Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 204.

внесли достойный вклад... в эту замечательную победу'. В этой прогрессивной тенденции важную роль играет влияние русского языка.

2. Появляется новый способ согласования сказуемого с подлежащим: для выражения значения множественного числа 3-его лица активно используется аффикс совместного залога *-š*, который по своей семантике вполне может быть использован в этой функции, например: *Қўни-қўшилар уйғониб ҳовлини тўлдиришди* (Уфк, 22) 'Пробудившиеся соседи заполнили двор'; *Одамлар уни нари суриб қўйишди* (Уфк, 20) 'Люди отодвинули его дальше'; *Укалари ҳам навбат билан пойлоқчилик қилишпти* (УХЭ, 66) 'Его братья тоже дежурили по очереди'. Употребление аффикса *-š* в указанной функции составляет в языке «Уфк» 38 процентов, а в узбекских народных сказках — 12. Этот способ не типичен для языка публицистики. В цитирувавшемся уже номере газеты «Совет Узбекистони» такие случаи зафиксированы всего лишь два раза.

Использование аффикса совместного залога в значении множественного числа в какой-то степени компенсирует функции аффикса *-lar* при осуществлении согласования сказуемого и подлежащего в числе.

Аффикс совместного залога, подобно аффиксу *-lar*, стал использоваться в составе сказуемого в значении почтительного обращения, ср.: *Йўлдош ота келибдилар* (Уфк, 14) 'Юлдаш ата пришли'; *Ота... иш билан юришибди* (Уфк, 14) 'Отец... ходит по делам'.

Таблица

Формы согласования		ДЛТ I том		ТМА 185—215		БН 251—271		ШТ 11—35		УК 11—40		Уфк 7—39		СУ 4 февр. 1981 г.	
Подл.	Сказ.	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Мн. ч. <i>-lar</i>	Мн. ч. <i>-lar</i>	—	—	177	96	166	92	110	71	39	56	7	5	125	72
Мн. ч. <i>-lar</i>	Мн. ч. <i>-š</i>	4	24	—	—	—	—	—	—	—	—	49	38	2	1
Мн. ч. <i>-lar</i>	Ед. ч. —	10	59	5	3	12	6	21	14	17	25	51	39	43	27
Ед. ч. —	Мн. ч. <i>-lar</i>	3	17	2	1	3	2	23	15	13	19	23	18	—	—
Всего:		17		184		181		154		69		130		170	

3. В современном узбекском литературном языке семантическое согласование сказуемого с подлежащим в собирательном значении весьма ограничено. В таких конструкциях сказуемое обычно выступает в форме единственного числа, например: *Хамма ичкаридан кимнингдир чиқишини кутяпти* (Уфк, 13) 'Все ждут выхода кого-либо из дома'; *Тўй аҳли бир-бир тарқай бошлади* (Уфк, 30) 'Люди, пришедшие на свадьбу, по одному расходились'. Однако при подлежащем, выраженном собирательным числительным и парным существительным, обозначающим человека, сказуемое реже употребляется во множественном числе (с аффиксом *-lar* или *-š*), ср.: *Учови ҳам оқ-қорани таниган эканлар*

{УХЭ, 65) 'Все трое — имели жизненный опыт'; *Икковлари ўринларидан туришди* (Уфк, 8) 'Оба они поднимались с места'; *Ота-она... бирон табдирдан ожиз эдилар* (Уфк, 33) 'Родители... были бессильны что-либо предпринять'.

Мы попытались кратко остановиться на некоторых аспектах исторического развития норм согласования в узбекском языке. Приведенная выше таблица наглядно отражает основные изменения в частотности употребления отдельных форм согласования сказуемого и подлежащего в числе:

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. В древние периоды истории тюркских языков согласование сказуемого с подлежащим во множественном числе 3-его лица не являлось обязательным. Сам факт ограниченности функционирования аффикса *-lar/-lär* в языке древнетюркских памятников подтверждает правильность такого вывода.

2. Развитие норм согласования в староузбекском языке объясняется влиянием синтаксических особенностей арабского и персидского языков.

3. В современном узбекском языке увеличилось число отклонений от норм согласования сказуемого с подлежащим во множественном числе 3-его лица. Однако в публицистическом стиле узбекского литературного языка наблюдается тенденция полного согласования подлежащего и сказуемого.

4. В современном узбекском языке аффикс совместного залога *-š* стал активно использоваться в качестве средства согласования подлежащего и сказуемого во множественном числе 3-его лица.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БН — Заҳириддин Муҳаммад Бобир. Бобирнома. Тошкент, 1960.
 Г — Гулханий. Зарбулмасал ва ғазаллар. Тошкент, 1957.
 ДЛТ — Маҳмуд Қошғарий. Девону лугат-ит-турк. I том. Тошкент, 1960.
 ПДП — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
 РТ — А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. М.—Л., 1958.
 СУ — Газета «Совет Узбекистони».
 ТВГ — «Туркистон вилоятининг газети».
 ТМА — Алишер Навоий. Асарлар. Ун беш томлик. 14-том. Тарихи мулуки Ажам. Тошкент, 1967.
 УК — Абдулла Қодирий. Утган кунлар. Тошкент, 1958.
 Уфк — Саид Аҳмад. Уфк. Трилогия. Биринчи китоб. Тошкент, 1976.
 УХЭ — «Узбек халқ эртақлари». Тошкент, 1955.
 Ҳамза — Ҳамза Ҳакимзода Нисёӣ. Асарлар. Икки томлик. Тошкент, 1960.

РЕЦЕНЗИИ

ФЭРҲАД ЗЕЙНАЛОВ. ТҮРКОЛОКИЯНЫН ЭСАСЛАРЫ.

«МААРИФ» НЭШИРЛАТЫ, БАКЫ, 1981, 348 стр.

Рецензируемая книга Ф. Зейналова «Основы тюркологии» относится к числу тех работ, которые наглядно свидетельствуют о значительных успехах тюркологической науки в последние годы. Она включает десять глав (а также введение и специальные главы о тюркских алфавитах) и может быть условно разделена на две части. В первой части дается основная теоретическая информация: сведения об истории формирования, структуре, существующих классификациях тюркских языков и истории их изучения; вторая часть посвящена характеристике отдельных языковых групп и конкретных языков.

В первой главе «История тюркских языков» автором дается краткий обзор основных событий и фактов истории тюркоязычных народов, история существовавших в прошлом многочисленных и разнообразных языковых контактов, оказавших существенное влияние на формирование отдельных тюркских языков. Каждый этап в истории языка, начиная с древнетюркского, характеризуется определенными фонетическими и грамматическими особенностями, получившими отражение в соответствующих языковых памятниках. Таким образом, история тюркских языков рассматривается автором в неразрывной связи с историей их носителей.

Вторая глава посвящена структуре тюркских языков. Примечательно, что автор по ходу изложения не проходит мимо кардинальных тюркологических проблем, связанных с теорией родства языков. Так, говоря об алтайской гипотезе, Ф. Зейналов отмечает особую значимость лексических единиц и параллелей при определении генетического родства алтайских языков. Как нам представляется, автор в целом прав, считая это родство еще не доказанным (стр. 30—31). В главе дается глубокий научный анализ фонетической, лексической, морфологической и синтаксической структуры тюркских языков. Автором затрагивается также вопрос о происхождении первичной и вто-

ричной долготы гласных в некоторых тюркских языках, а также проблема перехода от первичной долготы ко вторичной и некоторые другие специфические проблемы.

Ф. Зейналов отмечает, что между отдельными тюркскими языками наиболее ярко выражены различия в лексическом составе и в меньшей степени — морфологической и, особенно, синтаксической структуре. В главе подробно рассматриваются конкретные лексические единицы, характерные для каждого тюркского языка и каждой языковой группы. Умело сочетая сопоставительный метод с методом ареальной лингвистики, автор выявляет закономерности в области заимствований, например: китаизмов в уйгурском языке (имеется в виду язык синцзянских уйгуров в КНР), монголизмов в восточных тюркских языках и иранизмов и арабизмов в юго-западных тюркских языках. Современное состояние лексики тюркских языков, функционирующих в СССР, характеризуется постоянным обогащением и семантическим развитием, обусловленным спецификой новых экстралингвистических факторов. Известно, что развитие лексики тюркских языков происходит как за счет их внутренних ресурсов, включая переосмысление исконных слов для выражения новых понятий, реалий и явлений, так и за счет семантически оправданных иноязычных заимствований. Мощным источником обогащения лексического состава тюркских языков нашей страны является русский язык, а через его посредство и интернациональная лексика. Справедливой критике в книге подвергается пуристическая практика, господствующая среди языковедов современной Турции.

Характеризуя морфологическую структуру тюркских языков, автор отмечает наличие расхождения во мнениях в вопросе классификации частей речи: «Проблема частей речи в тюркских языках до сих пор остается неразрешенной» (стр. 45). И далее: «Разногласия в области классификации частей речи в этих языках возникают в связи

с меньшим, нежели в индоевропейских языках, количеством морфологических признаков, присущих каждой категории, что приводит к тому, что одно и то же слово квалифицируется на основании его внешних признаков одновременно и как существительное, и как прилагательное, и как наречие. С другой стороны, лексико-семантические, морфологические и синтаксические критерии до сих пор еще окончательно не сформулированы, и потому интерпретация и применение каждого из них в определенной степени произвольны. Вследствие этого при определении одних частей речи за основу берутся лексико-семантические, при определении других — морфологические или синтаксические (то есть функция лексической единицы в составе предложения) принципы» (стр. 45). Выступая против подобных несогласованностей, автор настаивает на необходимости разработки четкой классификации частей речи, основанной на учете всех критериев. Говоря о других проблемных вопросах, Ф. Зейналов специально останавливается на таких грамматических понятиях, как род и вид. Как известно, в тюркских языках эти понятия не образуют соответствующих морфологических категорий, и обнаружение их признаков в конкретном языке тюркской семьи без обращения к данным ареальной лингвистики фактически невозможно. Так, например, наличие признаков категории рода в гагаузском языке является следствием его контактирования с соседними славянскими языками. Сопоставление тюркских языков с иносистемными языками помогает более четко выявлению особенностей их синтаксической структуры, ибо материал только самих тюркских языков для этой цели недостаточен. Поэтому указанная автором специфика синтаксиса тюркских языков характеризует всю их семью.

Третья теоретическая глава «Классификация тюркских языков» посвящена обзору всех основных классификаций, начиная с классификации Махмуда Кашгари (XI в.) и кончая классификациями современных ученых-тюркологов. В главе подробно анализируется как сама классификация того или иного автора, так и лингвистические принципы, положенные в ее основу.

Ф. Зейналовым выделяются следующие типы классификаций: географическая (ее представляют Березин, Радлов, Корш и др.), фонетико-грамматическая (Самойлович) и историко-грамматическая (Малов). К последнему типу классификаций можно условно отнести и общеизвестную классификацию Н. А. Баскакова, которой автор отдает предпочтение. Более того, он создает на ее основе собственную классификацию. Используя все положительные моменты баскаковской классификации, Ф. Зейналов при этом доводит до минимума ее историческую информативность и делает акцент на грамматических принципах. Структура его классификации значительно отличается от структуры классификации Н. А. Баскакова.

Так, Ф. Зейналов объединяет в одну группу чувашский и якутский языки, стоящие, как известно, несколько особняком по отношению к другим тюркским языкам. Это может быть объяснено и оправдано интересами педагогики, поскольку рецензируемая книга является учебником.

В этой же главе характеризуются классификации зарубежных тюркологов-лингвистов (в частности, Табберт-Страленберга, Раска, Миллера, Немета, Рамштедта, Лигети, Бенцинга, Менгеса, Дёрфера и др.).

Четвертая глава «Из истории исследования тюркских языков» состоит из двух частей: 1) Истории исследования тюркских языков в России и в СССР и 2) Истории исследования тюркских языков в зарубежных странах.

Как известно, тема первой части главы была объектом исследования таких тюркологов, как А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков и др. Автор прослеживает пути становления тюркологии как научной дисциплины в России, а затем после революции — в национальных республиках, деятельность ученых, стоящих у истоков этой науки, таких как В. В. Радлов, О. Н. Бётлингк, А. К. Казембек, Э. К. Пекарский, Л. З. Будагов и др. Интересна информация о научной атмосфере в дореволюционных тюркологических центрах — Казани и Петербурге. Ф. Зейналов подробно останавливается на научной деятельности ведущих советских тюркологов и на основных направлениях современных исследований.

Вторая часть четвертой главы посвящена истории изучения тюркских языков в зарубежных странах. Здесь говорится о научно-теоретических направлениях, а также о деятельности крупных тюркологов в ГДР, Югославии, Румынии, Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Турции, ФРГ, Японии, Швеции, Норвегии, Франции, Финляндии, Дании, США, Италии, Англии, Австрии, Пакистане. Примечательно, что каждая страна представлена отдельным очерком. Особого внимания заслуживает то, что Ф. Зейналовым впервые предпринята попытка научного обзора основных тюркологических исследований, ведущихся за пределами нашей родины, и охарактеризованы работы отдельных зарубежных тюркологов.

Далее автор переходит к описанию и характеристике отдельных тюркских языков, объединив их в следующие языковые группы: огузскую, кыпчакскую, болгарскую, карлуко-уйгурскую, уйгуро-огузскую и группу, включающую чувашский и якутский языки. В конце книги имеется раздел, содержащий информацию о различных тюркских алфавитах (орхон-енисейском, уйгурском, арабском, мани, брахми, согдийском).

Примечательной особенностью работы является сопоставление автором отдельных тюркских языков при их характеристике с азербайджанским. Этот своеобразный методический прием облегчает усвоение учащимися-азербайджанцами бесспорно трудного материала учебника.

Отметим, что главы, посвященные ком-

кретным тюркским языкам, содержат помимо их сугубо грамматической и лексико-фонетической характеристики и содержательную информацию об этнографических, антропологических и исторических чертах их носителей. В необходимых случаях автор приводит собственные реконструкции сравнительно-исторического плана.

В заключение хотелось бы обратить внимание автора и на некоторые погрешности рецензируемой книги, которые могут быть легко устранены в ее последующих изданиях. Например, автор пишет: «Прежде всего отметим, что в историческом плане при образовании тюркских племен и родов единого общего языка, объединяющего их всех генеалогически, не было и быть не могло» (стр. 13). На следующей же странице высказывается мысль, явно противоречащая только что приведенной. Определяя этапы развития и формирования тюркских народов, древнейшим из них Ф. Зейналов называет «пратюркский» период. Этот термин, как известно, обозначает и языковое состояние, следовательно, в начальный период образования тюркских языков автором

все же признается существование единого языка.

В книге не нашли достаточно полного освещения как процессы языкового контактирования, так и этнические, протекавшие на территории Азербайджана в среднетюркский период. Книга только выиграла бы, если бы автор учел данные последних исследований в области истории формирования азербайджанского языка.

Приводимые в книге о каждом языке сведения неравноценны по информативности: об огузских языках говорится намного полнее и подробнее, нежели о других группах, хотя бы, например, об объединяющей чувашский и якутский языки, хотя для азербайджанского студента-филолога было бы интереснее обратное соотношение.

В целом рецензируемая книга Ф. Зейналова представляет собой результат огромного и добросовестного труда, и нет сомнения, что она будет с пользой прочитана не только учащейся молодежью вузов, но и всеми тюркологами, прежде всего историками языков.

К. Абдуллаев, Н. Худиев

В. И. КОТЛЕЕВ. ЧАВАШ ЧЁЛХИН САСА ТЫТАМЁ. ФОНОЛОГИ ОЧЕРКЁ

ЧАВАШ КЕНЕКЕ ИЗДАТЕЛЬСТВИ. ШУПАШКАР, 1981; 96 стр.

В. И. Котлеевым в последние годы предпринята попытка составить первый систематический научный курс фонетики чувашского языка. В 1978 году в 83-м выпуске «Трудов» Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР им была опубликована первая часть этого курса, посвященная фонетике. В 1981 году Чувашское книжное издательство выпустило вторую часть, являющуюся фонологическим описанием звукового строя чувашского языка.

Работы В. И. Котлеева по фонетике и фонологии чувашского языка привлекают внимание читателя новизной подхода к предмету изложения. Это присуще и рецензируемой книге, в которой рассматривается ряд актуальных фонологических проблем. В разделе «Краткая история исследования фонетики чувашского языка» автор, отдавая должное своим предшественникам, справедливо пишет, что «о фонетических особенностях чувашского языка как у нас в стране, так и за рубежом, и специально, и

в виде попутных замечаний писалось много. Немало ученых интересуется чувашской фонетикой и в настоящее время. Однако звуковой строй этого языка обычно рассматривается с позиций фонетики, фонологические же понятия лишь при определении состава фонем» (стр. 31).

Свою точку зрения по наиболее сложным и спорным вопросам общей фонологии В. И. Котлеев излагает в разделе «Место фонем и звуков в структуре языка». Автор придерживается известного положения, согласно которому фонемы в структуре языка образуют особую, автономную систему. Из этого следует, что в иерархии уровней необходимо разграничивать, пользуясь терминами знаковой теории, дознаковый и знаковый уровни. Единицы дознакового уровня (фонемы), будучи незначимыми, являются строительным материалом по отношению к материальной оболочке знаковых единиц (морфем, лексем). В плане соотношения языка и речи все «эмические» еди-

ницы, в том числе и фонема, принадлежат языку, образуя в нем потенцию речевых единиц: фонов, морфов, лексов и т. д.

В. И. Котлееву удалось убедительно показать, что стратификация многомерной языковой структуры по этим двум основным направлениям соотношения уровней является наиболее корректной и плодотворной для научного анализа и описания языков. Он правомерно полагает, что с вопросами стратификации языковой структуры связаны проблемы сущностной характеристики фонем (стр. 15). Положения существующих фонологических направлений фактически суть проявления той или иной стратификационной концепции. В частности, в отечественной фонологии известны два основных направления, кардинальное расхождение между которыми как раз касается определения места системы фонем в структуре языка: одно из них признает, а другое не признает автономию системы фонем.

Оба направления не отрицают мировой лингвистикой и успешно сосуществуют.

Однако все, что делается в этой области, пока в основном делается на материале русской фонетики. Такие языки, как чувашский, долгое время вообще не затрагивались в фонологических спорах, поскольку исследования вопросов фонологии национальных языков ограничивались применением одной из фонологических теорий без учета всей глубины теоретических расхождений между указанными двумя научными направлениями. В частности, в чувашском языкознании без серьезной научной аргументации утвердилось положение о неразрывной связи фонемы с морфемой, отрицающее автономию системы фонем в структуре языка. Что касается возможностей освещения звукового строя чувашского языка через призму другого фонологического направления, то этим до В. И. Котлеева никто не занимался. В данном отношении рецензируемая книга исключительно полезна не только для ученых, преподавателей и студентов вузов, но и для школьных учителей чувашского языка.

На наш взгляд, В. И. Котлеев правильно ставит вопрос о том, что придерживаясь той или иной фонологической теории, следует четко представлять себе цели принимаемого фонологического описания и реальные возможности этой теории (стр. 95). Два отечественных фонологических направления выражают концепции, стоящие на разных ступенях научной абстракции. Одна из них, более абстрактная, учитывает в языке только устоявшиеся фонетические явления, учитывает лишь непротиворечивые факты и поэтому полезна при описании статичности звукового строя языка. Другая концепция, будучи менее абстрактной, стремится учесть все факты звуковой системы, в том числе и только зарождающиеся, и поэтому позволяет описывать не только саму систему, но и тенденции ее развития. В этом плане нам представляется весьма плодотворным положение автора о сосуществовании в звуковом строе языка еди-

ниц различного фонологического статуса: единицы, получившие необходимую и достаточную фонематическую самостоятельность и тем самым вошедшие в систему языка на полных правах ее структурных элементов, и единицы, еще не получившие такой самостоятельности, хотя и осознаваемые носителями языка как функционально нагруженные элементы. Первые, как известно, признаются всеми фонологическими направлениями и называются «фонемами». Вторые выдвинуты В. И. Котлеевым, который предлагает именовать их «фонемондами». Например, по мнению автора, в системе согласных чувашского языка к первой группе единиц относятся парные мягкие *l', n', t'*, признаваемые всеми исследователями в качестве самостоятельных фонем, поскольку имеют фонетически независимое употребление во всех формах проявления современного чувашского языка. Что касается других парных мягких согласных (*v', m', p', r'* и др.), то они в степени фонематической самостоятельности уступают *l', n', t'*, поскольку фонетически независимое употребление имеют только в неполном, разговорном стиле речи, хотя их функциональная нагруженность носителями языка осознается и в случаях фонетически обусловленного употребления (сами факты независимого употребления в разговорном стиле речи являются следствием осознанности говорящими их функциональной нагруженности во всех случаях употребления).

Таким образом, понятие «фонемондов» номенклатурно закрепляет в науке очевидные факты зарождения новых фонологических единиц и дает возможность перекинуть мост от фонетики как учения о звуковой материи фонетических единиц к фонологии — учению об их функциональной нагрузке.

В рецензируемой книге большое внимание уделяется проблемам фонетики и фонологии, обусловленным законом сингармонизма. Причина данного обстоятельства заключается не только в том, что это один из основных фонетических законов языков тюркской семьи, куда входит и чувашский язык, но и в том, как пишет автор, что почти все вопросы фонетики и фонологии тюркских языков приходится освещать в связи со слогом (стр. 3). Именно в этом состоит структурное своеобразие фонетики языков сингармонического строя. Автор стремился по возможности полно показать это своеобразие применительно к чувашскому языку.

В частности, значительный интерес представляет фонологическая интерпретация слогового сингармонизма в современном чувашском языке. Кстати следует отметить, что и само понятие слогового сингармонизма впервые в чувашское языкознание ввел В. И. Котлеев в начале 60-х годов и оно как нельзя лучше отражает особенность чувашского сингармонического слога, отличающегося от сингармонического слога большинства тюркских языков. В интерпретации В. И. Котлеева сингармонические слоги, маркированные и немаркированные призна-

ком небности, представляют собой своеобразные функциональные союзы, в которых гласные и согласные компоненты, благодаря фонетической однотипности (общности), посетителями языка осознаются как равноценно нагруженные функцией единицы. Доводы и факты, приводимые автором в пользу такой интерпретации, вполне убедительны.

Вопреки существующему в чувашском языкознании представлению о фонематической противопоставленности интервокальных шумных согласных по признаку долготы и краткости, В. И. Котлеев доказывает, что в современном чувашском языке минимальные пары типа *agá* 'сев' ~ *aká* 'сестра', *téd'ém* 'дым' ~ *t'et'ém* 'темно' должны быть интерпретированы как противопоставления по звонкости и глухости, а не по долготе и краткости, хотя принятое орфографическое написание с помощью глухих удвоенных и одиночных букв, действительно, способствует формированию у носителей языка указанного ошибочного представления. Противопоставленность по долготе и краткости автор рецензируемой книги усматривает только у сонорных согласных (*álă* 'рука' ~ *ál:ă* 'пятьдесят').

В отличие от авторов многих фонологических работ, В. И. Котлеев в решении сугубо фонологических вопросов опирается на фактические данные экспериментальных исследований, проведенных им с помощью новейшей аппаратуры. Сама методика исследования подчеркивает диалектическое единство абстрактных фонологических явлений и их материальных выражений. Автору удалось получить ряд весьма интересных экспериментальных данных, таких, например, как данные о длительности долгих согласных, о восприятии звонких согласных носителями языка и др. Они, несомненно, помогут сделать новый шаг в изучении и научном описании фонетики чувашского языка.

В экспериментальном изучении чувашской фонетики В. И. Котлеев положил начало новому направлению — акустическому. Все его предшественники в области чувашской экспериментальной фонетики пользовались соматическими методами, что для своего времени, разумеется, было весьма оправданным и полезным, но на современном этапе развития экспериментальной техники такие методы уже не могут считаться достаточными. Результаты своих акустических исследований В. И. Котлеев опубликовал в целом ряде работ как у нас в стране, так и за рубежом.

Рецензируемая книга весьма ценна и тем, что это первый научный труд по чувашской фонетике, написанный на чувашском языке. До сих пор были известны лишь школьные пособия, написанные в 1919, 1924 и 1933 годах чувашскими языковедами Т. М. Матвеевым и Ф. Т. Тимофеевым.

В предисловии к книге В. И. Котлеев пишет: «Отсутствие необходимых терминов и сочетаний слов для правильного и четкого выражения мыслей крайне затрудняло составление курса фонетики и фонологии на родном языке. Одновременно с исследованиями научных вопросов нам, по мере наших возможностей, приходилось заниматься созданием новых терминов. Хотелось надеяться, что они окажутся полезными в ближайшем будущем в деле упорядочения чувашской фонетической терминологии» (стр. 4).

Выход в свет книги В. И. Котлеева является значительным событием для чувашского языкознания, свидетельством успешного развития исследований в области фонетики и фонологии.

Л. П. Сергеев, М. Ф. Чернов

Г. Ф. САТТАРОВ. ТАТАР ИСЕМНЭРЕ СУЗЛЕГЕ. ТАТАРСТАН ҚИТАП НЭШРИЯТЫ, КАЗАН, 1981, 254 стр.

Последние годы отмечены значительными достижениями в области тюркской ономастики. Издан целый ряд новых книг и словарей, посвященных возникновению, семантике и этимологии личных имен, географических названий и т. д.

Выход в свет словаря татарских личных имен — значительное событие в татарской лингвистике. Автор его Г. Ф. Саттаров хорошо известен своими работами в области

татарской ономастики¹. Словарь является первым крупным лексикографическим трудом в области тюркской антропонимии и дает объяснение более пятнадцати тысячам именам татарского и иноязычного происхождения.

Словарю предпосланы краткое предисловие его редактора М. З. Закиева (стр. 3—7) и обширное введение автора (стр. 8—22), где приводятся сведения о системе, структу-

ре и хронологической классификации татарских личных имен. Следует отметить, что большой интерес для лингвистов, литераторов, историков и этнографов представляет вводная часть, в которой раскрываются особенности экстралингвистических факторов, повлиявших на возникновение и развитие татарских личных имен. Выясняя происхождение тех или иных имен, автор словаря делает исторический экскурс в прошлое татарского народа.

Тщательное исследование значений различных имен способствует определению времени и путей их происхождения, а также их лексической соотнесенности с теми или иными языками. Продолжая исследования своих предшественников, автор делит татарские личные имена по лексическим признакам на: 1) общеалтайский слой; 2) древнетюркский слой; 3) старотатарский слой; 4) слой, заимствованные из арабского языка; 5) слой, заимствованные из иранского языка; 6) слой, заимствованные из русского и западноевропейских языков; 7) новые имена, возникшие после Октябрьской революции (стр. 9—19).

Заимствование татарским языком большого количества имен из арабо-иранских языков было связано с укреплением позиций ислама и усилением влияния мусульманского духовенства в XV—XIX веках. Новейший пласт татарских имен, как и у всех тюркоязычных народов СССР, все больше обогащается благодаря взаимовлиянию и взаимообогащению культур всех социалистических наций и народностей нашей страны. Автор приводит интересные материалы, показывающие активный запас татарских неоантропонимов (*Вильнур, Вилен, Вилена, Дамир, Клара, Марлен, Марсель, Марсельеза, Октябрь, Октябрина, Ренат, Ревмир, Сильза, Стэлла* и др.).

В рецензируемом словаре вместе с тем охвачены как традиционные народные, так и современные татарские имена, бытующие не только в Татарской АССР, но и в других союзных и автономных республиках.

По структуре и подаче материала, по толкованию значений имен рецензируемая работа заметно отличается от предшествующих словарей личных имен, ранее изданных в других тюркоязычных республиках².

Все личные имена в словаре расположены строго в алфавитном порядке, что облегчает пользование им. Особенно ценным в словаре, на наш взгляд, является наличие булгарского, древнетюркского и других пластов имен. В списках личных имен, приведенных в словаре, обнаруживается большое количество общетюркских имен, встречающихся и ныне в антропосистемах родственных тюркских языков, например: *Абай, Адай, Айбаш, Айгуль, Айслу, Бабахан, Базарбай, Байдаулет, Карабай, Мамай, Сатай, Сарман, Сарыбай* и др.

Как известно, в системе антропонимов любого языка, как и в лексике литературного языка, существуют многочисленные народные формы и различные варианты имен, считающихся самостоятельными

(*Айшэ, Гайши, Гайшук, Фатима, Патма, Мухаммет, Мухамбет, Махамбет* и т. п.). Такие имена и их варианты в рецензируемом словаре приводятся под основным заглавным словом, и разделяются различными знаками.

При пользовании словарем читатели могут столкнуться с трудностями в понимании этимологии, формы, а также принадлежности того или иного имени к определенному полу. Чтобы избежать это, автор умело применяет стилистические, этимологические, грамматические пометы. Особо интересна унификация и нормализация вариантов диалектных форм имен согласно существующим орфографическим правилам татарского языка. В таких случаях в заглавной статье приводятся литературные формы личных имен, а их диалектные варианты — после их соответствующего определения. Как известно, в обогащении и формировании литературного языка диалектизмы играют значительную роль. Следовательно, диалектные формы личных имен, в свою очередь, также восполняют и обогащают общий фонд антропонимов любого народа. В этой связи включение в словарь диалектных вариантов имен вполне оправдывает себя.

Распространенными компонентами состава татарских личных имен являются слова *гол* 'цветок', *бикэ* 'госпожа', *мин* 'родинка', *бек* 'начальник', *кот* 'счастье' и т. д. Личные имена, образованные при помощи этих слов, в словаре представлены очень широко; например, личные имена с компонентами *гол* доходят до 220, *бикэ* — 150, *биби* — 70, *кот* — 60. На основе этих статистических данных можно определить частоту употребления подобных имен в общенародном языке. Таким образом, в «Словаре татарских личных имен» включены все формы имен, соответствующие словообразующим формантам и ономастическим моделям татарского языка, а также личных имен иноязычного происхождения, фонетически, акцентологически и морфологически адаптированные в татарской языковой среде.

Каждое имя имеет определенное значение, иногда скрытое от нас под влиянием факторов как лингвистического, так и экстралингвистического порядка. Для того, чтобы выявить эти скрытые значения, необходим долгий и кропотливый научный поиск. Автор словаря успешно решает эту задачу. Раскрытие и объяснение значения татарских имен прослеживается в их семантико-логическом развитии. В словаре поясняются однозначные и многозначные имена как собственно татарского, так и иноязычного происхождения.

Во многих случаях автор дает точную этимологию татарских имен древнетюркского, арабо-иранского, монгольского и западноевропейского происхождения. В отличие от всех прежних словарей тюркских личных имен, в словаре Г. Ф. Саттарова впервые дается полное и обстоятельное этнографическое объяснение многих общетюркских и татарских имен типа: *Айчуак, Алтынбай,*

Арслан, Балта, Биктимер, Буре, Ташбай, Туксанбай и др.

В словаре наряду с полнозначными именами уделяется внимание и сокращенным именам. обстоятельно объясняется их значение, анализируются также значения аффиксов *ай, кай, тай* и т. д. (в таких, например, именах, как: *Акай, Адай, Чукай, Тукай, Уракай*).

Г. Ф. Саттаров не ограничивается только толкованием значений имен, а приводит многочисленные сравнительные материалы из других тюркских языков, подкрепляя их историческими данными (стр. 28, 32, 34, 37, 38, 80, 93, 98 и далее).

Основные принципы составления словаря, реализованные автором в словарных статьях, не вызывают принципиальных возражений. Тем не менее следует указать на отдельные недочеты и упущения. Вызывает сомнения этимологизация определенной группы имен, встречающихся и в татарском, и в других тюркских языках. К их числу относятся: *Абай, Адай, Айдар, Санжар, То-ман, Тукан, Чока* и др. Этимология имени *Абай* раскрывается автором неполно. Было бы полезно привести более полные сравнительные данные, известные многим тюркологам и выдвинутые Э. Севортяном³. Сравнение апеллятива *абай* с казахским *абай* требует уточнения, так как в «Словаре татарских личных имен» (стр. 25), а также в книге А. Гафурова⁴ упоминается наличие в казахском языке слова *абай* со значением «осторожный, внимательный, осмотрительный». Следует отметить, что в казахском языке слово *абай* самостоятельно не употребляется, а встречается только в сочетании *абай бол* и в глагольной форме *абайла* «остерегайся, будь осторожен». Слово *абай* скорее всего генетически связано с общетюркской лексемой *аба* «дядя», «старший брат»⁵.

Антропонимы *Томан* и *Тука* (фамилии *Томанов, Туканов*) часто встречаются во многих тюркских языках, в том числе и в казахском, и, с нашей точки зрения, происходят от монг. *тумэн* 1. «десять тысяч»; 2. «большое количество чего-либо, многочисленность». Поэтому возведение этого слова к тюркскому *туман* «пасмурный день, туманный» (стр. 180) требует доказательств. Этимологизация антропонима *Тука* от корня *тук* «сытый» + *ан* (стр. 182) сомнительна, так как в тюркских языках слово *тука* с вариантами *туган* // *тоган* // *токан* означает «сокол»⁶, а производное слово *таканак* — «крупная пустельга»⁷. Как известно, в тюркских языках синонимами имени *Тука* являются: *Буркит* «беркут», *Каршыга* «ястреб», *Лашын* «кречет». Такие имена обычно давались в связи с пожеланием ребенку быть смелым, зорким и быстрым. Недостаточно полно, на наш взгляд, определены значения отдельных личных имен: *Акбатыр, Актанай, Албай, Байбакты, Калкамен, Сатыбал* и т. д. Этимология и объяснения сложных личных имен типа, *Акбэк, Акзада, Аккол, Аккучкар, Аккылыч, Акмулла, Акхан, Акчулпан* и другие остались не раскрытыми. Автор при объяснении значения таких сложных имен основной упор делает на их первый компонент *ак*, вследствие чего их самостоятельные значения остаются в тени. Все эти замечания нисколько не умаляют ценности и достоинств рецензируемого весьма полезного, содержательного, интересного труда.

«Словарь татарских личных имен» имеет большое научно-практическое значение и является значительным достижением не только татарской, но и в целом тюркской ономастической лексикографии.

Т. Джанузаков

¹ Г. Ф. Саттаров. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970; *его же*. Татарстан АССРнын антропотопонимнары. Казан, 1973; *его же*. Антропотопонимы Татарской АССР. Автореф. докт. дисс., Казань, 1975; *его же*. Названия населенных пунктов Татарии, производные от аллонимов. — «Советская тюркология», 1980, № 3, и др.

² См.: Д. Абдурахманов, Х. Азаматов, Э. Бегматов, Я. Менажиев. Что означает ваше имя? Ташкент, 1968; Э. Бегматов. Правписание узбекских имен. Ташкент, 1972; Т. Жанузаков. Какое выбрать имя. Алма-

Ата, 1968; *его же*. Тайны имен. Алма-Ата, 1974; Т. Кусимова. Башкирские имена. Уфа, 1976; Ш. Жапаров. Словарь киргизских личных имен. Фрунзе, 1979 и др.

³ Э. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 54.

⁴ А. Гафуров. Лев и Кипарис. М., 1974, стр. 157.

⁵ «История казахского языка и диалектология». Вып. 3, Алма-Ата, 1960, стр. 196.

⁶ См.: «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 571.

⁷ См.: «Киргизско-русский словарь». Составитель К. К. Юдахин. М., 1965, стр. 692.

А. И. ЧАЙКОВСКАЯ. ТЮРКСКАЯ ГРАММАТИКА В АРАБОЯЗЫЧНЫХ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТРАКТАТАХ XIII—XIV ВЕКОВ (ГЛАГОЛ).

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1981, 178 стр.

На территории мамлюкского государства в середине XIII — начале XVI века были созданы многочисленные произведения художественной литературы, а также трактаты религиозного и светского содержания (филологические, военные, профессиональные и др.), написанные на тюркском и арабском языках¹. Многие из них до сих пор еще не изучены.

Тюркология располагает более или менее полным списком филологических сочинений, посвященных изучению и исследованию языка мамлюко-кыпчакских племен, включающих около десяти названий, содержащих до одиннадцати тысяч стержневых слов². В период правления мамлюко-кыпчакской верхушки в задачу филологов входило лишь изучение кыпчакского языка и обучение ему населения государства.

Изучение трудов восточных авторов и издание их в переводе на русский язык имеет, по словам А. Н. Кононова, существенное значение для развития тюркологической науки и изучения тюркских языков в историческом и сравнительно-историческом аспектах³.

Автор рецензируемого исследования А. И. Чайковская отмечает, что арабской грамматической школе была свойственна в некоторых случаях предвзятость суждений, особенно когда дело касалось грамматических классификаций. Такую же предвзятость часто проявляли и европейские ученые при изучении тюркских языков. А. И. Чайковская подчеркивает, что в трактовке грамматических явлений следует исходить не из созданных по иноязычному образцу готовых схем, а из законов развития данного конкретного изучаемого языка (стр. 4).

Работа А. И. Чайковской включает «Введение», два раздела и «Заключение». В качестве приложения дан «Индекс грамматических формантов» (стр. 170—177). Во вводной части дается характеристика исследуемых сочинений со ссылками на соответствующую литературу (стр. 3—25).

Исследования тюркского языка арабоязычными филологами анализируются автором как с позиции современной тюрколо-

гической науки (в области изучения определенных категорий глагола), так и в синхронном аспекте в сопоставлении с данными других памятников.

Материалом для исследования А. И. Чайковской послужили следующие четыре широко известных в тюркологии лингвистических трактата:

1) анонимный *كتاب مجموع ترجمان تركي وعجمي و موغلي* (1343 г.)

2) Джамал-ад-Дина ибн Муханны (конец XIII в.) *كتاب حلية الانسان وحلية اللسان*

3) Абу Хайяна *كتاب الادراال للسان الاتراك* (1312 г.);

4) анонимный *كتاب التحفة الزكية في الفة التركية* (конец XIV в.).

Для сравнительно-сопоставительного освещения исследуемого вопроса привлечены материалы «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари (XI в.) и «Ал-Каванин ал-куллий-йат ли-дабт ал-лугат ат-туркиййат» неизвестного автора конца XIV века, а также из работ, посвященных памятникам кыпчакских, огузских и карлукских языков.

Исследование А. И. Чайковской основано на оригинальных арабских текстах. Каждая категория первоначально рассматривается в свете существующей научной литературы. Далее характеризуется ее трактовка в каждом из исследуемых сочинений и обосновывается текстуальным анализом. Так, например, первый раздел, посвященный «Категории залога» (стр. 26—29), состоит из двух глав: «Отражение категории залога в тюркских арабоязычных грамматиках XIII—XIV вв.» (стр. 30—48) и «Текстуальный и грамматический анализ залоговых форм» (стр. 49—73). В первой главе автор выделяет залогообразующие форманты, а во второй подвергает их фонетико-морфологическому и синтаксическому анализу. Изучение осуществляется в сравнительно-сопоставительном плане как между данными источников, так и в сопоставлении с материалами ряда современных тюркских языков. При этом широко привлекаются высказывания известных специалистов. Та же методика применяется и во втором разделе, посвященном отдельным трактовкам арабоязычных филологов и их текстуальному и грамматическому анализу. Этот раздел включает главы: «Повелительное наклонение» (стр. 76—97), «Условное наклонение» (стр. 98—112), «Изъявительное наклонение в трактовках арабоязычных филологов XIII—XIV вв.» (стр. 112—141) и «Текстуальный и грамматический анализ временных форм изъявительного наклонения» (стр. 141—164).

¹ Подобного рода сочинения на территории мамлюкского государства и сопредельных с ним стран, разумеется, создавались и ранее. Авторами их были не только арабы, но и арабоязычные представители других, в особенности тюркских народов.

² Das kiptshakische von O. Pritsak. — In: «Philologiae turicae fundamenta», t. 1, Wiesbaden, 1959, стр. 74—77.

³ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, стр. 18.

В заключительной части исследования А. И. Чайковская пишет: «Средневековые арабыязычные филологические трактаты по тюркским языкам служили не только предметом обучения, но и средством научного исследования одновременно» (стр. 165). И далее: «Авторы этих трактатов пользовались как разработанными арабской лингвистической школой методами и принципами исследования, так и эмпирическим исследованием. В их трудах рассматривались в разном объеме все морфологические средства выражения категорий залога, наклонения, и времени, но под понятие грамматической категории они не подводились, поскольку такого понятия в науке еще не существовало» (стр. 166).

Работа А. И. Чайковской в целом производит хорошее впечатление, однако хочется высказать и некоторые замечания. Так, например, недостаточно убедительно обоснован тезис автора о «необходимости изучения лингвистических учений древних филологов» (стр. 4). Лингвистические концепции арабских авторов средневековья, касающиеся тюркских языков, следует отнести прежде всего к достижениям арабской средневековой лингвистики, о чем в работе ничего не говорится (стр. 5).

Отметим также неоправданное использование знаков арабских эмфатических звуков в транскрипции тюркских и особенно кыпчакских слов, поскольку в последних таких звуков нет. Это касается как текстов авторов арабыязычных трактатов, так и самой работы А. И. Чайковской. Этот упрек можно поставить также некоторым работам и других авторов, посвященным аналогичным темам. Трудно согласиться с мнением А. И. Чайковской, что эти эмфатические звуки «служат важным дифференциальным признаком при классификации тюркских языков» (стр. 8).

Некоторые утверждения автора требуют, по нашему мнению, уточнения, например, «Объектами изучения в этих трактатах являлись диалекты (языки), имеющие характерные признаки не только кыпчакских и огузских языков, как было принято считать ранее, но также и карлукских. Последнее подтверждается многочисленными аналогами из староузбекского и староуйгурского языков, приведенными в данной работе» (стр. 167). Сюда же примыкает замечание автора во вводной части монографии: «Анализируемые сочинения тюркологов, в основном, относят к числу памятников смешанного старотюркского (кыпчакско-огузского) литературного языка» (стр. 7) (выделено нами. — С. К., А. К.). Кстати заметим, что выводы эти не новы — они встречаются и в трудах других авторов, мнение которых А. И. Чайковская, очевидно, разделяет. Однако необходимо обратить внимание автора на следующие обстоятельства:

1) На территории мамлюкского государства в свое время были созданы как художественные произведения, так и лингвистические трактаты. Первые написаны на развитом письменном литературном языке,

тогда как языковой основой трактатов является живая разговорная речь⁴.

2) Лингвистические трактаты в основном относятся к кыпчакскому языку. В ряде трактатов на это указывается: в «Тарджу-мане» изучаются материалы *القفا قى* (кыпчакского языка) и *التركية*

(тюркского языка), которые в нем приводятся параллельно как синонимы, а примеры *التر كمانية* (туркменского языка),

даны как дополнительные и сравнительно-сопоставительные⁵.

Автор «Ат-Тухфа» отмечает, что при написании этой книги он «поставил [перед собой] задачу основываться на кыпчакском языке, потому что он широко употребляется. Туркменский язык я упоминаю в этой [книге] только в необходимых случаях и указываю [при этом]: «а говорят»...⁶. Известно, что «в словаре Абу-Хайяна преобладают кыпчакские слова»⁷, поскольку «среди мамлюков, представляющих различные тюркские племена, доминирующими были кыпчаки»⁸ и «наибольшее количество помет приходится на кыпчакский»⁹. Судя по этим замечаниям можно с уверенностью сказать, что в работе Абу-Хайяна кыпчакский язык изучается в сравнительно-сопостави-

⁴ А. К. Курышжанов. Язык старокыпчакских письменных памятников XIII—XIV вв. Автореф. докт. дисс., «Наука», Алма-Ата, 1973, стр. 9; Ф. Айдаров, Ә. Құрышжанов, М. Томаев. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. Алматы, 1971, стр. 53; М. Балакаев, А. Курышжанов. Казахский литературный язык. — В кн.: «Энциклопедический справочник», Алма-Ата, 1981, стр. 484; Ә. Құрышжанов. Қыпшақ. — «Қазақ Совет Энциклопедиясы», т. 7, 1975, стр. 102—104; его же. Көне қыпшақ жазба ескерткіштері. — Там же, т. 6, 1975, стр. 33—44; его же. Араб жазулы көне түркі ескерткіштері. — Там же, т. 1, 1972, стр. 425, 565; Ә. Құрышжанов, Ә. Ибатов. Ескі түркі жазба ескерткіштері жайында. — «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары», Алматы, 1981, стр. 110.

⁵ А. К. Курышжанов. Исследования по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабский словарь». Алма-Ата, 1970, стр. 16—17.

⁶ «Изысканный дар тюркскому языку» (Грамматический трактат XIV века на арабском языке). Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Ә. И. Фазылова и М. Т. Зияевой. Ташкент, 1978, стр. 14, 91.

⁷ М. Н. Маженова. Абу-Хайян — исследователь кыпчакского языка (материалы к истории казахского языка). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1969, стр. 51.

⁸ Н. А. Расулова. Исследование языка «Китаб ал-идрак ли-лизан ал-атрақ» Абу-Хайяна. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 26.

⁹ Там же.

тельном плане с данными туркменского, болгарского, уйгурского, татарского, языков токсоба, туркестанцев и др., а также с материалами некоторых диалектов, на долю которых приходится совсем незначительное количество слов и грамматических форм¹⁰.

3) В отличие от так называемого диалекта *لغة* (говор, диалект) в указанных трактатах, да и не только в них, кыпчакский, как туркменский и другие языки, приводится в качестве самостоятельного и самобытного языка. Вместо «кыпчакский» нередко употребляется слово «тюркский», поскольку кыпчакский авторами трактатов считался «чисто тюркским» языком, в отличие от туркменского — «смешанного». Это связано с тем, что «в историческом процессе следует отметить в литературе уже с начала XI в. наименование *түрк* наряду с *гузи*, примерно в таком же сопоставлении, в каком в XIII в. зачастую ставили *түрк* и *кыпчак*»¹¹.

4) Следует отметить, что некоторые исследователи не всегда ясно формулируют значение термина «староузбекский». Поэтому правильнее воздержаться от категорического утверждения, что рассмотренные трактаты имеют признаки карлукских языков. С не-

меньшим успехом можно было бы сказать, что эти трактаты отражают характерные признаки любого из современных тюркских языков (особенно в области грамматических категорий, которые обычно более консервативны), ибо тюркские языки имеют множество сходных элементов¹².

Все это свидетельствует о том, что основным объектом изучения и исследования арабоязычных авторов был кыпчакский язык, а побочными объектами — другие языки и диалекты. Кыпчакский язык представлен в трактатах обыденной разговорной речью. «Смешанный характер языка» этих трактатов объясняется именно этим обстоятельством.

Высказанные здесь замечания, возможно, в чем-то субъективны, а иной раз и спорны. И все же, как нам кажется, они заслуживают того, чтобы ими поделиться с читателем.

В целом рецензируемая работа А. И. Чайковской написана с учетом последних достижений советской и зарубежной тюркологии и представляет несомненный и значительный интерес для историков тюркских языков.

С. К. Кенесбаев, А. К. Курышжанов

¹⁰ Н. А. Расулова. Указ. раб., стр. 26.

¹¹ А. Зайончковский. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.). — «Вопросы языкознания», 1967, № 6, стр. 83.

¹² См.: Н. Т. Сауранбаев. Проблемы казахского языкознания. — «Избранные труды», Алма-Ата, 1982, стр. 258—259.

С. АРНАЗАРОВ. ТҮРКМЕН ДИЛИНДЕ СӨЗЛЕЙИШ ИШЛИКЛЕРИ (ДЕҢЕШДИРМЕ ПЛАНДА).

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ, АШГАБАТ, 1982, 152 стр.

Рецензируемая книга С. Арназарова является первой в туркменском языкознании монографией, посвященной исследованию лексико-семантических групп глаголов. Автор всесторонне анализирует туркменские глаголы речи в сравнении с такими же глаголами других огузских языков.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении (стр. 5—12) определяется место глаголов речи среди других лексико-семантических групп глаголов, рассматриваются их функции и дается краткий обзор литературы по исследуемой проблеме.

Первая глава монографии (стр. 13—48) посвящена анализу морфологической струк-

туры корневых и производных глаголов речи.

Корневые глаголы речи в туркменском языке, как и в других огузских языках, бывают односложными и двусложными. Из них к исконно корневым автор относит односложные глаголы. Что же касается двусложных глаголов, то, хотя на данном этапе развития языка они многими признаются корневыми, С. Арназаров считает их производными и приводит в доказательство ряд фактов. Так, в тюркологической литературе неоднократно было указано на производность глаголов типа *ока-* (<ок-а>), *диле-* (<дил-е>). Помимо этого в некоторых других двусложных глаголах речи автор

выделяет возможный корень и соответствующие аффиксы, что представляется вполне обоснованным. В таких случаях в роли словообразующих аффиксов выступают *-а/-е* и некоторые заимствованные аффиксы. Например, в составе глаголов туркм. *геңеш-*, азерб. *даныш-* и тур. *könüş-* автором выделены корень *геңе-* (*<кэңä-*), *тана-*, *кон-* и аффикс совместно-взаимного залога (стр. 17—23). Глаголы *зейрен-*, *иген* и *сакын-*, по мнению С. Арназарова, образованы с помощью аффикса возвратного залога, а *буйур-*, *табыыр-*, *ялбар-* и *язгар-* — с помощью аффикса повелительного залога.

В монографии подробно рассматриваются способы образования производных глаголов речи. Автор утверждает, что глаголы речи, образованные синтетическим и аналитическим способами, отличаются от других лишь тем, что они произошли от слов, семантически связанных с процессом речи.

Во второй главе рецензируемой монографии (стр. 49—128) исследуются лексико-семантические особенности глаголов речи.

Глаголы речи так или иначе связаны с процессом речи. Некоторые глаголы обладают способностью обозначать сам процесс речи во всей совокупности этого понятия, тогда как другие обозначают лишь его отдельные стороны. На основе этого автор делит глаголы речи на две большие группы: глаголы с общими значениями речи и глаголы с дифференцированными значениями речи.

В разделе «Глаголы речи с общим значением» (стр. 49—78) детально анализируются глаголы, обозначающие процесс речи в общем плане — *айт-*, *дий-*, *сөзле-*, *гепле-* и др., при этом широко привлекаются языковые факты не только близкородственных огузских языков, но и других языков тюркской системы. По мнению автора, наряду с выражением общего значения речи в указанных глаголах содержатся также указания на дифференцированные стороны речи. С. Арназаров попытался раскрыть этимологию основных глаголов речи, однако ему не удалось избежать некоторого повторения материала, изложенного в первой главе.

Исследуя в следующем разделе глаголы, выражающие какую-либо отдельную сторону процесса речи (стр. 79—127), автор делит глаголы с дифференцированными значениями на две подгруппы: 1) глаголы, обозначающие содержание процесса речи и 2) глаголы, обозначающие способ протекания речи.

Глаголы первой подгруппы рассмотрены в работе по признаку наличия в их лексическом значении оттенка эмоциональности. Эмоционально нейтральные глаголы речи разделены автором, соответственно характеру выражения ими тех или иных сторон речи, на шестнадцать мелких подгрупп. Например, глаголы *гүррүн эт-*, *гүррүн бер-* и *гүррүн леш-* обозначают беседу; *хабар бер-*, *магдумат бер-*, *дуйдур* и *билдир-* — сообщение и т. д. Среди эмоционально окрашенных глаголов речи различаются глаголы с положительными (значениями благодарности, поздравления и т. д.) и отрицательными (значения проклятия, наговора, злословия и др.) эмоциональными оттенками. На первый взгляд такая классификация глаголов речи кажется несколько условной, так как некоторые идентичные по значению глаголы, по признаку эмоциональной окрашенности, могут быть отнесены к разным семантическим группам, например, из синонимичных глаголов со значениями сообщения *хабар бер-*, *бушла-* и *шугулла-*, глагол *хабар бер-* отнесен к глаголам нейтральным в эмоциональном отношении, *бушла-* — к глаголам с положительным эмоциональным оттенком, а *шугулла-* — с отрицательным. Это положение автора представляется вполне правомерным.

В третьей главе анализируются синтаксические особенности глаголов речи, их роль в построении прямой и косвенной речи, союзные значения глагола *дий-* в сложноподчиненном предложении и т. д.

Монография С. Арназарова явится определенным вкладом в изучение грамматики не только туркменского языка, но и сравнительной грамматики тюркских языков юго-западной группы в целом.

Б. Ходжаев, Х. Айдогдыев

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебрянников (Москва). О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. А. Баскаков (Москва). Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве» 14

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- И. В. Боролина (Москва). О жанровой дефиниции пьес турецкого народного театра 30

ОНОМАСТИКА

- И. В. Дрон (Якутск). Названия гагаузских сел Молдавской ССР 41

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Д. М. Насилов (Ленинград). О. Н. Бётлингк как тюрколог-компаративист 52

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- В. Г. Гузев (Ленинград). Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория 67
- Ш. Ш. Шаабдурахманов, К. Н. Рахимова (Ташкент). Возникновение и распространение фонемы [ä] в говорах узбекского языка 80
- Х. Г. Нигматов, С. Г. Гиясов (Бухара). Семантическая структура некоторых имен прилагательных в узбекском языке 85
- А. Матгазиев (Фергана). К истории согласования сказуемого с подлежащим в узбекском языке 91

РЕЦЕНЗИИ

- К. Абдуллаев, Н. Худиев (Баку). Ферһад Зејналов. Түрколокијанын эсаслары 98
- Л. П. Сергеев, М. Ф. Чернов (Чебоксары). В. И. Котлеев. Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ 100
- Г. Джанузакوف (Алма-Ата). Г. Ф. Сатгаров. Татар исемнәре сузлеге 102
- С. К. Кенесбаев, А. К. Курышжанов (Алма-Ата). А. И. Чайковская. Тюркская грамматика в арабоязычных филологических трактатах XIII—XIV вв. 105
- Б. Ходжаев, Х. Айдогдыев (Ашхабад). С. Эрнazarов. Түркмен дилинде сөзлейиш ишликлери 107

- Б. Ходжаев, Х. Айдогдыев (Ашхабад). С. Ғназаров. Түркмен дилинде сөзлейиш
ишликлери 107

ОТ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

III Всесоюзная Тюркологическая конференция (Ташкент, 10—12. IX. 1980) в своей резолюции (См.: «Советская тюркология», 1981, № 1, стр. 99—103) рекомендовала тюркологам обратить особое внимание на углубленное изучение истории отечественной тюркологии.

Одним из необходимейших компонентов создания полноценной истории тюркской филологии является биобиблиографический словарь отечественных тюркологов.

Как известно, «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (ББСОТ) был издан в 1974 году (М.).

У тюркологов, пользующихся этим словарем, по всей вероятности, накопились поправки, уточнения и дополнения, которые было бы полезно включить в новое издание Словаря тюркологов (дооктябрьский период); новое издание предполагается осуществить в ближайшие два года.

Советский Комитет тюркологов обращается с просьбой ко всем коллегам, имеющим поправки, уточнения и дополнения к ББСОТ, незамедлительно сообщить таковые по адресу:

191041, Ленинград, Д-41, Дворцовая наб., 18. Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР академику А. Н. Кононову.

© «Советская тюркология» 1982 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 25.8.82 г. Подписано к печати 30.11.82 г. ФГ 30121. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 6110. Тираж 2910. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.